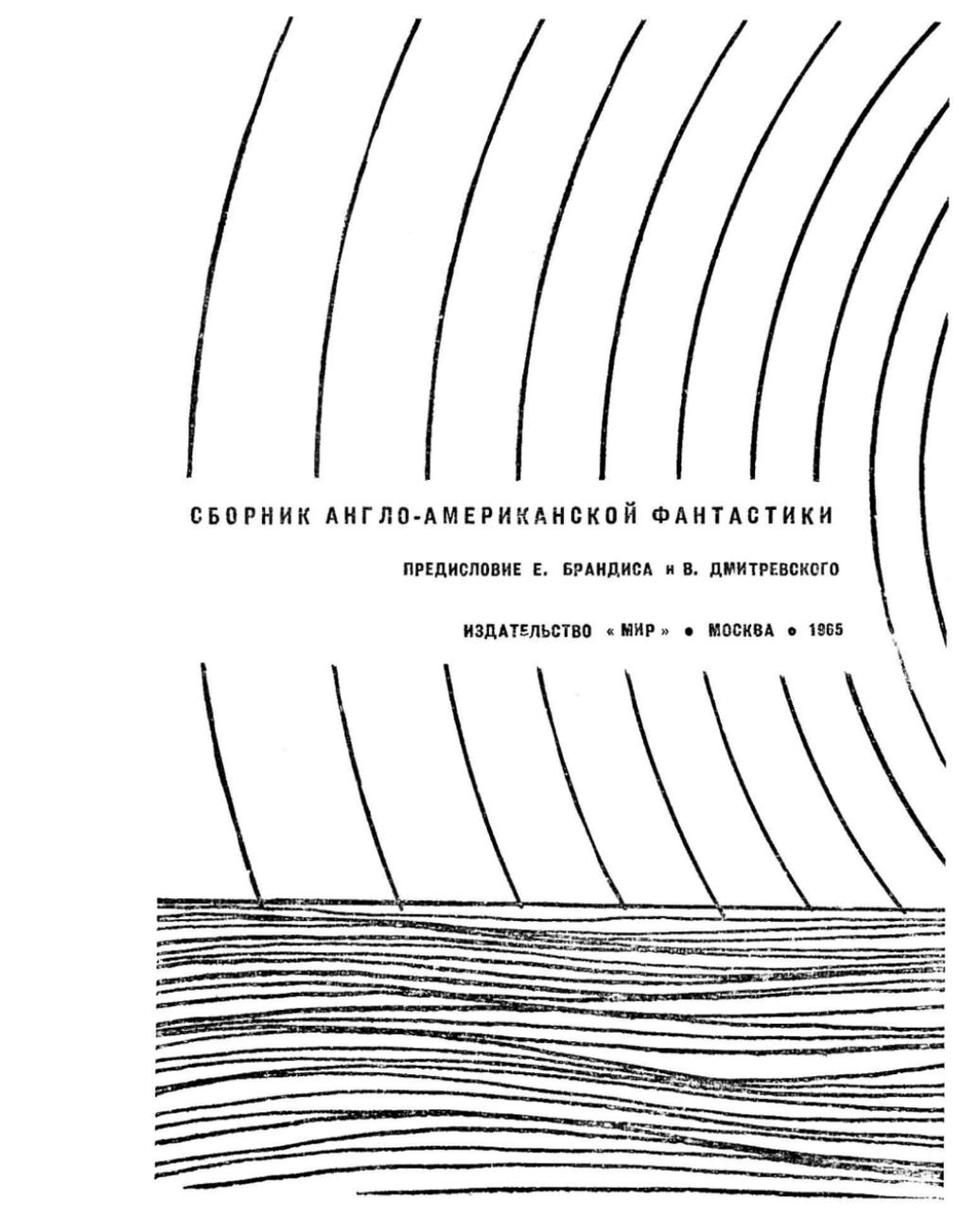

ЭКСПЕДИЦИЯ НА ЗЕМЛЮ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«М И Р»

The cover features a series of thick, black, curved lines that sweep across the top and sides of the page, creating a sense of movement and depth. The lines are more densely packed on the right side and become sparser towards the left. Below the main title, there is a horizontal band of many thin, closely spaced, slightly wavy lines that span the width of the page.

СБОРНИК АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ФАНТАСТИКИ

ПРЕДИСЛОВИЕ Е. БРАНДИСА и В. ДМИТРЕВСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР» • МОСКВА • 1965

**экспедиция
на землю**

Перевод с английского

Составление и редакция

Е. БРАНДИСА, В. ДМИТРЕВСКОГО, В. КАНА

*Суперобложка, переплет и титул
художника*

ЕВГ. БАЧУРИНА

Иллюстрации

Б. АЛИМОВА и С. АЛИМОВА

*Редакция научно-фантастической
и научно-популярной литературы*

Зеркало тревог и сомнений

1

Издатель американского журнала научной фантастики «Galaxy» («Галактика») писатель Гораций Леонард Голд попытался сформулировать свое отношение к этому виду литературы. По его мнению, ни один другой жанр не отражает столь остро желания, тревоги, страхи и надежды, внутреннюю и внешнюю напряженность нашего времени, как научная фантастика.

Действительно, противоречия и трудности «атомного века» разрушили у среднего англичанина и американца иллюзии о незыблемости жизненного уклада, сложившегося еще при королеве Виктории и Теодоре Рузвельте. Ведь в наши дни любой локальный военный конфликт, в какой бы части земного шара он ни возник, заставляет тревожно биться миллионы сердец, ибо каждый понимает, что новая мировая война унесет вместе с холодильниками, телевизорами и автомашинами — со

всем тем, что составляет стандарт американского благополучия, — и жизнь тех, кто ими владеет.

Могут ли люди, перед которыми закрыты горизонты истории, представлять себе будущее в радужном свете и делать оптимистические прогнозы, когда настоящее оказывается столь зыбким и неустойчивым?

Но прежде чем западная научная фантастика стала зеркалом тревог и сомнений людей второй половины XX века, она прошла несколько исторических этапов, подобно Протею, всякий раз меняя свой облик.

Если англичане справедливо считают отцом своей научной фантастики великого Уэллса, то американцы, по случайному стечению обстоятельств, возвели в этот ранг Хьюго Гернсбека, опубликовавшего в 1911 году довольно беспомощный роман «Ральф 124 С 41+».

Как причудливо складываются иной раз писательские судьбы! Нередко подлинные гении получают признание лишь много лет спустя после смерти. А тут молодой издатель научно-популярного журнала «Модерн электрикс», решив выразить в беллетристической форме свои мысли о будущем развитии науки и техники, стал публиковать из номера в номер главы торопливо написанного романа, неожиданно принесшего ему славу «первооткрывателя».

В честь Хьюго Гернсбека в США с 1955 года присуждаются литературные премии за лучшие научно-фантастические романы, повести и рассказы. Премии «Хьюго» — изображение космической ракеты на изящном постаменте — удостоены почти все талантливые американские фантасты последнего десятилетия. А в 1964 году почетный приз «Хьюго» присужден самому Хьюго как одному из зачинателей жанра, основавшему в 1926 году первый специальный журнал научной фан-

тастики «Amazing stories» («Удивительные истории»), существующий и в настоящее время.

Впрочем, Гернсбеку нельзя отказать в известной прозорливости. Еще в 1911 году в предисловии к своему единственному роману он так определил его «сверхзадачу»: «Эта повесть, действие которой происходит в 2660 году... должна рассказать читателю о будущем с точностью, совместимой с современным поразительным развитием науки. Автору хочется особо обратить внимание читателя на то обстоятельство, что, хотя многие изобретения и события могут показаться ему странными и невероятными, они не невозможны и не выходят за пределы досягаемого в науке».

Что касается некоторых технических прогнозов, то они действительно оправдались, особенно в области радиотелевизионной связи, и значительно раньше предусмотренного автором 2660 года. Но вот события — гениальный изобретатель с положительным индексом, пускающийся в погоню за марсианином, похитившим его прелестную невесту, — трудно совместить с какими бы то ни было представлениями о будущем, хотя подобные нагромождения космических авантюр, можно сказать, предвосхитили целое направление в американской фантастике — так называемую «космическую оперу».

Не преуменьшая заслуг Хьюго Гернсбека и как прозорливого писателя, продолжившего традиции Жюль Верна в научной фантастике, и как энергичного пропагандиста этого вида литературы, мы не можем согласиться с американскими литературоведами и критиками, которые, продолжая воздавать почести «патриарху», почему-то умаляют значение более давних традиций своей национальной литературы. А традиции эти

восходят к Эдгару По, впервые в американской литературе выдвинувшему тему науки и ее будущих возможностей.

Экспедиция Артура Гордона Пима к Южному полюсу, перелет на управляемом аэростате через Атлантический океан, путешествие Ганса Пфалля на Луну — в этих и других сюжетах, разработанных «гениальным поэтом человеческих странностей» (так Жюль Верн называл Эдгара По), несомненно, можно усмотреть зачатки научной фантастики, несмотря на то что писатель не стремился подчинить свою необузданную фантазию законам природы и достоверным фактам.

Фантастические повести и рассказы создавали и такие американские классики, как Натаниел Готорн и Амброс Бирс, но к интересующему нас жанру их произведения не имеют прямого отношения — эти авторы никак не связывают с наукой мотивировки необыкновенных явлений и причудливых событий.

Еще задолго до Хьюго Гернсбека научно-фантастические сюжеты спорадически возникали в творчестве почти забытых ныне американских писателей. Например, Эдвард Хейл в 1869 году опубликовал рассказ «Кирпичная Луна», где изображен искусственный спутник Земли, запущенный на орбиту посредством мощной катапульты. Позже, в 1894 году, Джон Джекоб Эстор не без влияния Фламариона написал роман «Путешествие к другим мирам», в котором еще до Уэллса («Первые люди на Луне») говорится о силе антигравитации: движение межпланетного энергетического корабля основано на отталкивании от планет. Наряду с описанием приключений героев на Юпитере и Сатурне автор рисует картину преобразенной Земли 2000 года. Инженерам удалось «выпрямить» ее ось с по-

мощью гигантских гидротехнических сооружений. Этот интересный роман был издан в русском переводе.

На исходе XIX века образование крупных капиталистических монополий вызвало в США подъем рабочего движения и обострение классово-борьбы. «Последний буржуазный рай на земле, — писал Энгельс, — быстро превращается в чистилище, и от превращения в ад, подобный Европе, его сможет удержать лишь бурный темп развития едва оперившегося американского пролетариата».

В этот период в США публикуются первые социальные утопии, в которых будущие общественные преобразования не отделяются от научно-технического прогресса. Тем самым появляется новый плацдарм для формирования научной фантастики, еще не ставшей, однако, самостоятельной отраслью литературы. Иначе говоря, уже наметилась тенденция, получившая свое дальнейшее развитие в наше время: слияние в одном русле социальной и научно-технической фантастики.

К таким произведениям относится и нашумевший в свое время роман Эдварда Беллами «Взгляд назад» (1888), известный также под заглавием «Через сто лет». Пробудив своего героя, Джулиана Уэста, от летаргического сна, автор переносит его в Бостон 2000 года, когда монополистические тресты, подчинившись государственному контролю, механически и безболезненно превратились в свою противоположность — «в одну огромную деловую корпорацию», организованную на социалистических началах. Все граждане несут трудовую повинность. Рабочая сила распределяется в соответствии с потребностями промышленности. Все работники независимо от профессии и квалификации получают за свой труд одно и то же вознаграждение. При

этом много внимания автор уделяет описанию бытового комфорта, одинаково доступного всем гражданам.

Своей прекраснородушной мещанской утопией Беллами оказал дурную услугу молодому рабочему движению Америки, стяжав вместе с тем необыкновенную популярность среди буржуазной интеллигенции и рабочей аристократии, которых вполне устраивали такие наивные представления о социализме, а главное — столь легкий способ перехода к нему: мирным путем, в результате реформистской деятельности гигантских капиталистических трестов.

И в то время как английский социалист Уильям Моррис, автор утопического романа «Вести ниоткуда» (1890), выступил с обстоятельной критикой «мещанского рая» Беллами, в США нашлись литераторы, которым его книга показалась чересчур радикальной. Один из них, Эдмунд Буагильбер, писавший под псевдонимом Игнатиус Донелли, опубликовал в 1890 году фантастический роман «Колонна Цезаря», поставив своей целью дискредитировать революционную борьбу пролетариата как бессмысленную, жестокую и не оправдывающую тех многочисленных жертв, которых она требует. Книгу Донелли, так же как и романы англичан Перси Грэга «Через Зодиак» и Дэвида М. Пэрри «Багровое царство», мы отнесли бы сейчас к разряду «антиутопий».

Нельзя вычеркнуть из истории американской фантастической литературы и «Янки при дворе короля Артура» Марка Твена, и социально-фантастический роман Джека Лондона «Железная пята», и такие его повести, как «До Адама» и «Алая чума».

Этим, конечно, далеко не исчерпывается перечень американских писателей, которых можно считать пред-

шественниками научной фантастики XX века, какой она сложилась в США после первой мировой войны и в последующие десятилетия.

2

Небывалые успехи науки и техники вызвали к жизни особую разновидность фантастического рассказа, иллюстрирующего ту или иную техническую идею в ее последующем развитии либо выдвигающего какое-нибудь парадоксальное допущение. Рассказы такого типа, печатавшиеся обычно на страницах многочисленных научно-популярных журналов, появлялись почти во всех странах, не исключая, конечно, и Америки. Однако авторы «прикладной» научной фантастики, лишенной, как правило, всяких художественных достоинств, не оставили в литературе сколько-нибудь заметного следа.

Первым американским фантастом XX века, стяжавшим мировую известность, был Эдгар Райс Берроуз (1875—1950), написавший около шестидесяти романов — из них 23 посвящено приключениям Тарзана, 10 «марсианских», 4 «венерианских», несколько «подземных», «лунных» и других.

Первая книга Берроуза «Тарзан среди обезьян» (1914) была задумана как не лишенная пародийности своеобразная вариация на тему киплингвской «Книги джунглей». Неожиданно для автора она превратилась в «бестселлер», и это заставило его сочинять все новые и новые продолжения баснословных походов и подвигов Тарзана. Несмотря на поразительную легковесность и нагромождение всевозможных нелепостей, Берроуз завоевал читателей своей неумной фантазией и

умением строить поистине головокружительные сюжеты. По признанию американского критика С. Московица, книги Берроуза были проданы в большем количестве экземпляров, чем Библия!

Из того же теста, что и Тарзан, слеплены Берроузом и два других героя-супермена — Джон Картер и Карсон Непир. Первый из них избирает ареной действия Марс, второй — Венеру. В этих космических романах фантазия обогащается элементами техники — фигурируют межпланетные корабли, различные автоматические устройства, лучевые пистолеты, фабрика воздуха, вырабатывающая на Марсе атмосферу, и т. д. Преодолевать немыслимые препятствия и нокаутировать марсианских силачей, обладающих к тому же многими таинственными свойствами, Картеру помогает необыкновенно развитая мускулатура, которая в условиях ослабленного притяжения делает его чудо-богатырем.

Именно Берроузу суждено было стать одним из родоначальников того этапа развития американской научной фантастики, который вошел в историю литературы под названием «космической оперы». Для этой школы, сложившейся в 20-х годах, характерны буйство фантазии, романтическая приподнятость, масштабность действия, ареной которого служат безграничные просторы Вселенной, отсутствие какой бы то ни было растерянности и страха перед тайнами мироздания, героизация образа человека Земли, обладающего всеми свойствами супермена, хорошо знакомого читателям по ковбойским и детективным романам.

Школу «космической оперы» в какой-то степени можно противопоставить модернистской литературе со свойственными ей настроениями пессимизма и безна-

дежности, которыми после первой мировой войны была охвачена значительная часть буржуазной интеллигенции. Вместе с тем «космическая опера» — это и своеобразное обновление колониального романа. К 20-м годам в основном закончился период крупных географических открытий, и теперь «освоение» новых земель как бы выносятся в космическое пространство. Отсюда и замена приевшейся земной экзотики воображаемой экзотикой чужих миров. Только книги Берроуза и его последователей были рассчитаны на менее взыскательные вкусы, нежели колониальные романы Киплинга, Лоти или Фаррера.

Писатели, относящиеся к «космической опере», — а имя им легион! — населили околосолнечное пространство чудовищами с глазами, как у жуков (сокращенно их называют ВЕМ, то есть Bug Eyed-Monsters), зловещими шарами из протоплазмы, кровожадными растениями, ненасытными вампирами и другими химерическими порождениями ничем не ограниченной фантазии, с которыми приходится вступать в борьбу бесстрашным пришельцам с Земли. Все эти инопланетные монстры, несомненно, являются близкими или далекими потомками зловещих марсиан из «Борьбы миров» Уэллса.

Расцвет «космической оперы» приходится на 20—30-е годы, но она продолжает существовать и позже, правда в несколько модифицированном виде, наряду с другими направлениями американской «Science Fiction».

Следует упомянуть в этой связи Эдварда Эльмара Смита, автора «Ленсменов» и «Скайлара» — двух серий приключенческо-космических романов. Доктор философии, химик по специальности, Э. Э. Смит создает

в своих произведениях значительно более правдоподобную научную декорацию и более логические мотивировки, нежели Берроуз. Бесконечно расширяя сферу действия своих героев, он распространяет ее и на соседние Галактики. Основная идея Смита — борьба доброго и злого начала среди разумных существ во Вселенной — надолго утвердилась затем в мировой научно-фантастической литературе. С этой темой связаны, в частности, романы современного французского писателя Франсиса Карсака («Пришельцы ниоткуда», «Этот мир — наш» и др.). Одним из первых, еще задолго до возникновения кибернетики, Э. Э. Смит ввел понятие о гигантской машине-роботе, которой надлежит наводить порядок в целой Галактике. В наши дни американские фантасты постоянно эксплуатируют подобные сюжеты, варьируя их на тысячи ладов.

Можно еще упомянуть и писателя Кларка Аштона, автора романов «Город поющего пламени», «Пленники Андромеды», «Женщины-цветы» и др. Сами названия этих книг, эффектные и выспренние, весьма типичны для «космической оперы».

С середины 20-х годов начал печататься Эдмонд Гамильтон, написавший сотни романов, повестей и рассказов, причем некоторые в соавторстве со своей женой, писательницей Ли Брекетт. Не выдвигая никаких серьезных проблем, он сосредоточивает все внимание на невероятных приключениях в космосе, перенося на просторы Галактики чудовищные войны миров, политические интриги, дворцовые перевороты, заговоры, шпионаж, гангстеризм — весь реквизит полицейско-авантюрных романов. Правда, в последующие годы под влиянием новых веяний в научной фантастике Гамильтон осложняет свои крепко сколоченные сюже-

ты социальными и морально-психологическими мотивами. Это уводит его от «чистой» «космической оперы», хотя в общем он и сейчас остается близок «старой школе». Представление о творчестве Гамильтона могут дать такие его поздние романы, как «Звездные короли» и «Город на краю света», рассказ «Профессионал», повесть «Сокровища громовой Луны» (переведена на русский язык).

В стандартную продукцию «космической оперы» некоторое обновление вносит образ гениального изобретателя или ученого-одиночки, противопоставляющего себя обществу. Появился даже специальный термин MS (Mad Scientist), то есть «безумный ученый». Этот традиционный со времени поздних романов Жюль Верна образ, воскрешенный в США профессором математики Эриком Темплом Беллом, писавшим под псевдонимом Джон Тэйн, покончил с монополией космических тарзанов.

Новое направление в американской научной фантастике четко обозначилось с середины 30-х годов, когда молодой физик Джон Кэмпбелл, в период кризиса попытавшийся силы на новом поприще, стал редактировать журнал научной фантастики «Astounding science fiction» и писать в этом жанре под псевдонимом Дон Стюарт. Для творчества самого Кэмпбелла и писателей, группировавшихся вокруг его журнала, характерно более серьезное отношение к научным гипотезам, а также внимание к социальным и психологическим проблемам.

И это вполне объяснимо в годы, ознаменованные, с одной стороны, небывалыми успехами науки и техники и, с другой — мировым экономическим кризисом, разрушившим иллюзии о прочности американского «процветания». В этой обстановке писателям-фантастам

пришлось задуматься не столько о феерических похождениях своих героев в космосе, сколько о будущем Земли и судьбах человечества. И надо сказать, что прогнозы были далеко не утешительные. Неурядицы и неблагоприятное реальное будущее получали в зеркале фантазии обобщенно-гипертрофированное отражение, доходя иной раз до злобных символов и аллегорий.

Например, тот же Кэмпбелл в дилогии «Перед рассветом» и «Ночь» рисует деградацию человечества, потерявшего стимул к дальнейшему прогрессу и уже не способного к созидательной деятельности. Единственно, что удается герою, — внушить любознательность машинам, которые собирают сохранившиеся знания, но не могут обратить их на пользу людям: потухающее Солнце обрекает на гибель все живое, и машины остаются одни, продолжая свою бессмысленную работу.

К началу 40-х годов школа «космической оперы» стала изживать самое себя, перейдя в разряд полубульварной беллетристики. Кэмпбелловская линия укреплялась, находя все больше приверженцев среди ведущих писателей-фантастов.

О растущей популярности научной фантастики в США свидетельствует прежде всего увеличение количества периодических изданий, сборников и антологий. Достаточно сказать, что если в 1938 году выходило пять журналов научной фантастики, то в 1939 году их было уже тринадцать, а в 1941 — двадцать.

Научная фантастика превратилась в новую отрасль литературной индустрии.

Вступление США во вторую мировую войну на несколько лет затормозило развитие этого вида литературы.

Но прежде чем говорить о ее современном состоянии, следует остановиться на некоторых особенностях английской научной фантастики первой половины нашего века.

3

Страна старейшего капитализма стала родиной первых классических утопий. Выдающиеся английские философы, социологи и публицисты, от Томаса Мора до Уильяма Морриса, оставили немало серьезных утопических произведений, оказавших воздействие на прогрессивную общественную мысль и за пределами Англии.

После промышленного переворота зарождается кардинальная тема мировой фантастической литературы — взаимоотношения человека с машиной. К произведениям, навеянным предчувствиями разрушительных сил, которые могут быть вызваны к жизни с помощью науки, следует отнести знаменитый роман Мэри Шелли «Франкенштейн» (1818), предвосхитивший, хотя и в полумистической форме, трагическую антитезу современной научной фантастики Запада. И недаром этот роман об искусственном человеке, восставшем против своего создателя, так часто упоминается английскими и американскими писателями наших дней, а имя Франкенштейна стало нарицательным.

Революционные выступления пролетариата и возникновение научного коммунизма не могли не привлечь внимания к проблеме «человек и машина». Но если чартистский поэт Эрнст Джонс, разделявший взгляды Маркса и Энгельса, видел в науке освободительную силу, которую приведет в действие победоносная

пролетарская революция (утопическая поэма «Новый мир»), то его соотечественники, далекие от коммунистических идеалов, придерживались прямо противоположной точки зрения.

Блестящий сатирик викторианской эпохи Самюэл Батлер в утопическом романе «Эреуон» (1872) * рисует патриархально-демократическое государство, преднамеренно обходящееся без всяких машин. Гражданская война в этой вымышленной стране закончилась победой разрушителей машин и принятием декрета, категорически запрещающего их применение.

С аргументами Батлера могли бы вполне согласиться многие из современных фантастов Запада. Машина, утверждает он, представляет для человека потенциальную угрозу, так как, непрерывно совершенствуясь, она примет в конце концов человеческий облик и поработит своих творцов: «Слуга неизменно превращается в хозяина; уже сейчас достигнута такая стадия, когда человек будет очень страдать, если он вдруг лишится услуг, оказываемых машинами.

...Не превышает ли теперь количество людей, уживающихся за машинами, число тех, кто заботится о людях? Разве не мы сами создаем себе преемников в верховной власти над Землей, ежедневно совершенствуя машины, наделяя их красотой и тонкостью, ежедневно придавая им все больше ловкости и увеличивая ту саморегулирующую и самодействующую силу, которая будет превосходить всякий интеллект?»

Английский историк-марксист А. Л. Мортон, автор известной у нас книги «Английская утопия», считает

* Анаграмма слова «Nowhere» — «нигде». По-русски это должно звучать как «Едгин».

антибуржуазную сатиру Батлера одной из последних социальных утопий старого типа.

Противоречия эпохи империализма вызвали к жизни иные представления о будущем и новую форму социально-фантастического романа.

На рубеже двух столетий Герберт Уэллс соединил в одном комплексе утопию, сатиру и науку. Впервые на английской почве он подвел под социальную фантазию научно-технический фундамент. Творчество Уэллса так хорошо известно, что мы не будем на нем особо останавливаться. Созданная им традиция фантастического романа нового типа определила высокий художественный критерий и одновременно усложнила творческие поиски писателей, пытавшихся создавать серьезные произведения. Шагать в ногу с Уэллсом было нелегко. Основатель социально-философского направления в мировой научной фантастике обладал разносторонней эрудицией и огромным реалистическим талантом. Даже такие крупные писатели, как Эдвард Морган Форстер и Олдос Хаксли, выступившие с полемическими произведениями, направленными против социально-утопических идей Уэллса, не только не смогли противопоставить ему сколько-нибудь позитивной программы, но и подняться до уровня его художественных обобщений.

Чрезвычайно распространенный мотив буржуазной фантастики — боязнь механизации общества со всеми вытекающими отсюда последствиями: нивелированием индивидуальности, притуплением интеллекта, потерей нравственных устоев и чувства прекрасного — особенно отчетливо прозвучал в рассказе Э. М. Форстера «Машина останавливается». Это сумрачное произведение, написанное еще в 1911 году как ответ на техно-

кратические фантазии Уэллса, увидело свет лишь семнадцать лет спустя. А несколькими годами позже появился роман О. Хаксли «Прекрасный новый мир» (1932), направленный своим ядовитым острием против идей социализма и доведший до кошмарной гиперболы мальтузианскую доктрину. Этот и особенно поздние, откровенно реакционные романы Хаксли, о которых у нас достаточно много писали, утвердили в новейшей буржуазной фантастике антиутопический жанр.

По существу, последней и наиболее значительной утопией в английской литературе XX века был и остается роман Уэллса «Люди, как боги» (1923). В дальнейшем в английской социальной фантастике место утопии заняли антиутопии и романы-предупреждения. Но даже и в «чистой» научной фантастике 20—30-х годов англичане более последовательно, нежели американцы, проводят социальные идеи. В то время как в американской фантастике почти безраздельно царила «космическая опера» с ее буйной экзотикой, бездумной развлекательностью и перенесением центра тяжести с изображения характеров на развертывание динамического действия, в Англии пользовался большим успехом такой серьезный писатель, как Олаф Степлдон (1886—1950), автор беллетризованных фантастических трактатов о далеком будущем — «Последние и первые люди» (1930), «Создатель звезд» (1937) и др. Степлдон попытался развить свою причудливую концепцию о последующих ступенях биологической и социальной эволюции человечества в масштабах солнечной системы, а в дальнейшем — и всей Галактики. Хотя сам он считал себя атеистом, его мысль об искусственном происхождении Вселенной, которая является якобы результатом грандиозного эксперимента всемогущего, но не

всеведущего разума, не свободна от своеобразного богоскательства.

Характерно, что гипотезы о наличии сверхцивилизаций, способных преобразовывать целые звездные системы, в последние годы перестали быть достоянием только фантастов и находят сторонников среди ученых. Так, например, советский астрофизик И. С. Шкловский в статье «Множественность обитаемых миров и проблема установления контактов между ними» («Наука и жизнь», 1965, № 1) стремится обосновать, но, конечно, без ссылки на вмешательство «божественного начала», а лишь посредством математической логики поражающую воображение гипотезу.

«Для проблемы установления радиоконтактов возможность существования сверхцивилизаций, располагающих энергетикой $\sim 10^{33}$ и даже $\sim 10^{43}$ эрг/сек, имеет решающее значение. Н. С. Кардашев недавно высказал исключительно смелую идею, что, может быть, некоторые источники космического радиоизлучения, которые сейчас наблюдаются, имеют искусственное происхождение. Мыслимы два типа таких источников: сверхцивилизации, освоившие производство энергии $\sim 10^{33}$ эрг/сек и имеющие размеры порядка размеров планетных систем (10^{12} — 10^{15} см), или же еще более развитые цивилизации, освоившие и преобразовавшие свои звездные системы».

Когда встречаешь столь смелые мысли в статье известного ученого, не приходится удивляться тому, что изменилась масштабность представлений, с которыми сталкиваешься в мировой научной фантастике последних десятилетий.

Возвращаясь к английской фантастической литературе, мы должны отметить и ее художественное своеоб-

разие. Еще со времени Свифта английские фантасты обладали искусством создавать иллюзию достоверности с помощью реалистической конкретизации обстановки действия и умением доводить до логического конца любое парадоксальное допущение. Эти особенности сохранились и в творчестве наиболее одаренных научно-фантастических писателей современной Англии (Джон Уиндем, Артур Кларк, Брайан Элдисс, Уильям Тэнн, Джеймс Мак-Интош и др.).

Однако уже в годы, предшествующие второй мировой войне, начинается процесс нивелировки: английские фантасты все больше теряют свое национальное своеобразие, растворяясь в мощном потоке конкурирующей американской фантастики. Этому способствует и издательская практика. Книги, написанные на английском языке, одновременно издаются в США, Англии, Канаде и Австралии. Многие писатели-англичане живут или проводят большую часть времени в США. Покупая новый фантастический «покетбук», читатель не знает, кто автор этой книги — англичанин или американец. Практически после второй мировой войны приходится говорить не об английской или американской фантастике, а об англо-американском направлении в научно-фантастической литературе.

4

Закончилась вторая мировая война. Как всегда, после гигантских потрясений появились новые надежды — надежды на спокойное существование, на длительный и прочный мир. Но почти без всякого перерыва после ужасов Хиросимы были приведены в действие тайные пружины «холодной войны». Могуще-

ственные силы, действующие в интересах монополистических картелей и синдикатов, настойчиво навязывали мысль о беспомощности людей перед ходом истории, о неизбежности термоядерной войны как единственного способа «разрешения противоречий» между капиталистическим Западом и социалистическими государствами. Эта фаталистическая концепция, призванная идейно, политически и морально разоружить народы, нашла своих теоретиков среди буржуазных философов, социологов и экономистов.

В англо-американской фантастической литературе те же пессимистические идеи получили свое отражение как в прямой, так и в завуалированной форме. Наиболее беспринципные литераторы, не гнушаясь развязной антисоветской пропаганды, печатают десятки фантастических «боевиков», наполненных дикими вымыслами о воинственных планах кремлевских лидеров, о красных шпионах в космосе, о диверсантах, засылаемых в страны «свободного мира», и т. д.

Оставляя все эти пропагандистские фальшивки на совести закулисных покровителей поставщиков подобного чтива, мы хотим рассказать о творчестве серьезных и честных писателей, которые под влиянием господствующих настроений нередко пишут книги, проникнутые отчаянием и страхом перед будущим. Авторы многих фантастических произведений помышляют о том, как спасти остатки земной цивилизации, чудом уцелевшей после тотальной атомной войны, но даже не задумываются над возможностью ее предотвращения. И, несомненно, этим неизбывным ужасом перед завтрашним днем навеяна едва ли не самая распространенная в последние десятилетия тема космических катастроф и всеобщей гибели. Бесчисленные романы,

повести и рассказы заполнены описаниями трагических последствий угасания или разогревания Солнца, оледенения Земли, губительных вспышек сверхновых, истребительных межгалактических войн, вторжения инопланетных агрессоров и т. п.

По-видимому, прав был американский писатель Филипп Уайли, заявивший в своей статье «Научная фантастика и здравомыслие в эпоху кризиса» (1953): «Многие из нас кое-чему научили людей, но только малую часть. В основном мы научили людей бояться, потому что большинство из нас на самом деле боится, хотя и не всегда признается в этом. Но мы не научили тому, что Человек — это созидательная сила, развивающаяся и созревающая, ответственная за свои действия и способная при желании исправить их последствия».

В послевоенные годы в Англии и США еще больше увеличился спрос на научно-фантастическую литературу. Выходят многотиражные журналы с параллельными изданиями в разных странах, огромное количество сборников и антологий; ежегодно выбрасывается на рынок около двухсот новых книг; функционируют десятки клубов и объединений любителей «Science fiction», которые выпускают свои бюллетени, устраивают международные и региональные конференции, присуждают премии за лучшие романы, повести, рассказы, пьесы, фильмы, телевизионные постановки. Научная фантастика стала также весьма доходной отраслью киноиндустрии.

Но количественный рост сам по себе еще не служит показателем объективного состояния литературы. Незддержимый поток этой печатной продукции разливается на множество русел, имеет свои глубинные течения, выбрасывает на поверхность предостаточно мутной

пены. Ошеломляет исключительная пестрота и разнообразность господствующих тенденций, что одинаково относится и к форме, и к содержанию.

Безвестные авторы развлекательных романов продолжают худшие традиции «космической оперы», доводя «динамику» действия до уровня примитивных комиксов. Издаются и так называемые «fantasy» (фантазии) — сплошь и рядом откровенно мистические книги с привидениями, призраками, вампирами и всякой потусторонней чертовщиной. Наряду с этим, но, конечно, в очень небольшом количестве, выходят действительно первоклассные произведения, попадающие в антологии, сборники и даже школьные хрестоматии. Это относится, в частности, к Рэю Бредбери, чьи лучшие рассказы ставятся в один ряд с прозой Хемингуэя, Стейнбека, Фолкнера, Сарояна.

Тяготение к серьезной, мы бы сказали, проблемной научно-фантастической литературе — характерная черта послевоенного периода.

В Англии и США рецензируют новинки и занимаются разработкой теории жанра не только профессиональные критики и обозреватели, но также крупные ученые и писатели. Например, известный английский философ Бертран Рассел снабдил своим предисловием одну из антологий фантастических новелл, а его соотечественник, талантливый романист Кингсли Эмис, посвятил научной фантастике большую работу «Новые карты ада» (1960).

Проведенное несколько лет назад в США обследование читательских интересов показало, что около 35% работников науки и техники увлекаются фантастической литературой, и это не могло не сказаться на ее интеллектуальном уровне. Обращает на себя внимание

еще и такой любопытный факт. Среди многочисленных авторов научно-фантастических произведений мы находим нередко виднейших ученых Запада. Достаточно назвать Норберта Винера, Лео Сциларда, Грея Уолтера, Фрэда Хойла, Джорджа Смита, Чэда Оливера. В то же время некоторые из ведущих писателей-фантастов успешно совмещают литературную деятельность с научной (Айзек Азимов, Артур Кларк). То же самое наблюдается сейчас почти повсеместно — и в Советском Союзе, и в Японии, и в других странах.

На первый план выдвинулась социальная и психологическая фантастика, которую меньше всего занимает обоснование всякого рода наукообразных гипотез. Допущение необычного — всего лишь литературный прием, позволяющий создать логическую мотивировку, и только в редких случаях — средство художественной популяризации конкретной научно-технической проблемы, что было характерно, например, для Жюль Верна. Тем не менее любой писатель-фантаст нашего времени, на каких бы позициях он ни стоял, исходит из идеи решающего влияния науки на жизнь общества.

В англо-американской фантастике послевоенного периода критика выделяет, называя «первыми среди первых», около сорока даровитых авторов. Кроме хорошо известных у нас Бредбери, Азимова и Кларка, в любой статье и обзоре упоминаются американцы Пол Андерсон, Роберт Хайнлайн, Теодор Старджон, Джеймс Блэш, Роберт Шекли, Клиффорд Саймак, Мюррей Лейнстер, Альфред Ван Фогт, Сирил Корнблат, Фредерик Пол, Спрэг де Камп, Артур Порджес, Мак Рейнольдс, Эрик Франк Рассел, Генри Каттнер, Филипп Жозе Фармер, Фредерик Браун, Фриц Лейбер, Джек Уильямсон и некоторые другие. В Англии ведущую

группу составляют Джон Уиндем, Джеймс Мак-Интош, Джон Кристофер, Уильям Тэнн, Джим Баллард, Брайан Элдисс и др.

Каждый из перечисленных писателей обладает своим индивидуальным творческим почерком, своими склонностями и пристрастиями, своим отношением к жизни, науке и человеку.

В этой сфере тоже есть свое «разделение труда» и своя узкая специализация. Например, Уиндема больше всего занимает изображение глобальных катастроф, а Лейнстер отдает предпочтение приключенческим космическим сюжетам. Одного привлекают фантастические коллизии, вытекающие из нарушения законов времени (Лейбер), другого — социальные последствия того или иного необычного открытия (Тэнн). Один выступает как убежденный иррационалист, сторонник теории «потока сознания» (Ван Фогт), другой, наоборот, строит фантастические романы исходя из строго логических предпосылок (Спрэг де Камп). Если Каттнер, придумывая поразительную фабулу, бьет преимущественно на внешний эффект, то Фредерик Пол обращает главное внимание на раскрытие внутреннего мира своих героев и т. д.

В несколько парадоксальной манере, но, как нам кажется, довольно правильно, оценивает своеобразие лучших, по его мнению, американских фантастов известный литературный критик Альфред Бестер. В статье, опубликованной в мартовском номере «*Fantasy and Science Fiction*» за 1961 год, он характеризует одного за другим семерых, совершенно непохожих друг на друга авторов, чтобы затем создать воображаемый портрет, своего рода эталон несуществующего идеального писателя.

Роберт Хайнлайн, по словам Бестера, — это Киплинг современной научной фантастики, со всеми присущими ему достоинствами и недостатками. Проходящая лейтмотивом через все его творчество тема борьбы за жизнь выражается прямолинейно и однотонно. При этом Хайнлайн излишне героизирует своих персонажей, несущих в космосе «бремя белого человека».

Теодора Старджона критик считает тонким психологом и, может быть, самым человечным из всех американских фантастов. С этим можно согласиться, прочитав его рассказ «Особая способность», представленный в нашем сборнике. Образ ученого Слоса, тщедушного, неуклюжего человечка, ставшего мишенью для насмешек всего экипажа космического корабля, написан очень выразительно. В самый трудный момент неудачник Слос совершает то, на что не отважился ни один из членов экспедиции, отправленной на Венеру за чудесными кристаллами. Этим рассказом Старджон утверждает поправленное человеческое достоинство.

Блестящего фабулиста Роберта Шекли А. Бестер упрекает за то, что он становится все более однообразным, часто повторяя те же ситуации и перенося их из рассказа в рассказ два-три одинаковых характера.

Джеймс Блиш, как ему кажется, олицетворяет собой и силу, и слабость современной научной фантастики. Сила Блиша в том, что он всегда старается подняться над событиями и быть объективным. Но при этом, рассуждая об идеях, писатель забывает о живых людях. Он интересуется тайнами Вселенной гораздо больше, чем теми, кто ее исследует или населяет.

Если Блиш намеренно не обращает внимания на характеры, предпочитая жонглировать идеями, то Ай-

зек Азимов — подлинный классик научной фантастики, добросовестный, широко эрудированный ученый — переносит основное внимание с характеров на идеи по той причине, что у него, как полагает А. Бестер, не хватает внутреннего драматизма и эмоциональности. И это приводит к тому, что художественное произведение превращается иной раз в беллетризованный научный трактат.

Приведенная оценка творчества Азимова нам кажется не вполне объективной, во всяком случае ее нельзя распространить на все его произведения, особенно на те, что изданы в русском переводе. Вспомним прежде всего сборник рассказов «Я, робот». Несмотря на то что главными героями здесь выступают не люди, а высокоорганизованные, думающие машины, они наделены многими положительными свойствами, которых так часто недостает людям. Разве не подлинно драматична ситуация с временно вышедшим из повиновения роботом Спиди? Он не только спасает своего хозяина от неизбежной гибели, но и полностью осознает невольную вину, отягощающую его «совесть» («Хоровод»). А разве не насыщен тончайшими эмоциями рассказ «Робби», в котором робот-няня относится с трогательной нежностью к девочке Глории и в критическую минуту приходит ей на помощь? Те же, кто читал рассказ Азимова «Уродливый мальчуган», этот вдохновенный гимн материнскому чувству, конечно, никогда не забудут Эдит Феллоуз, совершившую подвиг самопожертвования во имя любви к маленькому безобразному неандертальцу, фантастическим способом переброшенному в наше время.

Продолжая свою характеристику «великолепной семерки», А. Бестер останавливается на творчестве

Филиппа Жозе Фармера, считая его самым смелым из всех авторов. Он, по мнению критика, пожалуй, единственный из фантастов, кто не боится довести любую идею до логического конца, как бы ни был неприятен этот конец.

Затем следует оценка Рэя Бредбери, которого Бестер называет «мастером протеста». «Его произведения напоминают размытые акварели. Это — тончайшее искусство, и художник не позволяет себе резких штрихов. Но прочесть подряд сборник Бредбери нелегко — слишком уж много нюансов, и порою кажется, что не хватает настоящей, пусть даже грубой пиццы. Тем не менее Бредбери удалось произвести настоящий переворот в научной фантастике».

Оценка этого крупнейшего американского писателя кажется нам в общем справедливой, но недостаточно полной: многозначительная формула «мастер протеста» осталась нераскрытой. К Бредбери мы еще вернемся.

Если бы появился идеальный, отвечающий всем требованиям Бестера писатель-фантаст, то в нем соединились бы «драматическое мужество Хайнлайна, гуманизм Старджона, блеск Шекли, объективность Блиша, энциклопедический энтузиазм Азимова, смелость Фармера и высокий стиль Бредбери».

Что и говорить, сплав мог бы получиться удачным! Но, к сожалению, в этой суммарной характеристике не нашли отражения многие существенные стороны современной англо-американской фантастики.

Слабости ее очевидны, и говорилось о них достаточно много. Это — неумение создавать конструктивные представления о будущем, растерянность перед

настоящим, увлечение фрейдистским психоанализом и новейшими «откровениями» модных на Западе философских школ, неверие в возможность улучшить природу человека, взгляд на историю как на вечный круговорот событий и т. д. Об этом мы уже писали в брошюре «Мир будущего в научной фантастике». А здесь нам хотелось бы прежде всего выделить другую сторону англо-американской фантастики — свойственные ей критические тенденции, которые, пожалуй, ни на одном участке современной западной литературы не выражены столь отчетливо.

Ведь сама природа фантастического образа предполагает его соотнесение с действительностью, содержит обычно второй план, некий смысловой подтекст, открывающий простор для аллегорических толкований. Реальные жизненные явления, порождающие фантастические гиперболы, предстают в новом освещении, в неожиданных пропорциях и необычных ракурсах. Благодаря этому критическое начало, заложенное в произведении, иногда даже помимо воли автора, разрастается в глазах читателя до обобщающего символа.

Речь идет не только о вещах, которые принято относить к жанру «предупреждений», но о настроениях и чувствах, владеющих многими писателями. Это тревога за судьбу мира и цивилизации. Это неприятие самого строя жизни, лишаящего человека его человеческой сущности. Это пристальное внимание к участи рядовых людей, становящихся жертвами всеобщего конформизма. Отсюда и боязнь сплошной автоматизации, при которой люди вытесняются роботами или становятся взаимозаменяемыми.

Распространенным представлениям о неизбежности атомной войны и всеобщей гибели человечества противостоят включенные в этот сборник рассказы: «Сердобольные стервятники» А. Азимова, «Король на горé» Дж. Блиша, «Предел выдержки» Д. Кристофера. Объединяет их острое ощущение времени и накаленной международной обстановки послевоенных лет.

Азимов создает в своей новелле политическую аллегорию. Харриане, низкорослые обезьяноподобные существа, смогли распространить свое влияние на всю Галактику, исходя, как им представляется, из самых добрых побуждений. Они терпеливо выжидают, пока та или иная цивилизация не придет к своей логической, «предопределенной» самим ходом истории развязке — истребительной атомной войне. После этого харриане берут на себя заботы о «сохранении остатков биологического рода», облагая спасенных контрибуцией. И вот уже пятнадцать лет группа наблюдателей, обосновавшихся на Луне, тщетно дожидается атомной катастрофы, чтобы приступить к своей благотворительной миссии, а по существу колонизовать Землю. Не напоминают ли харриане государственных деятелей некоторых зарубежных стран, готовых «спасти» человечество с помощью «чистой» водородной бомбы?

Рассказы Кристофера и Блиша предупреждают о том, какую чудовищную угрозу таит в себе элемент случайности и персональная ответственность отдельных лиц, от которых зависит решение рокового вопроса — нажать или не нажать кнопку. Если в рассказе «Предел выдержки» мы сталкиваемся с мизантропом, одержимым маниакальной идеей уничтожения всего

человеческого рода, то «Король на горé» — рассказ об американском военном летчике, который много дней находится на корабле-спутнике, полагая, что бомбовой отсек заполнен смертоносным грузом, и в конце концов сходит с ума от бремени возложенной на него страшной ответственности. В первом случае катастрофу удастся предотвратить, во втором — она оказывается мнимой. Но что может произойти в действительности? Фантастические ситуации, изображенные в этих новеллах, порождены теми же опасениями, которые высказывают ныне все здравомыслящие люди.

В этой связи нам хотелось бы упомянуть о фантастическом романе-памфлете «Семь дней в мае» двух американских журналистов Ф. Нибела и Ч. Бейли. Авторы рисуют политическую ситуацию, якобы создавшуюся в Вашингтоне после заключения договора с Москвой о всеобщем ядерном разоружении. Группа высокопоставленных генералов из Пентагона, опираясь на реакционно настроенных бизнесменов и политических деятелей, готовит государственный переворот фашистского толка. Заговор проваливается только благодаря случайному стечению обстоятельств. И хотя в этом романе немало сюжетных натяжек, оценка политической обстановки в США несколько не расходится с действительностью. Защищая идею договора о всеобщем ядерном разоружении, президент Лимен заявляет: «В стенаниях и плаче цивилизация может исчезнуть в одну ночь. Это известно каждому. Какое чувство, кроме ощущения своей беспомощности, в состоянии испытывать тот или иной индивидуум? Нет смысла хватать винтовку и бросаться на защиту своей страны. Бессмысленно, вероятно, и поступать добровольцем в военно-морской флот на одну из подводных лодок,

вооруженных ракетами. Как только будет дан приказ открыть огонь, человек сразу поймет, что его дом уже превратился в груды пепла или станет ею через пятнадцать минут».

Что, кроме беспомощности и растерянности, может ощущать средний американец в наши дни? Маленький человек в большом мире, ставший игрушкой демонических сил, — так можно передать настроение, которым проникнуты рассказы «Туннель под миром» Фредерика Пола, «Поиски» Ли Гардинга, «Игра для детей» Уильяма Тэнна. При всей невероятности коллизий и эти произведения кажутся зеркалом тревог и сомнений как самих авторов, так и миллионов их соотечественников по ту или эту сторону океана.

Когда читаешь новеллу «Туннель под миром», которую Кингсли Эмис считает одним из самых значительных явлений современной научно-фантастической литературы, невольно возникают ассоциации с «Превращением» Франца Кафки. Коммивояжер Замза, превратившись однажды утром в огромного таракана, физически ощущает свое ничтожество и беспредельное одиночество — те же чувства, которые раньше подавляли его психику. Австрийский модернист создает эту кошмарную метафору, прибегая к произвольному фантастическому образу. У Фредерика Пола странная метаморфоза с провинциальным служащим Гаем Бурхардтом, превращенным в собственную в сотни раз уменьшенную модель, получает вполне реалистическое, во всяком случае правдоподобное в рамках научно-фантастического сюжета, объяснение. Замысел писателя порожден определенными социальными симптомами нашего времени.

«Бедный маленький Буркхардт, — монотонно пропел громкоговоритель, и эхо загрохотало в огромной бездне, которая была всего лишь лабораторией. — Каким это должно было быть потрясением для вас, когда вы поняли, что живете в городе, построенном на столе!» Для крохотного и жалкого подобия живого человека, наделенного всеми чувствами и разумом Буркхардта, ловкий делец Дорчин представляется необозримой громадой, всемогущим колоссом, который волен сделать все, что ему заблагорассудится, как с самим Буркхардтом, так и с тысячами подобных ему человечков. И, хотя действия Дорчина мотивируются экспериментами рекламной компании, проверяющей на миниатюрных биороботах новые способы продвижения товаров к потребителям, аллегория этого рассказа приобретает в контексте куда более широкий смысл.

Иную интерпретацию той же темы дает Уильям Тэнн. Явившийся из будущего «хранитель ценза» не в состоянии отличить юриста Сэма Вебера от искусственного, построенного им двойника и вместо биомодели «разлагает» самого конструктора. (Сэм Вебер неосторожно воспользовался набором «Построй человека», который предназначался его однофамильцу из более поздней эпохи, но по чьей-то рассеянности попал не в тот «временной канал».) Итак, прототип погибает, не выдержав конкуренции с собственной биологической моделью.

Мотив вытеснения человека машиной, замены людей двойниками-роботами — один из самых распространенных в современной зарубежной фантастике. Новые франкенштейны рождаются на свет не с помощью черной магии или каких-то необъяснимых таинственных сил. Эти детища кибернетики словно иллюстрируют

мысль Норберта Винера, настойчиво предостерегавшего от такой нежелательной возможности, когда высокоорганизованная машина сможет вырваться из-под власти ее творца.

В бесконечных вариациях темы «люди и роботы» нельзя не видеть гипертрофированного отражения вполне реальных противоречий, заложенных в самой действительности. Ведь это непреложный факт: прогресс механизации и автоматизации в буржуазном обществе неизбежно влечет за собой экономические бедствия, отрицательно сказывается на общем уровне культуры, приводит к снижению нравственных критериев и т. д.

В рассказе австралийского писателя Ли Гардинга «Поиски» автоматизация уже дошла до своей последней стадии. «Роботехника» настолько усовершенствовалась, что Джонстон ничуть не удивился бы, узнав, что добрая половина жителей города, как бы искусно они ни гримировались, в действительности являются роботами. И в таких условиях попытка найти что-нибудь *настоящее*, естественное, созданное природой, а не машинами, пусть то будет распустившийся цветок, поющая птица или простая травинка, становится несбыточной мечтой. Но самое жуткое в синтетическом мире Джонстона заключается в том, что и сам он, искатель *настоящего*, оказывается роботом.

Несмотря на то что эти три рассказа трех разных авторов написаны совершенно по-разному, объединяет их некая общность видения мира. В сознании ошеломленного обывателя окружающая действительность теряет целостные очертания, дробится, размывается, деформируется. Смятенная психика накладывает болезненный отпечаток на восприятие жизни. Человек жи-

вет под каким-то чудовищным прессом, напоминая бескрылое насекомое, неспособное увидеть мир в трех измерениях. Механическое мышление механизированных людей вызывает автоматизм поступков. И это заставляет вспомнить сюрреалистскую живопись, где предметы помещаются на полотне в хаотическом беспорядке, без всякой логической связи. Например, Сальвадор Дали, отчетливо выписывая детали, нарочито деформирует пропорции и искажает перспективу. Сюрреалистские аллегории кошмаров и мировых катаклизмов, да и самый художественный метод, провозглашающий господство подсознательного, иррационального начала, несомненно, имеют много общего с творческими приемами американских фантастов.

Об этом же свидетельствует и высказывание Рэя Бредбери, хотя ни он сам и ни один из трех авторов, о которых говорилось выше, непосредственно не связаны с сюрреализмом. Признавая, что его творчество стимулируют изначальные эмоции — любовь, радость, ненависть, страх, гнев, — Бредбери обращается к собратьям по перу с такой декларацией: «Исходите из бессознательного, накапливайте образы, впечатления, факты, затем черпайте в этом «внутреннем бассейне» источники ваших произведений. Выбранные вами характеры будут частью вас самих. Все персонажи в моих произведениях — это я. Они — мои зеркальные отражения, удаленные и перевернутые после трех или дюжины преломлений».

Таким образом, Бредбери подчеркивает прежде всего субъективное начало в творческом процессе. Но он не снискал бы такой широкой известности, если бы его личные эмоции не выражали мироощущения миллионов читателей. Да, Бредбери, бесспорно, мастер роман-

тического протеста! Ему ненавистна унификация человеческих душ, ему глубоко чужд всякий конформизм. В науке и технике он видит не только благо, но и зло, таящее в себе потенциальные возможности дальнейшей дегуманизации человеческого существования в этом мире, заполненном бездушными механизмами. Такими настроениями проникнуто все его творчество, начиная от «Марсианских хроник» и «451° по Фаренгейту».

Протест Бредбери против машинной «агрессии» принимает подчас просто мальчишеский характер. По словам его биографа Уильяма Нолана, Бредбери упорно не желает научиться водить автомобиль и категорически отказывается войти в кабину реактивного самолета. «И это, — не без иронии замечает Нолан, — вероятно, его последние твердыни против атомного века, в котором он живет».

Это очень наивно, но в известной мере объясняет и отношение Бредбери к научной фантастике. Критиком, упрекавшим его в технической неграмотности, писатель ответил так: «Эмоциональному человеку легко показаться невеждой в глазах ученого, и, конечно, мои книги никогда не будут служить справочником по математике. Однако мне кажется, что если ученый-эксперт может указать точные размеры, положение, пульсацию, анатомическое строение сердца, то мы, эмоционалисты, помогаем его лучше понять и почувствовать, и это в какой-то степени компенсирует мое невежество».

Достаточно прочесть помещенные в нашем сборнике рассказы «Калейдоскоп» и «Здесь могут водиться тигры», и станет ясно, что наука служит для Бредбери не более чем внешним поводом. В обеих вещах мы находим все аксессуары, характерные для научно-фанта-

стических рассказов. В первом — взрыв звездолета в космосе, герметические скафандры с автономными двигателями, радиопереговоры потерпевших катастрофу. Во втором — прибытие звездолета на чужую планету, исследование ее недр, механизмы, которыми пользуются члены экспедиции, и т. д. Но это лишь тончайшая оболочка. На самом деле Бредбери создает обычные для него поэтические аллегории нравственных взаимоотношений между людьми и между человеком и природой.

В первой новелле, «Калейдоскоп», — это полное одиночество перед лицом неотвратимой смерти. В последние часы каждому предстоит подвести окончательный итог прожитой жизни и переоценить обычные человеческие чувства. Зависть к чужим удачам, соперничество, неприязнь — все это кажется астронавтам мелким и ничтожным по сравнению с небытием.

Аллегорию второй новеллы можно объяснить так: природа найдет способ отомстить тем, кто ее не захочет или не сможет понять. Для людей, которые ей верят и относятся к ней бескорыстно, «планета-обольстительница» станет эдемом; для тех же, кто обманет ее доверие и причинит ей зло, она превратится в разъяренную фурию.

Сам Бредбери считает, что научная фантастика дает писателю наиболее широкие возможности для выражения моральных и социальных идей. И можно только согласиться с утверждением А. Азимова: «Рэй, по моему мнению, пишет не научную, а социальную фантастику».

В том же аспекте воспринимается творчество и некоторых других американских фантастов, в частности

Пола Андерсона, представленного в нашем сборнике рассказом «Человек, который пришел слишком рано». Почти во всех своих произведениях он сталкивает будущее с прошлым, отдавая предпочтение докапиталистическим, патриархальным формам жизни («Крестовосцы космоса», «Не будет перемирия с королями», «Прогресс», «Отставание во времени» и др.). Но делается это не из-за какого-то особого пристрастия к темным векам феодализма, а опять-таки из страха перед будущим, которое в представлении Андерсона концентрирует в галактических масштабах всю жестокость и бесчеловечность господства «железной пяты» — современного монополистического капитала.

Варьируя на новый лад тему «Янки при дворе короля Артура» Марка Твена, писатель переносит своего героя, сержанта американской военной базы в Исландии, в эпоху викингов. В отличие от предприимчивого янки из Коннектикута сержант Джеральд Робертс, попавший в далекое прошлое, оказывается совершенно неприспособленным, беспомощным, смешным и ни на что не пригодным. Все блага современной цивилизации, носителем которых является молодой американец, в глазах древних исландцев ровно ничего не стоят. При этом автор относится с нескрываемым сочувствием к мужественным, простодушным, свободолюбивым скандинавам, открывшим Америку еще за пятьсот лет до Колумба.

Хотя действие рассказа Гарри Гаррисона «Смертные муки пришельца» отнесено в далекое будущее и происходит на какой-то чужой планете, взгляды этого писателя во многом сходны со взглядами П. Андерсона. В жарком споре с миссионером, высадившимся на этой планете, чтобы обратить аборигенов в христианскую

веру, торговец Гарт говорит: «Здесьние жители, простые и необразованные существа каменного века, умудрились до сих пор обходиться без всякого суеверия и без зачатков религии... Они единственный первобытный народ из всех виденных мною, который совершенно свободен от суеверий и благодаря этому гораздо счастливее и разумнее других. Я хочу, чтобы они такими и остались». В борьбе атеиста Гарта с отцом Марком за влияние на жителей планеты ни один не побеждает. Только проповедь миссионера приводит к совершенно неожиданному результату: желая проверить справедливость его слов о всемогуществе бога, абorigены поступают так, как сказано в Библии и... совершают первый тяжкий грех. Религия требует жертв, и миссионер в этом убедился, когда его распяли на кресте.

«Смертные муки пришельца» — не единственное из произведений англо-американской фантастики, в которых здоровые реалистические взгляды на жизнь противопоставлены религиозным предрассудкам. В русском переводе издан также рассказ Артура Кларка «Звезда», построенный как мысленный спор астронома-иезуита, находящегося на космическом корабле, с Игнатием Лойолой. После того как расчеты убедили иезуита, что взрыв сверхновой, погубившей высокоразумную цивилизацию, был замечен на Земле и назван Вифлеемской звездой-провозвестницей, он отвергает основной постулат своего ордена: «Ради вящей славы господней верь и не сомневайся».

К сожалению, антиклерикальные и антирелигиозные произведения теряются в потоке книг, авторы которых стремятся примирить науку с религией. К таким вещам относится известная трилогия англичанина

К. Льюиса, где откровенная религиозная проповедь облечена в форму научно-фантастического повествования, и объемистый роман американца Уолтера Миллера младшего «Гимн Лейбовицу» о восстановлении науки под эгидой церкви после мировой ядерной войны.

6

Установление контактов с инопланетными цивилизациями — одна из самых распространенных и волнующих тем мировой научной фантастики. Эта гипотетическая проблема решается с разных позиций в зависимости от научных взглядов и идейной устремленности авторов. Достаточно сопоставить хрестоматийный рассказ Мюррея Лейнстера «Первый контакт» с не менее известным рассказом И. Ефремова «Сердце Змеи», задуманным как прямой ответ американскому фантасту, чтобы выявились диаметрально противоположные точки зрения.

И там, и здесь речь идет о случайной встрече в глубинах космоса двух звездолетов из разных солнечных систем и возможности установления контакта между представителями высоких цивилизаций, отстоящих одна от другой на сотни световых лет.

М. Лейнстер оснащает свой рассказ такого рода сентенциями: «Возможно, они хотели мира, но, несмотря на кажущееся дружелюбие противника, правильнее было готовиться к вероломному нападению». «Если чужие узнают о существовании людей, возникнет дилемма — торговать или сражаться». «Единственным по-настоящему надежным выходом казалось уничтожение другого корабля в мгновенной и смертельной атаке — в целях самозащиты». «Люди не испытывали неприяз-

ни к чужим, вероятно, так же, как и чужие — к людям, но на основании строго логических причин нужно было убить или быть убитыми».

Неприемлемые для нас взгляды американского автора вытекают из его неверия в возможность равноправного существования двух могущественных рас. Объяснить это можно тем, что рассказ, написанный вскоре после второй мировой войны, отражает взгляды среднего американца, подавленного официальной пропагандой, на взаимоотношения народов. И недаром И. Ефремов, оценивая «первый контакт» с точки зрения людей далекого будущего — членов экипажа звездолета «Теллур», пишет в своем рассказе: «Большинство говорило о полном несоответствии времени действия и психологии героев. Если звездолет смог удалиться от Земли на расстояние четырех тысяч световых лет всего за три месяца пути, то действие повести должно было быть даже позднее современного. Никто еще не достиг таких глубин космоса... Но мысли и действия людей Земли в повести ничем не отличаются от принятых во времена капитализма много веков назад».

Если «первый контакт» не приводит к взаимному уничтожению или бесконечной галактической войне, то американские фантасты представляют, что его можно осуществить на основе обычной бизнесменской практики: хитроумные уловки, предельная настороженность, взаимное недоверие, поиски максимальной выгоды и в лучшем случае — установление «нормальных» торговых отношений, как это подробно изображается в «Смертных муках пришельца» Г. Гаррисона и особенно в повести Клиффорда Саймака «Необъятный двор».

Как ни странно, главными инициаторами в установлении «первых контактов» становятся не ученые и не

государственные деятели, а самые заурядные торговцы. Впрочем, это перестает казаться странным, когда узнаешь, что американские граждане, как установил известный психолог Эдуард Челмен, чаще всего употребляют в разговоре и в переписке слова: «деньги», «купить», «счет», «чек», «прибыль».

В многообразном творчестве К. Саймака выделяется группа произведений, посвященных теме контактов и взаимопонимания разных космических цивилизаций. В рассказе «Необъятный двор» провинциальному маклеру Хайраму Тэну удается наладить торговлю идеями с неведомыми существами, неизвестно почему избравшими его дом и двор местом для проникновения на Землю, а в романе «Пересадочная станция» (1964) дом некоего Эноха Уоллеса становится местом секретных встреч представителей «Галактического союза». Несмотря на то что Земля, по мнению пришельцев, еще не подготовлена для вступления в «Галактический союз», сам Уоллес убежден, что время для этого уже наступило, так как Земля обладает большим опытом делового сотрудничества между разными народами.

Пожалуй, самая характерная черта западной фантастики — неспособность увидеть в социальных отношениях будущего и в самом человеке возможность каких-либо принципиальных качественных изменений. На сотни и тысячи лет вперед в нашу и другие Галактики переносятся представления, понятия, поступки, привычки буржуазного человека XX века. Поэтому окно в будущее для англо-американской фантастики остается наглухо закрытым. Если и ощущается течение времени, то ход его напоминает движение часовых стрелок по циферблату. История понимается как веч-

ный круговорот событий: что было, то будет вновь. Почти по Экклезиасту: «Идет ветер к югу и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги свои».

Мы уже говорили о произведениях, в которых действие переносится из настоящего в прошлое. Но типичнее для научной фантастики — столкновение настоящего с будущим. Как своеобразное кредо воспринимаются слова Мюррея Лейнстера, якобы извлеченные из «Фундаментальной истории человечества», написанной на планете Ригель IV в 21105 году: «Вся история человечества — это ряд непрерывно чередующихся периодов расцвета и упадка. На Земле, по свидетельству древних историков, эпоха классического расцвета сменялась мрачными веками отчаяния. И точно так же после завоевания Галактики, когда люди заселили все обитаемые планеты Первой Галактики, наступил век тирании, при котором человечество погрузилось в пучину рабства. Но и в это темное время надежда на освобождение теплилась в человеческих сердцах» (рассказ «Излечение Эйлита»).

В этой квазиисторической концепции нет ничего оригинального. М. Лейнстер лишь вносит свою небольшую лепту в мифологию будущего, созданную коллективными усилиями западных фантастов. Те же представления с некоторыми оттенками воплощены и в рассказах, включенных в наш сборник: «Взгляд в прошлое» Джека Уильямсона, «Гений» не может ошибаться» Джеймса Мак-Интоша, «Порочный круг» Генри Каттнера, «Все грехи мира» Айзека Азимова.

В каждом отдельном случае — иной замысел и особая творческая задача, но изначальный внеисторический подход толкает к той же фантастической колли-

зии: неразрешимые противоречия капиталистического общества переносятся и в грядущие дни человечества.

Жестокий диктатор Астрарх создает внутри солнечной системы империю фашистского типа. Подкупив гениального ученого Уэбстера, изобретшего «ахронный интегратор», Астрарх обращает это оружие против восставшей Земли. В центре повествования, выдержанного в целом в традициях «космической оперы», — грандиозное сражение флотилий звездолетов — Астрархии и Земли. Рассказ психологически усложнен переживаниями ренегата Уэбстера и модными в современной фантастике «экспериментами», воздействующими на ход времени («Взгляд в прошлое»).

Земля находится в состоянии войны с жителями какой-то далекой планеты Меркаптан. Но война эта скорее психологическая. Противники, не вступая в непосредственный контакт, прибегают к диверсиям, подкупу, шантажу, а главный штаб Земли, удивительно напоминающий современный Пентагон, занимается преимущественно разведывательной деятельностью. Весь сюжет вертится вокруг попыток разгадать причину помех, мешающих нормальной работе электронной машины «Гений», выдающей разведывательную информацию. В рассказе соединены все характерные признаки «кибернетической фантастики» с логическим детективом («Гений» не может ошибаться).

Третий рассказ переносит читателя в обстановку ожесточенной борьбы между конкурирующими монополистическими компаниями. Усовершенствовав принятые в наше время методы вытеснения соперников с «общего рынка», заправила гигантских фирм пользуются услугами совершенных саморазвивающихся ро-

ботов. Столкновения механического машинного мышления с махинациями комбинаторов из «мозгового центра» компании порождают непредвиденные осложнения, и в этом проявляется незаурядная изобретательность автора («Порочный круг»).

И, наконец, рассказ Азимова. Гигантский электронный мозг «Мултивак» в отличие от своего собрата «Гения» решает уже не локальную, а всеобъемлющую универсальную задачу управления всей жизнью на Земле. Одна из его многочисленных функций — ежедневно анализировать поведение и психику каждого из нескольких миллиардов людей, чтобы можно было предотвращать преступления и любые действия, нарушающие этические нормы. Но вот что характерно: всякого рода проступки людей далекого будущего словно заимствованы из отдела происшествий какой-нибудь американской газеты наших дней. И «Мултивак», на которого возложены «все грехи мира», в конце концов не выдерживает чудовищного напряжения...

Рассказы, о которых мы говорили, намечают в какой-то мере круг социальных и этических проблем, волнующих серьезных писателей-фантастов США и Англии. В этих рассказах, как в зеркале, отражаются идейные и творческие искания писателей, а также и тематическое многообразие научно-фантастической литературы обеих стран.

Но уж поскольку речь здесь зашла о тематической пестроте, нельзя обойти молчанием и некоторые другие новеллы, вошедшие в первую и вторую книги нашего сборника.

Вкусы читателей весьма разнообразны. Одни с наслаждением пробираются по извилистым, труднопроходимым лабиринтам психики, воссозданным мастерст-

вом Уильяма Фолкнера, другие предпочитают ясную, мужественную усмешку Хемингуэя, третьи не хотят расставаться со старым веселым волшебником из Миссури, пославшим в мир своих замечательных мальчишек Тома Сойера и Гека Финна.

Так и среди любителей научной фантастики.

Одни ищут в ней ответы на мучительные вопросы современности и, как «бедный маленький Буркхардт», в ужасе останавливаются перед бездонной пропастью, разверзшейся под их ногами. Другие напряженно вглядываются в туманные дали грядущего — может быть, вон тот трепещущий огонек, зажженный писателем-фантастом, и впрямь станет реальностью, разгорится и своими лучами пробьет туман!

Ну а третьи хотят отвлечься, пусть ненадолго, от своих забот и тревог, найти повод для игры ума и, наконец, просто посмеяться. Космический корабль, на борту которого находится экспедиция ученых-венерианцев, приближается к безжизненной, заполненной льдами планете. Старшая сестра Венеры, она несколько тысячелетий назад была колыбелью древней и очень высокой цивилизации. Задача венерианцев — найти следы этой цивилизации. Автор рассказа «Экспедиция на Землю» Артур Кларк лаконично и сурово повествует о грандиозном наступлении льдов, о последнем рубеже обороны — горных вершинах, за который попытались зацепиться вымирающие обитатели Земли, создает пластичные выразительные пейзажи погибшей планеты. И вдруг абсолютно неожиданный, чисто парадоксальный финал — венерианские ученые находят в тайнике, устроенном давно исчезнувшими братьями по разуму, запаянную металлическую коробку с плен-

кой одного из фильмов Уолтера Диснея о похождениях Мики Мауса. Итак, все противоречия разрешены: венецианцы получают теперь полное и точное представление о землянах!

Столь же парадоксальна и фантастическая шутка Артура Порджеса «Саймон Флэгг и дьявол», в которой адский посланец, явившись за душой ученого, вместе с ним в поте лица трудится над неразрешимой математической задачей.

Совсем иначе, нежели в рассказах Азимова и Мак-Интоша, решается тема взаимопонимания человека и машины Джоном Киппаксом в его «Пятнице», Стефаном Барром в «Кэллахэне и его черепашках». Социальный аспект, привлекавший внимание Азимова и Мак-Интоша, здесь отсутствует. Древний, неуклюжий робот в рассказе «Пятница» своими чисто человеческими качествами, преданностью и самоотверженностью завоевывает глубокое уважение астролетчиков, оказавшихся на этой далекой планете. Только и всего!

Но, невзирая на бесхитростную фабулу и явное отсутствие подтекста, рассказ Киппакса хорош по-своему, ибо, как сказки Андерсена, вызывает добрые чувства и у маленького, и у взрослого читателя.

Что касается хитрых, предприимчивых и мстительных «черепашек», созданных изобретателем Кэллахэном и доставивших уйму забот и неприятностей ученому и его жене, то они явно в родстве с крошечными зелеными гномами, которые могут одолеть даже великана! Но эту новую сказку — сказку кибернетического века — нельзя считать плодом свободного вымысла. В ней причудливо преломляются научные искания наших дней.

Остроумно задуманные и мастерски написанные повеллы Роберта Шекли «Травмированный» и Генри Каттнера «Шок» трактуют в юмористическом и даже несколько пародийном плане чрезвычайно распространенные в современной фантастике сюжеты о преодолении барьеров пространства и времени.

Объем сборника, разумеется, не дает возможности представить творчество американских и английских фантастов во всем его калейдоскопическом разнообразии. Но все же самые существенные стороны, как нам кажется, схвачены и довольно точно отражены.

Заглавия первых трех разделов — «Земля и Космос», «Пространство — Время», «Люди и Роботы» — не нуждаются в объяснении. Что касается четвертого раздела — «Что было бы, если...», то в нем собраны весьма распространенные в современной научной фантастике рассказы с парадоксальными сюжетами и гипотезами. Впрочем, условные тематические рубрики сами по себе еще ничего не говорят о подлинном содержании относящихся к ним рассказов, которые, как это свойственно любым явлениям литературы и искусства, не поддаются однозначному определению.

Нет сомнения, что сборник будет с интересом прочитан сотнями тысяч советских читателей и поможет составить более полное представление об англо-американской фантастической литературе.

Ныне в мировой научной фантастике господствуют два направления: англо-американское и советское, точнее говоря, социалистическое. Они почти диаметрально противоположны как в видении будущего всего человечества, так и в понимании роли отдельной личности в процессе переустройства мира. Выше мы сопоставля-

ли два произведения, написанные на одну и ту же тему: «Первый контакт» Мюррея Лейнстера и «Сердце Змеи» Ивана Ефремова.

Этот совершенно различный подход к гипотетической возможности контакта разума — человеческого и внеземного — является весьма выразительной иллюстрацией мировоззренческих принципов, формирующих то и другое направление научной фантастики.

Взгляды западных писателей довольно точно выразил А. Азимов, заявив в одной из своих статей, что современной американской научной фантастике вообще не свойственна идея социальных преобразований, так как, по его словам, «наши писатели-фантасты серьезно сомневаются в том, что какое-либо новое общество будет лучше... что какие-либо приемлемые преобразования автоматически приведут к утопии».

Не вступая в схоластический и бесплодный спор с Азимовым, которого мы ценим и уважаем за его гуманизм и искреннюю убежденность в необходимости мирного сосуществования, мы лишь хотим напомнить ему и его коллегам, что научно-технический прогресс, если он отделен от социальных преобразований в условиях «свободной» капиталистической конкуренции, неизбежно заводит в тупик, в те самые «Стальные пещеры», которые в тревоге за будущее создало воображение самого Азимова.

И еще нам хочется привести слова советских писателей-фантастов Аркадия и Бориса Стругацких, так определивших свою творческую задачу:

«Очень хочется написать о многом. О далеком будущем с его колоссальными проблемами, которые мы сейчас не в состоянии разрешить, но уже можем поставить, о будущем, которое предстает перед нами не как смут-

ное розовое марево над болотом всеобщей успокоенности, а как великолепный и грозный мир человеческого духа, озаряемый молниями великих задач и дел, мир невиданных взрывов коллективного гения, мир поражающих воображение судеб и характеров.

О близком будущем, о великой эпохе человеческой истории, которая даст нашим потомкам мир и безопасность, об эпохе победоносного сражения с смещанством... И о нашем времени хочется написать, о нелегком и суровом, когда миллионы испытываются на прочность, создавая фундамент будущего...»

Нет ни малейшего сомнения в том, что каждый советский писатель-фантаст подпишется под этой творческой декларацией, продиктованной сознанием высокого назначения Человека.

Когда окно в грядущее широко распахнуто, когда знаешь и веришь, что рано или поздно наступит эра всеобщего счастья и раздирающие мир противоречия отойдут в область истории, легче дышится, интереснее, полнокровнее, ярче живет на нашей планете тем, кто участвует в созидательной деятельности во имя приближения великого Грядущего Земли.

*Е. Брандис
В. Дмитриевский*

ЗЕМЛЯ И КОСМОС

ПЕРВЫЙ КОНТАКТ

I

Томми Дорт вошел в центральный пост, держа в руке последнюю пару стереофотографий, и доложил:

— Я закончил, сэр. Вот два последних снимка.

Он протянул фотографии капитану и с профессиональным интересом оглядел огромные экраны кругового обзора. Тусклые, темно-красные огоньки светились только на панелях управления и навигационных устройств космического корабля «Лланвебон». Тут же, рядом с мягким креслом вахтенного, была расположена система угловых зеркал, отдаленно напоминающих автомобильные зеркала XX века, позволявшая ему видеть все экраны, не поворачивая головы. Здесь находились и специальные экраны, при помощи которых можно было проводить более детальные наблюдения.

«Лланвебон» был далеко от дома. На экранах каждая звезда была видна так, словно ее рассматривали невооруженным глазом; кроме того, ее изображение можно было увеличить до любого нужного размера. Поражая разнообразием красок, там переливались звезды самой различной яркости. Все они казались

незнакомыми. Только два созвездия выглядели почти так же, как они видны с Земли, но и те съезжались и изменили привычные очертания. Млечный Путь очутился далеко в стороне от своего обычного места. Однако все эти чудеса не шли ни в какое сравнение с картиной, открывавшейся на носовом экране.

Впереди висело гигантское светящееся облако. Оно казалось неподвижным. Чтобы заметить его приближение, приходилось довольно долго следить за экраном, хотя приборы звездолета показывали невероятную скорость. Облако было Крабовидной туманностью размерами шесть световых лет на три с половиной. Расположенные в стороны отростки при наблюдении в земные телескопы делали туманность похожей на животное, давшее ей свое имя. Это было облако невероятно разреженного газа.

Глубоко внутри туманности пылали две звезды, вернее двойная звезда, — одна почти такая же желтая, как земное Солнце, другая — ослепительно белая.

— Мы ныряем в бездну, сэр, — задумчиво сказал Томми Дорт.

Капитан внимательно посмотрел на два последних снимка, сделанных Томми, и, отложив их в сторону, снова начал напряженно вглядываться в носовой экран. Тормозные двигатели «Лланвебона» работали с максимальной нагрузкой. Звездолет находился всего лишь в половине светового года от туманности.

На Томми лежала обязанность прокладывать курс корабля. Теперь эта работа кончилась. Когда корабль начнет исследовать туманность, Томми Дорт будет бездельничать. Но он уже отработал плату за свой проезд. Он только что закончил совершенно уникальную работу — полную фотографическую запись всех изменений

туманности за период в четыре тысячи лет. Впервые это было сделано одним человеком, с помощью одной и той же аппаратуры, с контрольными снимками для обнаружения и регистрации систематических ошибок. Этот труд сам по себе окупал его путешествие. Кроме того, Томми зафиксировал четыре тысячи лет истории двойной звезды и столь же долгий процесс вырождения звезды в белого карлика.

Это вовсе не значило, что Томми Дорту было четыре тысячи лет. Ему еще не исполнилось и тридцати. Но Крабовидная туманность находится на расстоянии четырех тысяч световых лет от Земли, и, когда Томми делал два последних снимка, в объективы падал свет, который достигнет Земли лишь в шестом тысячелетии нашей эры. Звездолет мчался со скоростью, во много раз превышающей световую, и Томми Дорт регистрировал малейшие изменения во внешнем виде туманности, происшедшие от сорока веков до каких-нибудь шести месяцев назад.

* * *

«Лланвебон» пронизал пространство. По экрану медленно, очень медленно расплзлось ослепительное пятно. Оно закрывало половину Вселенной. Впереди было сверкающее облако, позади усеянная звездами пустота. Облако затянуло три четверти всех звезд на экране; лишь несколько самых ярких едва проглядывали у самой кромки. Да еще за кормой корабля виднелись неправильной формы пятна тьмы, а рядом с ними, не мигая, горели звезды. «Лланвебон» нырнул в облако. Казалось, он влетел в совершенно темный туннель со стенами из сверкающего тумана.

Уже на первых снимках отчетливо проявились структурные особенности туманности. Она не была аморфной. Она имела форму. Когда расстояние сократилось, отдельные детали структуры выросли и стали более различимыми. Ссылаясь на фотографии, Томми Дорт сумел доказать, что не стоит лететь напрямик. И вот звездолет подошел к туманности по гигантской логарифмической кривой; эта траектория, выбранная Томми, позволила ему сделать ряд последовательных фотоснимков под различными углами и получить стереопары, которые давали объемное изображение туманности. На них открывались сгущения и разрежения, разнообразные сложные формы. Местами туманность сворачивалась спиралями, похожими на извилины человеческого мозга. В одну из этих впадин — их называли так по аналогии с впадинами в океанском дне — и нырнул сейчас звездолет.

Поза капитана стала менее напряженной. В наше время люди, занимающие его пост, должны, помимо прочих дел, решать, о чем следует беспокоиться, и уже затем беспокоиться именно об этом. Капитан «Лланвобона» был добросовестным человеком. Только убедившись в том, что показания прибора, за которым он внимательно наблюдал, не изменились, он с облегчением откинулся в кресле.

— Раньше мы предполагали, что эти впадины могут оказаться несветящимся газом, — мрачно сказал он. — К счастью, это пустота. Мы должны идти овердрайвом все время, пока находимся в этих провалах.

Расстояние от края туманности до окрестностей двойной звезды, которая была ее центром, составляло полтора световых года. Это создавало сложную проблему. Туманность — газ. Настолько разреженный, что

хвост кометы по сравнению с ним можно считать твердым телом. Но кораблю, идущему овердрайвом — со сверхсветовой скоростью, — нежелательно столкнуться даже с обычным глубоким вакуумом. Ему нужна абсолютная пустота, как в межзвездном пространстве. И если бы выяснилось, что во впадинах газ, «Лланвебону» пришлось бы отказаться от сверхсветовой скорости.

Казалось, за кораблем, который постепенно снижал скорость, стелется светящийся туман. Внезапно поле овердрайва было выключено; при этом у всех членов экипажа, как обычно, возникло неприятное ощущение.

Сигнал тревоги прозвучал совершенно неожиданно. Пронзительный звон прокатился по кораблю. Томми был почти оглушен колоколом громкого боя, который гремел в центральном посту, пока вахтенный наконец не выключил его. Но звон все еще пронизывал корабль, лишь постепенно угасая по мере того, как одна за другой закрывались автоматические двери.

Томми Дорт изумленно уставился на капитана. Тот стоял сжав кулаки и не отрываясь смотрел через плечо вахтенного на пульт управления. Один из индикаторов, казалось, бился в конвульсиях. Остальные тоже сообщали о приближении какого-то тела. На расплывчатой светлой пелене, залившей носовой экран, появилось пятнышко, которое становилось все ярче, по мере того как автоматическое сканирующее устройство фокусировало его. Это было направление на объект, который вызвал сигнал тревоги, предупреждающий о возможном столкновении.

Из показаний локатора следовало, что на расстоянии около ста тридцати тысяч километров находилось

твердое тело небольших размеров. Кроме того, был обнаружен еще один объект. Дистанция до него менялась от максимального значения до нуля, а его размеры, если верить локатору, тоже менялись вместе с этими невероятными приближениями и удалениями.

— Дайте усиление на сканер, — скомандовал капитан.

Ослепительная вспышка прочертила экран, стирая неопознанный объект. Усиление возросло, но на экране не появилось никакого изображения. Абсолютно ничего. Однако, если верить показаниям радиолокатора, нечто чудовищное и невидимое приближалось сумасшедшими скачками к «Лланвобону», со скоростью, при которой столкновение казалось неизбежным, и затем, словно испугавшись, с той же скоростью отпрыгнуло назад.

На сканер было подано максимальное усиление. И снова никакого результата. Капитан скрипнул зубами.

— Знаете, сэр, — нерешительно проговорил Томми Дорт, — однажды я видел нечто подобное на лайнере, шедшем с Земли на Марс. Мы попали в луч локатора другого корабля. Их локатор работал на той же частоте, что и наш, и все время, пока он был направлен на нас, он регистрировался как огромное твердое тело.

— Именно это сейчас и происходит, — резко ответил капитан. — Какой-то локатор излучает на нас. Мы принимаем его излучение и, кроме того, наш собственный отраженный сигнал. Но другой корабль невидим! Кто мог прийти сюда на невидимом корабле с локационной установкой? Конечно, не люди.

Капитан нервно сжимал кулаки. Он опять смотрел на экран, на котором не было ничего, кроме бесформенного светового пятна.

— Не люди? — резко выпрямился Томми Дорт. — Вы полагаете...

— Сколько планетных систем в нашей Галактике? — сурово спросил капитан. — Сколько планет, пригодных для жизни? Сколько различных форм жизни может существовать на них? Если этот корабль не с Земли (а он не с Земли), его экипаж — не люди. И неизвестно, к чему приведет встреча с существами, которые не являются людьми, но сумели в своем развитии подняться до уровня дальних космических путешествий.

У капитана дрожали руки. Он не стал бы говорить так откровенно с кем-нибудь из своей команды, но Томми Дорт был членом научной экспедиции. И даже капитан, который по долгу службы обязан держать при себе все свои сомнения, иногда отчаянно нуждается в том, чтобы излить кому-нибудь душу. Иногда бывает очень полезно подумать вслух.

— О чем-то подобном говорили и писали многие годы, — продолжал он уже мягче. — Где-нибудь в нашей Галактике может существовать раса с цивилизацией, равной нашей или более развитой — математически вероятность этого довольно велика. Никто не мог предсказать, где и когда мы встретим их. Но похоже на то, что сейчас мы их встретили.

Глаза Томми сверкнули:

— Вы думаете, они отнесутся к нам дружелюбно, сэр?

Капитан бросил взгляд на индикатор дистанции. Прозрачный объект продолжал свои безумные прыжки,

он то устремлялся к «Лланвебону», то отскакивал от него. Второй объект по-прежнему едва заметно двигался на расстоянии ста тридцати тысяч километров.

— Он движется, — сказал капитан. — И держит курс на нас. Что же нам все-таки делать, если чужой корабль окажется в радиусе досягаемости?! Отнесутся дружелюбно? Возможно! Мы попытаемся установить с ними контакт. Мы обязаны это сделать. Но я подозреваю, что наша экспедиция кончилась. Слава богу, у нас есть бластеры!

Излучение бластеров использовалось для разрушения наиболее крупных метеоров, с которыми не могли справиться дефлекторы. Бластеры можно было применить и в качестве оружия, хотя они и не предназначались для этой цели. Дальность действия бластеров доходила до восьми тысяч километров, а максимальная мощность равнялась полной мощности звездолета. При автоматическом наведении и курсовом угле до пяти градусов корабль класса «Лланвебона» мог создавать очень плотное излучение, пробивавшее насквозь небольшие астероиды, оказавшиеся на его пути. Но, конечно, не при овердрайве.

Стоявший около носового экрана Томми Дорт резко обернулся.

— Бластеры, сэр? Зачем?

Капитан, поморщившись, показал на пустой экран.

— Потому что мы не знаем, кто они такие, и не имеем права рисковать! — проговорил он с горечью. — Мы попытаемся установить контакт и выяснить о них все, что возможно, — прежде всего узнать, откуда они, а затем наладить с ними дружеские отношения. Но шан-

сов у нас немного. Мы не можем доверять им ни на грош. Просто нельзя решиться на это! У них есть локаторы. Возможно, их трассеры лучше, чем наши, и они сумеют незаметно для нас проследить путь «Планвебона», когда он будет возвращаться домой. Мы не имеем права рисковать! Нельзя допустить, чтобы чужие узнали, где находится Земля, раз мы не доверяем им! А почему мы им должны доверять? Может быть, они предложат нам торговать... Ну, а если они бросят в овердрайв свой боевой флот, который уничтожит нас прежде, чем мы поймем, что произошло?.. Ведь неизвестно, чего нам ожидать и когда!

У Томми было испуганное лицо.

— Теоретически все это обсуждалось до бесконечности, — сказал капитан. — Никто никогда не мог найти правильного решения даже на бумаге. Но никому и в голову не приходила совершенно безумная мысль, что в глубинах космоса могут встретиться представители двух цивилизаций, и ни одна из сторон не будет знать о том, где находится родная планета другой. И вот теперь нам нужно решить именно эту проблему. Что предпринять? Может быть, внешне эти существа — чудо совершенства, чуткие, дружественные и утонченные, и при этом обладают неумолимой жестокостью. А может быть, они неотесанны и грубы, но очень добры. Возможно, они окажутся чем-то средним. Но имею ли я право рисковать будущим человеческой расы, предполагая, что им можно доверять? Видит бог, я понимаю, как важно для нас наладить дружеские отношения с новой цивилизацией! Это было бы скачком, который подстегнул бы нашу собственную цивилизацию, и, возможно, мы оказались бы в огромном выигрыше. К сожалению, я не имею права рисковать.

Я ни за что не рискну показать им путь к Земле! Одно из двух: либо я буду уверен, что они не в состоянии преследовать меня, либо не вернусь домой! Вероятно, и они думают так же!

Капитан нажал кнопку внутренней связи.

— Навигаторы, внимание! Все звездные карты на корабле подготовить к срочному уничтожению. Это касается фотографий и схем, по которым можно установить наш курс или точку старта. Все астрономические данные также собрать и подготовить к уничтожению по моему приказу. Сделать это немедленно и доложить об исполнении.

Капитан отпустил кнопку. Он выглядел внезапно постаревшим. Как только ни представляли первый контакт человечества с иной цивилизацией! Но вряд ли кто-нибудь думал, что ситуация окажется настолько безвыходной. Одинокий корабль землян и одинокий — чужой расы встретились в туманности, которая, вероятно, находится очень далеко не только от Земли, но и от родной планеты чужих. Возможно, они и в самом деле хотят мира, но, с другой стороны, под маской дружелюбия им легче всего готовиться к вероломному нападению. Излишняя доверчивость может погубить человеческую расу, но мирный обмен плодами цивилизации был бы величайшим благом. Любая ошибка могла стать непоправимой, а недостаточная осторожность — роковой.

В центральном посту было совершенно тихо. Весь носовой экран занимало изображение небольшого района туманности. Очень небольшого района. Это была все та же рассеянная, расплывчатая, светящаяся дымка. Вдруг Томми Дорт протянул руку:

— Вот он, сэр!

Из заливавшей экран туманной пелены вынырнул маленький черный призрак, не отполированный до зеркального блеска, как корпус «Лланвебона». Он казался округлым и формой напоминал грушу. Он был еще далеко. Скрывавшая его дымка не позволяла различить какие-либо детали, но это наверняка не был естественный объект. Томми Дорт взглянул на индикатор и тихо произнес:

— Он летит с очень высокой скоростью и держит курс на нас, сэр. Вероятнее всего, они тоже считают, что никто из нас не решится отпустить другого домой. Как вы думаете, попытаются они установить с нами контакт или, как только подойдут на дистанцию поражения, пустят в ход свое оружие?

«Лланвебон» уже миновал впадину. Теперь он плыл в люминесцирующем тумане. Кроме двух пылающих очагов в сердце туманности, здесь не было звезд. Не было ничего, кроме призрачного света, который обволакивал корабль, словно тот погрузился в воду в земных тропиках.

Чужой корабль как будто хотел показать, что он не собирается вступать в смертельную схватку. Подойдя ближе к «Лланвебону», он начал сбавлять скорость. Некоторое время «Лланвебон» двигался ему навстречу, а потом остановился. Он маневрировал, как бы давая понять, что ему известно о близости другого корабля, и остановился не только для того, чтобы подать дружественный знак, но и принять меры предосторожности против атаки. Относительно неподвижный «Лланвебон» мог поворачиваться вокруг своей оси так, чтобы в случае вооруженного нападения представлять собой наименьшую мишень, имея при этом достаточно времени для обстрела.

Момент сближения был очень напряженным. «Лланвебон» своим заостренным носом неподвижно нацелился на чужой корабль. Реле переключило управление бластерами в центральный пост, и капитан положил руку на тумблер, который запускал бластеры на максимальную мощность. Томми Дорт, нахмурившись, ждал.

Поскольку чужие находятся в космосе, очевидно, уровень их цивилизации должен быть очень высок, но тогда обычно развивается и предусмотрительность. Эти существа должны разбираться во всех сложностях первого контакта двух цивилизованных рас не хуже, чем люди на «Лланвебоне».

Вероятно, их, так же как и людей, привлекала мысль о том, что дружеский контакт позволил бы обмениваться техническими достижениями и сделать огромный скачок в развитии. Однако, когда несходные культуры вступают в контакт, одна обычно должна подчиниться, иначе — война. Но субординацию в отношениях между расами, пришедшими с разных планет, нельзя было установить мирным путем. Люди по крайней мере никогда бы не согласились подчиниться. Маловероятно, что и любой другой высокоразвитой расе это пришлось бы по вкусу. Выгоды, которые принесла бы торговля, никогда не компенсировали бы тех неудобств, которые являются следствием подчиненного положения. Может быть, некоторые расы, и в том числе люди, предпочли бы торговлю завоеванию. *Возможно*, эти чужие сделали бы то же самое. Но даже кое-кто из людей стремится к кровопролитной войне. Если чужой звездолет, вернувшись к себе, принесет сведения о существовании людей и «Лланвебона», неизвестная раса будет поставлена перед выбором — торговля или сражение. Они могут предпочесть торговлю, но могут — и войну. Для

торговли необходимо желание обеих сторон, а для войны — только одной. Но чужие не могут быть уверены в миролюбии людей, а люди не могут быть уверены в миролюбии чужих. Единственный безопасный выход для обеих цивилизаций заключается в уничтожении одного или обоих кораблей здесь и сейчас же.

Но даже победа не решала всех проблем. Людям нужно было узнать, где обосновалась чужая раса, пусть не для того, чтобы сражаться, но чтобы избежать ее. Людям нужно было узнать, каким оружием и ресурсами она располагает, выяснить, может ли она угрожать Земле и каким образом ее можно уничтожить. Чужим нужно было узнать то же самое о людях.

Итак, капитан «Лланвебона» не открывал огня. Он не решался на это. Но и не открывать огонь он тоже не решался. Капли пота выступили у него на лице. Забормотал репродуктор — вызывала дальномерная рубка.

— Другой корабль остановился, сэр. Он совершенно неподвижен. Бластеры наведены на него, сэр.

Можно было открывать огонь. Но капитан, как бы отвечая на собственный вопрос, отрицательно покачал головой. Чужой корабль застыл не более чем в тридцати километрах от «Лланвебона». Снаружи он был абсолютно черным, какого-то бездонно, неотражающе черного цвета. Никаких деталей разглядеть не удавалось — силуэт корабля едва выделялся на фоне туманности.

— Он совсем остановился, сэр, — произнес другой голос. — Они посылают к нам модулированные короткие волны, сэр. Частотно-модулированные. Похоже на сигналы. Чтобы причинить нам вред, мощность недостаточна.

Капитан процедил сквозь зубы:

— Там какое-то движение. Кажется, они собираются выйти. Подождем... Навести вспомогательные бластеры!

Что-то маленькое и круглое плавно отделилось от овального силуэта черного корабля. Черный корпус дрогнул.

— Корабль отходит, сэр, — сообщил голос из репродуктора. — Сброшенный с него предмет остался на прежнем месте. Он неподвижен.

Другой голос перебил:

— Опять частотно-модулированный сигнал, сэр. Разобрать не можем.

Глаза Томми Дорта блеснули. Капитан следил за экраном.

— Пожалуй, это хорошо придумано, сэр, — задумчиво произнес Томми. — Если бы они что-нибудь послали к нам, мы решили бы, что это снаряд или бомба. Поэтому они подошли близко, спустили бот и снова отступили. Они показывают, что и мы для установления контакта можем послать бот или людей, не рискуя нашим кораблем. Видимо, они рассуждают примерно так же, как и мы.

— Мистер Дорт, — сказал капитан, не отрывая глаз от экрана, — не возьмете ли вы на себя труд выйти наружу и осмотреть этот предмет? Я не могу приказывать вам, но мне нужна вся моя команда на случай решительных действий. Научный персонал...

— Сейчас ни к чему. Ясно, сэр, — живо откликнулся Томми. — Мне не нужен бот, сэр. Достаточно скафандра с двигателем. Он меньше, руки и ноги видны, на бомбу непохоже. Я думаю, необходимо взять с собой сканер, сэр.

Чужой корабль по-прежнему удалялся. Шестьдесят, сто, шестьсот километров. Здесь он остановился. Уже в шлюзовой камере «Лланвебона», забравшись в свой скафандр с атомным двигателем, Томми прослушал сообщения, повторенные репродукторами по всему кораблю. То, что другой корабль отошел на шестьсот километров, ободряло. Возможно, у него не было оружия, эффективного на такой большой дистанции, и Томми почувствовал себя в безопасности. Но как только эта мысль сформировалась в сознании Томми, черный корабль стремительно отошел еще дальше. Вероятно, размышлял Томми, выбравшись из шлюза, чужие поняли, что выдали себя, а может быть, они хотели создать такое впечатление.

Он оторвался от сверкающего серебром «Лланвебона» и двинулся сквозь пылающую раскаленную пустоту; с чем-либо подобным еще никогда не приходилось сталкиваться человеку. Позади него, отступая, покачивался «Лланвебон». В шлемофоне Томми раздался голос капитана:

— Мы тоже оттянемся, мистер Дорт. На тот случай, если этот предмет окажется атомным устройством, опасным даже на таком расстоянии. Возможно, его просто нельзя использовать непосредственно с корабля. Мы отойдем, держите сканер на объекте.

Соображение казалось здравым, хотя и неутешительным. Для «Лланвебона» было несомненно безопаснее отступить. Теоретически можно было представить, что существует взрывчатое вещество, которое уничтожает все в радиусе сорока километров, но земляне еще не обладали им.

Томми Дорт чувствовал себя очень одиноким. Он скользил сквозь пустоту к маленькому черному пят-

нышку, которое плавало среди ослепительного блеска. «Лланвебон» исчез. Его полированный корпус почти сразу же утонул в искрящейся дымке. Чужой корабль также не был виден невооруженным глазом. Томми скользил в пустоте в четырех тысячах световых лет от дома, приближаясь к маленькому черному пятнышку, которое было единственным видимым твердым объектом во всем космосе.

Это была слегка сплюснутая сфера, не более двух метров в диаметре. Когда Томми встал на нее, она отпрянула. Торчавшие во все стороны маленькие щупальца напоминали рожки взрывателей подводной мины, но концы их мерцали, как хрусталь.

— Я на месте, — сказал Томми в шлемофон.

Он ухватился за рожок и подтянулся к сфере. Она была целиком металлической и абсолютно черной. Томми, конечно, не ощущал фактуры, но он ощупал сферу руками в перчатках, пытаясь выяснить ее назначение.

— Закрыто наглухо, сэр, — заметил он вскоре, — кроме того, что вам показал сканер, сообщать нечего.

Потом Дорт сквозь скафандр ощутил легкую вибрацию. Одна секция круглого корпуса раскрылась. За ней другая. Томми перебрался на другую сторону сферы, чтобы заглянуть внутрь и первым из землян встретить разумное существо с иной планеты.

Но он увидел только гладкую пластину, по которой, казалось, бесцельно проползал тускло-красный блик. В шлемофоне Томми раздалось удивленное восклицание, и он услышал голос капитана:

— Отлично! Установите сканер так, чтобы он был направлен на эту пластину. Они не рискнули послать

кого-нибудь из команды и использовали робота с инфракрасным экраном. В худшем случае они потеряли бы только механизм. Возможно, они ожидают, что мы возьмем это на борт. Там может быть заряд, который взорвется к тому времени, когда они соберутся стартовать домой. Я поставлю экран против одного из их сканеров. Возвращайтесь на корабль.

— Есть, сэр, — сказал Томми. — Но где находится корабль, сэр?

Звезды исчезли. Туманность поглотила их вместе с их светом. Только двойная звезда была видна в центре туманности. Томми потерял ориентацию. У него была лишь одна отправная точка.

— Двойная звезда должна остаться у вас за спиной, — донесся приказ из шлемофона. — Мы вас подберем.

Немного погодя Томми миновал еще одну одинокую фигуру, державшую курс на сферу, чтобы укрепить над ней экран. Два космических корабля установили друг с другом связь через маленького сферического робота; при этом на каждом из них понимали, что малейшая неосторожность может поставить под удар целую планету. Используя автономные системы наблюдения, корабли обменивались той информацией, которую они отваживались передавать, а тем временем изыскивали наиболее надежные способы, при помощи которых можно было убедиться, что собственная цивилизация не подвергнется опасности при первом контакте с другой. И все же единственным по-настоящему надежным способом казалось уничтожение другого корабля в мгновенной и смертельной атаке — в целях самозащиты.

II

С этого момента «Лланвебону» пришлось выполнять сразу две различные задачи. Он улетел с Земли, чтобы произвести с близкого расстояния серию наблюдений над меньшим компонентом двойной звезды в центре Крабовидной туманности. Эта туманность возникла в результате самого чудовищного взрыва, о котором только известно человечеству. Взрыв произошел в 2946 году до н. э., задолго до того, как возник первый из семи городов на месте давно исчезнувшей Трои. Свет от этого взрыва достиг Земли в 1054 году н. э., что и было зарегистрировано в летописях, а также китайскими придворными астрономами. Вспышка была такой яркой, что в течение двадцати трех суток наблюдалась даже днем. Ее свет (а он прошел расстояние в четыре тысячи световых лет) затмевал сияние Венеры.

Зная это, астрономы девятью столетиями позднее сумели рассчитать силу взрыва. Частицы материи, выброшенные из центра взрыва, должны были разлететься со скоростью три миллиона восемьсот тысяч километров в час, то есть делать почти шестьдесят три тысячи километров в минуту, или тысячу пять километров в секунду. Когда телескопы двадцатого века нацупали место чудовищной катастрофы, там осталась только двойная звезда и туманность. Более яркая звезда в этой паре оказалась почти уникальной. Температура ее поверхности была настолько высока, что в ее видимом спектре отсутствовали линии поглощения. Он был непрерывным.

Температура поверхности земного Солнца около семи тысяч градусов, а температура белой звезды — пятьсот тысяч градусов. Ее масса приближалась к мас-

се Солнца, а диаметр составлял лишь одну пятую солнечного, то есть она была в сто семьдесят три раза плотнее воды, в шестнадцать раз плотнее свинца и в восемь раз — иридия — самого тяжелого вещества на Земле. Но даже она не могла сравниться по плотности с белым карликом, таким, например, как спутник Сириуса. Белая звезда в Крабовидной туманности еще не стала карликом; она находилась в стадии сжатия. «Лланвебон» и должен был исследовать ее, изучить столб света длиной в четыре тысячи световых лет. Это могло принести большую пользу науке. Но встреча с чужим кораблем, перед которым, по-видимому, стояла сходная задача, создала осложнения. Первоначальная цель экспедиции была теперь отодвинута на второй план.

Крошечный круглый робот плавал в разреженном газе туманности. Команда «Лланвебона» несла свою вахту особенно бдительно. Ученые разделились, часть их без всякого энтузиазма начала исследование, ради которых сюда прибыл «Лланвебон», другая часть занялась проблемами, связанными с появлением чужого звездолета.

Он был посланцем цивилизации, поднявшейся до уровня межзвездных космических полетов. Взрыв, происшедший пять тысяч лет назад, должен был уничтожить все следы жизни в пространстве, которое сейчас занимала туманность. Чужие на черном звездолете, несомненно, прибыли из другой солнечной системы. Вероятно, они, как и «Лланвебон», предприняли путешествие с чисто научными целями, поскольку никакого практического интереса туманность не представляла.

Следовательно, их уровень был по меньшей мере близок к уровню человеческой цивилизации. По-види-

тому, интересно было познакомиться с их промышленной продукцией и произведениями искусства, и людям стоило завязать с ними дружеские отношения. Но чужие неизбежно должны были понимать, что самое существование человечества и высокий уровень его цивилизации представляют потенциальную угрозу их собственной расе. Две расы могут стать друзьями, но они также могут стать и смертельными врагами.

Проблема, возникшая в Крабовидной туманности, требовала четкого и немедленного решения. Взаимопонимание двух рас в грядущем зависело от действий, которые будут предприняты сейчас. Если завяжутся дружеские отношения, одна из рас — та, которая потерпела бы поражение, останется в живых, и для обеих это будет величайшим благодеянием. Но при этом нужно исключить малейшую опасность предательства. Необходимо было завоевывать доверие на базе полного недоверия. Ни одна из сторон не отважится вернуться на свою базу, пока не убедится, что другая не причинит вреда его расе. При всей важности взаимного доверия никто не пошел бы на риск. Для каждого существовал единственный надежный выход — уничтожить другого или быть уничтоженным.

Но война создавала больше проблем, чем простое уничтожение противника. Чтобы совершать межзвездные перелеты со сверхсветовыми скоростями, чужие должны были обладать атомной энергией и применять какую-то форму овердрайва. Помимо радиолокации, телевидения и коротковолновой связи, у них, конечно, было много другой техники. Каким оружием они располагают? До каких пределов простирается их цивилизация? Каковы их ресурсы? Осуществимо ли развитие торговли и сотрудничества или две расы на-

столько различны, что война между ними неизбежна? Если мир возможен, то как его установить?

Люди на «Лланвебоне», точно так же как и команда другого корабля, нуждались в фактах, чтобы принести домой максимальное количество информации. Важнее всего выяснить на случай войны местоположение другой цивилизации. Именно эта информация могла стать решающим фактором в межзвездной войне. Но и другие сведения были чрезвычайно ценными.

Трагедия заключалась в том, что не могло быть информации, которая способствовала бы установлению мира. Ни один корабль не поставил бы на карту существование собственной расы при малейшем сомнении в доброй воле и честности другого.

Итак, между двумя кораблями сохранялось странное перемирие. Чужой, так же как и «Лланвебон», начал свои исследования. Маленький робот плыл в сверкающей пустоте. Сканер «Лланвебона» был сфокусирован на экране чужого. Сканер чужого внимательно следил за экраном «Лланвебона». Связь была установлена.

События развивались быстро. Томми Дорт добился успеха одним из первых. Свое специальное задание в экспедиции он уже выполнил. Сейчас ему поручили наладить связь с чужими. Вместе с единственным на корабле психологом он вошел в центральный пост, чтобы доложить об успехе. Здесь, как всегда, было очень тихо, лишь перемигивались красные огоньки индикаторов, а на всех стенах и на потолке светились огромные экраны.

— Нам удалось договориться, сэр, — сказал психолог. Он выглядел утомленным. Предполагалось, что в полете он будет заниматься изучением индивидуаль-

ных погрешностей наблюдателей, чтобы максимально приблизить точность наблюдений к теоретически возможной. Сейчас на него ввалили работу, к которой он не был подготовлен, и это сказывалось на нем. — Теперь мы можем сообщить им почти все, что хотим, — заявил он, — и можем понять, что они отвечают. Но, естественно, мы не знаем, насколько их сообщения близки к истине.

Капитан перевел взгляд на Томми Дорта.

— Мы разыскали кое-какие детали, — заметил Томми, — и собрали механический преобразователь. Кроме того, мы установили экраны и коротковолновый направленный излучатель. Они используют частотную модуляцию и несколько меняют форму сигнала — это похоже на принцип употребления в нашей речи гласных и согласных. Мы никогда не встречались ни с чем подобным, и наши индукционные катушки здесь не годятся. Но мы разработали что-то вроде языка-посредника. Они излучают коротковолновый частотно-модулированный сигнал, а мы принимаем его как звук. Когда же мы в свою очередь передаем звук, он снова преобразуется в частотно-модулированный сигнал.

Капитан нахмурился:

— Изменение формы коротковолнового сигнала?.. Откуда вы знаете?

— Мы показали им наше записывающее устройство, а они нам свое. Они записывают непосредственно частотную модуляцию. Я думаю, — добавил Томми осторожно, — они вообще не используют звука, даже при разговоре. Они оборудовали специальную рубку, и мы внимательно следили за ними во время сеанса связи. Они не делают никаких заметных движений чем-либо,

что напоминало бы орган речи. Вместо того чтобы использовать микрофоны, они просто становятся рядом с предметом, который работает как передающая антенна. Я полагаю, сэр, для общения между собой они используют сантиметровые волны. Наверное, они излучают ультракоротковолновые импульсы, так же как мы издаем звуки.

Капитан удивленно уставился на Томми.

— Это что же — телепатия?

— М-м-м. Да, сэр, — сказал Томми. — Значит, по их мнению, мы тоже пользуемся телепатией. Вероятно, они глухие и, по-моему, не додумались до того, чтобы использовать звуковые волны для связи. Они просто вообще не прибегают к помощи звуков.

— Что еще? — спросил капитан, переварив это сообщение.

— Видите ли, сэр, — неуверенно начал Томми. — Я думаю, мы все подготовили. С помощью диаграмм и рисунков мы условились о произвольных символах для предметов и договорились о понятиях и глаголах. У нас уже есть несколько тысяч общих слов. Мы собрали анализатор, чтобы классифицировать излучаемые ими коротковолновые серии, которые мы вводим в декодирующее устройство. Затем на кодирующем выходе прибора формируются группы коротковолновых сигналов, которые мы хотим отправить обратно. Если вы готовы говорить с капитаном другого корабля, сэр, я думаю, можно начинать.

— Хм. Каково ваше впечатление об их психологии? — спросил капитан психолога.

— Не знаю, сэр, — взволнованно ответил психолог. — Они кажутся совершенно откровенными, но даже не намекнули на существование напряженности, о которой мы знаем. Они действуют так, как будто просто намереваются установить связь для дружеской беседы. Но имеется... так сказать... подтекст...

Психолог годился для изучения психологии человека. Это было подходящее для него поле деятельности. Но он не был подготовлен к анализу чужого мышления.

— Разрешите, сэр, — вмешался Томми.

— Да?

— Они дышат кислородом и не слишком отличаются от нас в других отношениях. Мне кажется, что их раса проделала эволюционный путь, сходный с нашим. Может быть, разум развивается по параллельным путям, так же как... скажем... основные функции организма. Я думаю, — добавил он с запинкой, — каждому живому существу присущи такие процессы, как питание, обмен и выделения. Возможно, всякий разумный мозг должен воспринимать, осознавать и проявлять индивидуальные реакции. Я уверен, что им не чужда ирония. У них есть чувство юмора. Короче говоря, сэр, я думаю, они неплохие парни.

Капитан с трудом поднялся и многозначительно хмыкнул.

— Что ж, посмотрим, что они скажут, — пробурчал он и направился в радиорубку.

Сканер экрана, установленного на работе, был включен. Капитан подошел к нему. Томми Дорт сел у кодирующего устройства и застучал по клавишам. Из микрофона вырвались какие-то странные звуки. Модулированный ими сигнал был передан чужому ко-

раблю. Почти мгновенно вспыхнул экран; через ретранслятор на роботе был воспроизведен внутренний вид другого корабля. Чужой подошел к сканеру и, казалось, с интересом заглянул в рубку связи «Лланвебона». Он необыкновенно походил и в то же время не походил на человека. Чужой был совершенно лысым, и вид у него был какой-то забавный.

— Я хотел бы сказать, — мрачно произнес капитан, — что-нибудь подходящее о первом контакте двух разных цивилизованных рас и о моих надеждах на то, что между ними возникнут дружеские отношения.

Томми Дорт колебался. Наконец он пожал плечами и уверенно включил кодирующее устройство.

Чужой капитан как будто принимал сообщение. Он сделал жест, словно соглашаясь с чем-то. В декодирующем устройстве на «Лланвебоне» что-то зашуршало, и в приемную кассету упала карточка с расшифровкой. Томми бесстрастно прочел:

«Все это очень хорошо, но существует ли какой-нибудь вариант, при котором оба корабля могут вернуться домой? Я был бы счастлив услышать о таком варианте, если вы можете его предложить. В данную минуту мне кажется, что один из нас должен быть уничтожен».

III

Атмосфера была напряженной. Возникло слишком много вопросов, требовавших немедленного разрешения, но никто не мог ответить ни на один из них. А нужно было ответить на все.

«Лланвебон» мог отправиться домой. Но вдруг его скорость окажется ниже скорости чужого корабля?

Если это так, то «Лланвебон», приблизившись к Земле, выдал бы ее местоположение, и ему бы пришлось вступить в бой. Его ждала либо победа, либо поражение. Но даже если бы он победил, могло случиться, что устройства связи чужих позволили бы им еще до начала сражения передать на родную планету координаты Земли. «Лланвебон» мог и проиграть эту битву. Если уж ему суждено погибнуть, то лучше, чтобы его уничтожили здесь — тогда вооруженному неприятельскому флоту не удастся обнаружить Землю.

Черный корабль находился в точно таком же опасном положении. Он тоже мог стартовать. Но вдруг скорость у «Лланвебона» больше? Если действовать быстро, то можно по следу, оставленному полем овердрайва, выяснить, куда он направляется. Чужие тоже не знали, в состоянии ли «Лланвебон» передать сообщение на свою планету прямо из космоса. Они тоже предпочли бы скорее погибнуть здесь, чем навести предполагаемого врага на след собственной цивилизации.

Итак, ни один корабль не мог думать о бегстве. Возможно, чужие проследили, каким курсом шел «Лланвебон» в туманности. Но это был лишь отрезок логарифмической кривой, и по нему нельзя было установить, откуда стартовал корабль землян. В данный момент положение обоих кораблей было равным. Вопрос «что дальше?» по-прежнему требовал ответа.

Однако определенного ответа не существовало. Чужие давали информацию в обмен на информацию — и не всегда было ясно, насколько можно доверять их сведениям. Люди тоже обменивали информацию на информацию, и Томми Дорт обливался потом, беспокоясь о том, как бы не дать какой-нибудь ключ к разгадке местоположения Земли.

Чужие видели в инфракрасном диапазоне, поэтому в коммуникационной системе робота частота световых колебаний каждый раз уменьшалась или увеличивалась вдвое. Видимо, чужим не приходило в голову, что по этой особенности можно судить об их солнце — красном карлике, излучающем свет с максимумом энергии ниже той части спектра, которая наблюдается человеческим глазом. Но после того как это осознали на «Лланвебоне», там сообразили, что и чужие могут понять, к какому спектральному классу относится земное Солнце, изучив свет, который глаза людей воспринимают лучше всего.

Очевидно, чужие использовали устройство для записи коротковолновых сигналов так же часто, как люди — звукозаписывающие устройства. Человечеству очень пригодился бы этот прибор. А те были зачарованы тайной звуков. Они, конечно, воспринимали звук, так же как ладонь человека воспринимает тепло инфракрасных лучей. Но различать высоту или тембр звука они могли не лучше, чем человек мог различать две частоты теплового излучения, даже когда одна из них в полтора раза больше другой. Для чужих знания людей о звуке были замечательным открытием. Они бы нашли для звука такое применение, до которого никогда не додумались бы люди — если бы остались жить. Правда, это был уже другой вопрос.

Ни один корабль не мог уйти, не уничтожив другой. Но пока продолжается обмен информацией, ни один корабль не может ринуться в атаку.

Для той и другой стороны вопрос о внешней окраске кораблей представлял значительный интерес. «Лланвебон» снаружи был зеркально-блестящим, «чужой» — абсолютно черным. Он полностью поглощал

тепло и, следовательно, должен был столь же хорошо излучать его. На самом деле все обстояло не так. Черный слой вообще не имел никакого цвета. Это был совершенный рефлектор для инфракрасных волн определенной длины, и вместе с тем он флуоресцировал именно в полосе частот. Практически он поглощал вышние тепловые частоты и преобразовывал их в низшие, которые им не излучались. Таким путем он сохранял нужную температуру даже в пустом пространстве.

Томми Дорт продолжал поддерживать связь. Он обнаружил, что процессы мышления у чужих не настолько чужды землянам, чтобы он не мог следить за ними. При обмене технической информацией обе стороны затронули вопрос о межзвездной навигации. Для иллюстрации Дорту понадобилась звездная карта. Было вполне логично использовать звездную карту из штурманской рубки, но, увидев эту карту, можно было легко догадаться о том, с какой точки она снята. У Томми была карта, сделанная специально с несуществующим, но убедительным видом космоса. Он передал в кодирующее и декодирующее устройства указания о том, как ее использовать. В ответ чужие показали их собственную звездную карту. Она была немедленно сфотографирована. Навигаторы тщательнейшим образом изучали ее, пытаясь выяснить, из какой точки Галактики Млечный Путь и звезды могут быть видны под таким углом, но ничего не получалось.

И тогда Томми сообразил, что чужие тоже сделали карту специально для отвода глаз и что это — зеркальное отражение фальшивки, которую он им показал.

Но Томми только развеселился. Ему начинали нравиться чужие. Они не были людьми, но обладали присущим человеку чувством юмора. Немного погодя Томми попытался осторожно пошутить. Шутку пришлось превратить в цифры кода, потом в кодированные группы довольно загадочных коротковолновых частотно-модулированных импульсов. В таком виде они попали на другой корабль и там превратились бог знает во что. Шутка, которая прошла через такие превращения, казалось, перестала быть шуткой. Но чужие уловили соль.

Для одного из чужих связь стала таким же естественным делом, как для Томми его занятия шифровкой. Между ними развивалась совершенно невероятная дружба, посредниками в которой стали кодирующее и декодирующее устройства и коротковолновое радиоизлучение. Когда официальная техническая терминология становилась слишком запутанной, этот чужой иногда вставлял совершенно нетехнические жаргонные добавления. Часто они разъясняли путаницу. Томми придумал кодовое имя «Бак», которое декодирующее устройство набирало всякий раз, когда этот непохожий на других оператор подписывал сообщение своим символом.

Через три недели декодирующее устройство после передачи официального сообщения вдруг выдало:

«Ты хороший парень. Жаль, что мы должны уничтожить друг друга. Бак».

Томми думал о том же самом. Он отстучал мрачный ответ:

«Мы не видим никакого выхода. А вы?»

Небольшая пауза, и в приемную кассету снова упала карточка:

«Если бы мы могли верить друг другу, удалось бы найти выход. Наш капитан хотел бы этого. Но мы не можем верить вам, а вы не можете верить нам. Мы найдем ваш дом, если нам представится возможность, а вы разыщете наш. Но мы сожалеем об этом. Бак».

Томми Дорт отнес эти сообщения капитану.

— Взгляните, сэр! — заговорил он настойчиво. — Эта раса почти люди, и они хорошие парни.

Капитан был занят серьезным делом, беспокоясь о том, что бы ему придумать, о чем можно было бы беспокоиться.

— Они дышат кислородом, — сказал он устало. — У них в воздухе двадцать восемь процентов кислорода вместо наших двадцати, но они могут отлично приспособиться к земной атмосфере. Наша планета для них — лакомый кусочек. А мы до сих пор не знаем, каким оружием они располагают и на что они вообще способны. Согласны вы дать им сведения, как определить местонахождение Земли?

— Н-нет, — ответил Томми с несчастным видом.

— Вероятно, они переживают то же самое, — сухо сказал капитан. — Предположим, мы сумеем установить дружеский контакт. Как долго он останется дружеским? Если их оружие слабее нашего, они поймут, что должны ради собственной безопасности улучшить его. И мы, зная, что они замышляют нападение, должны будем во имя нашей безопасности уничтожить их, пока мы в состоянии это сделать. Либо, наоборот, они должны разбить нас прежде, чем мы достигнем уровня их развития.

Томми промолчал, но беспокойно заерзал на стуле.

— Если мы уничтожим этот черный корабль и вернемся домой, — продолжал капитан, — Правительство

Земли будет недовольно, что мы не сумели узнать, откуда он прибыл. А как это узнать? Нам здорово повезет, если мы вообще останемся живы. Из этих существ не удастся вытянуть большее количество информации, чем то, которое мы дадим им, а не можем же мы дать им свой адрес! Мы наскочили на них случайно. Возможно, — если уничтожить этот корабль — другого контакта не будет еще тысячи лет. И это обидно, потому что торговля значит для нас так много! Но чтобы обеспечить мир, нужно обоюдное желание, а мы не имеем права рисковать, доверяя чужим. Единственный выход — убить их, если удастся. А если не удастся, погибнуть, но знать: после нашей гибели они не обнаружат ничего, что привело бы их к Земле. Мне все это не нравится, — повторил капитан устало, — но другого выхода просто нет.

IV

На «Лланвебоне» специалисты неистово работали, разделившись на две группы. Одни готовились к победе, другие — к поражению. У первой группы дел было немного. Главные бластеры оставались единственным оружием, на которое можно было возлагать какие-то надежды. Их установку осторожно изменили, так что они больше не были зафиксированы в положении точно вперед, с углом отклонения всего лишь в пять градусов. Электронная система, управляемая главным радиолокатором наводки, непрерывно держала бластеры наведенными на заданную цель с абсолютной точностью, при любых ее маневрах. Больше того: некий непризнанный гений в машинном отделе-

нии изобрел накопительную систему, которая позволяла мгновенно аккумулировать всю энергию корабля и освобождать ее в виде импульса огромной мощности. Теоретически дальность действия бластеров должна была увеличиться, а их разрушительная мощь — значительно возрасти. Но это было все, что удалось сделать.

У тех, кто готовился к поражению, забот было больше. Звездные карты, навигационные приборы, сохранившие автоматические самописцы, фотографии, сделанные Томми Дортом в течение шести месяцев путешествия, и все остальные записи, дающие ключ к координатам Земли, были подготовлены к уничтожению. Их складывали пачками в опечатанные контейнеры. И если кто-либо не посвященный в тайну их устройства попытается вскрыть хотя бы один из них, содержимое всех пачек вспыхнет и превратится в золу, а зола перемешается, так что восстановить записи будет невозможно.

Вокруг корпуса корабля укрепили атомные бомбы. Если команда погибнет, а корабль не будет полностью уничтожен, бомбы взорвутся в тот момент, когда «Лланвебон» окажется бок о бок с чужим звездолетом. Хотя атомных бомб на борту не было, но имелись небольшие запасные атомные установки. Оказалось, нетрудно переделать их так, чтобы при включении они не давали плавного выхода энергии, а взрывались. Четыре члена команды «Лланвебона» все время дежурили в скафандрах с закрытыми шлемами, на тот случай, если при внезапном нападении корабль получит пробоины сразу в нескольких отсеках.

Такая атака вовсе не была бы вероломством. Капитан чужого корабля говорил искренне. Он вел себя так,

словно понимал бесполезность лжи. Капитан «Лланвебона» в свою очередь тоже прекрасно понимал достоинства искренности. Оба они утверждали — возможно, так и было, — что хотят дружбы между двумя цивилизациями. Но ни один не мог поверить, что другой не сделает все возможное, чтобы получить сведения, которые скрывались тщательнее всего, — данные о местонахождении чужой планеты. И ни один не мог поверить, что другой не способен следить за ним. Ни один не мог поставить на карту существование своей расы, излишне доверяя другому. Они вынуждены были сражаться, потому что другого выхода не было.

Они могли повысить ставку в битве, заранее обменявшись информацией. Но существовала предельная ставка, повысить которую не решилась бы ни одна сторона. Никакой информации об оружии, населении или ресурсах... Ни слова даже о расстоянии от Крабовидной туманности до своей базы... Обмениваясь информацией, оба корабля знали, что от смертельной схватки никуда не уйти. Чтобы другая сторона не думала о возможном завоевании, каждый старался представить противнику собственную цивилизацию достаточно мощной. Таким образом, увеличивая для другого видимую опасность, обе стороны делали битву еще более неизбежной.

Просто удивительно, что можно постигнуть даже такое абсолютно чуждое мышление. Трудясь над кодирующим и декодирующим устройствами, Томми Дорт заметил, как уже в первых рассортированных группах карточек с расшифровками отчетливо проявляется нечто совершенно индивидуальное. Он видел

чужих только на экране и только при свете, сдвинутом по крайней мере на одну октаву по сравнению с привычным. Они же в свою очередь видели его очень странным при освещении, которое должно было им казаться далеким ультрафиолетом. Но их образ мышления был близок человеческому. Удивительно близок! Томми Дорт испытывал настоящую симпатию и даже что-то вроде тайных дружеских чувств к дышащим жабрами, лысым и бесстрастно ироническим существам на черном космическом корабле.

Вдохновленный мыслью об этой близости, Томми сделал, несмотря на полную безнадежность своего предприятия, что-то вроде таблицы, в которой рассматривались различные аспекты стоящей перед ними проблемы. Он не верил, что чужие инстинктивно стремятся уничтожить людей. Действительно, изучение сообщений с чужого корабля породило на «Лланвбоне» чувство терпимости по отношению к неприятелю. Оно было похоже на то чувство, которое испытывают враждующие солдаты земных армий во время перемирия. Люди не испытывали неприязни к чужим, вероятно так же, как и чужие — к людям. Но по законам логики нужно было или убивать, или быть убитыми.

Таблица Томми была своеобразной. Он составил список целей, которых люди должны достичь, и расположил их по степени важности. Первое — принести домой сообщение о существовании чужой цивилизации. Второе — определить местоположение этой чужой цивилизации в Галактике. Третье — собрать как можно больше информации о ней. Третье было осуществимо, но второе, вероятно, невозможно. Первое — и все остальное — будет зависеть от результата сражения, которое должно произойти.

У чужих точно такие же цели. Следовательно, люди должны, во-первых, помешать тому, чтобы известие о существовании земной цивилизации попало бы на планету чужих, во-вторых, не позволить чужим установить координаты Земли и, в-третьих, следить за тем, чтобы не просочилась информация, которая могла бы помочь им или поощрила бы их к нападению на человечество. И снова третье было выполнимо, второе зависело от людей, а первое могло решиться только в бою.

Казалось неизбежным, что черный корабль необходимо уничтожить. Для чужих тоже существовал только один приемлемый выход — уничтожение «Лланвебона». Но Томми Дорт мрачно взглянул на свою таблицу, прекрасно понимая, что совершенно недостаточно уничтожить чужих. Идеальным выходом для «Лланвебона» был бы захват черного корабля для его изучения. Иначе третья задача так и не будет полностью решена.

Но Томми понимал, что ему ненавистна самая мысль о такой абсолютной победе, даже если бы она и была достигнута. Он ненавидел самую мысль об уничтожении чужих существ, которые понимают человеческий юмор. И еще больше ему претила мысль о Земле, снаряжающей флот боевых кораблей для уничтожения чужой культуры, потому что ее существование признано опасным. Чисто случайное столкновение рас, которые могли бы сотрудничать друг с другом, должно было кончиться полным уничтожением одной из них.

Томми Дорт злился сам на себя, потому что не находил нужного решения. Но должно же оно существовать! Ставка была слишком большой! Ведь это неле-

пость — два космических корабля, научных, а не военных, должны сражаться, чтобы победитель смог принести домой сведения, используя которые, одна цивилизация начнет безумные приготовления к войне против ничего не подозревающей другой.

Но если бы удалось предупредить обе расы и каждая узнала бы, что другая не хочет войны!.. Если бы они смогли, не зная местоположения друг друга, поддерживать связь до тех пор, пока не появятся некоторые основания для взаимного доверия...

Мысль казалась безумной, фантастичной, совершенно абсурдной... Но она была такой заманчивой, что Томми Дорт, без всяких, впрочем, надежд, сообщил ее через кодирующее устройство своему жабродышащему приятелю Баку, находившемуся в этот момент далеко в сверкающем тумане.

«Конечно, — прочитал Томми на отщелканной декодирующим устройством карточке, — это прекрасная мечта. Но хотя вы мне нравитесь, все-таки я вам не верю. Если бы я предложил то же самое первым, ваша реакция была бы такой же. Я говорю вам больше правды, чем вам кажется, и, может быть, вы говорите мне больше правды, чем мне кажется. Но проверить это нельзя. Мне очень жаль».

Томми Дорт мрачно уставился на карточку. Он испытывал отвратительное чувство ответственности, как, впрочем, и все остальные на «Лланвобоне». Если они проиграют сражение, человеческую расу могут в свое время уничтожить. Это реально. Если они победят, вряд ли что-нибудь спасет расу чужих. Миллионы или миллиарды жизней зависят от действия горсточки людей.

И тут Томми Дорт увидел решение.

Оно выглядело удивительно простым, если только вообще было осуществимо. В худшем случае оно принесло бы человечеству и «Лланвобону» частичную победу. Томми сидел совершенно неподвижно, не смея шевельнуться, боясь, как бы не порвалась цепь его мыслей. Он вновь и вновь возвращался к этой идее, представлял себе, какие возражения она может вызвать, и, отвечая на них, немедленно сам преодолевал препятствия. Да, это решение! Томми больше не сомневался. Он облегченно вздохнул и, чувствуя легкое головокружение, направился к капитану.

Одна из многочисленных функций капитана заключалась в том, чтобы думать, о чем следует беспокоиться. Но капитану «Лланвобона» не приходилось ломать над этим голову. За те три недели и четыре дня, что прошли со времени установления первого контакта с чужим черным кораблем, капитан постарел, его лицо прорезали глубокие морщины. Ему пришлось беспокоиться не только о «Лланвобоне». Он отвечал за все человечество.

— Сэр, — очень серьезно начал Томми Дорт, и у него сразу же пересохло во рту. — Разрешите мне предложить способ нападения на черный корабль? Я берусь все выполнить сам, сэр, и даже если меня постигнет неудача, наш корабль останется в целости и сохранности.

Капитан взглянул на него, словно перед ним было пустое место.

— Тактика выработана на все случаи, мистер Дорт, — мрачно произнес он. — Запрограммированы все возможные варианты, и нам остается только выбирать. Это, конечно, страшно рискованно, но иного выхода нет.

— Я понимаю, — сказал Томми, осторожно подбирая слова. — Я нашел путь, исключаящий риск. Мы должны сообщить чужим, что предлагаем...

Его голос странно звучал в мертвой тишине центрального поста. На экранах по-прежнему сверкала мутная пелена, и в сердце туманности ярко пылали две звезды.

V

Вместе с Томми в шлюзовую камеру вошел капитан. Во-первых, решил он, предложение, сделанное им самим, будет выглядеть внушительнее. Во-вторых, он просто устал от гнетущего чувства ответственности. Он отправится с Томми и все сделает сам, а если ошибется, то погибнет первым. Данные для маневров земного корабля уже введены в пульт управления и коррелируются главным хронизатором. Если капитан и Томми погибнут, достаточно будет нажать одну кнопку в центральном посту, и приборы сами бросят «Лланвебон» в яростную атаку, которая кончится полным уничтожением одного из кораблей или обоих. Так что это не было дезертирством.

Наружная дверь шлюза распахнулась. Открылась сверкающая пустота туманности. На расстоянии тридцати километров от «Лланвебона» в пространстве висел маленький круглый робот, дрейфуя по невероятной орбите вокруг двойного центрального Солнца и подплывая к нему все ближе и ближе. Конечно, он никогда не достигнет его. Белая звезда сама по себе настолько горячее земного Солнца, что может нагреть до температуры Земли предмет, находящийся от нее на расстоянии, в пять раз превышающем путь от Непту-

на до Солнца. Даже если маленький робот приблизится к звезде на расстояние, отделяющее Плутон от Земли, пламя белого карлика накалит искусственный спутник до вишнево-красного цвета. И уж совсем невозможно предположить, что робот приблизится к звезде на те сто пятьдесят миллионов километров, которые отделяют Землю от Солнца. На таком расстоянии металл робота начал бы плавиться и испарился бы. Но этот грушеобразный предмет отстоял от белой звезды на дистанцию в половину светового года. И он спокойно висел в пустоте.

Две фигурки в скафандрах покинули «Лланвобон». Маленькие атомные двигатели, превратившие скафандры в миниатюрные космические корабли, были незначительно переделаны, но это не отразилось на их работе. Люди направились к роботу-связному. Неожиданно Томми услышал в шлемофоне хриплый голос капитана:

— Мистер Дорт, всю свою жизнь я стремился к авантюрам. Но это первый случай, когда мне наконец представилась такая возможность.

Томми облизнул губы.

— По-моему, это не авантюра, сэр. Я ужасно хочу, чтобы план удался. Мне кажется, что авантюра начинается, когда вы становитесь неосторожным.

— О нет, — ответил капитан. — Авантюра — это другое. Это значит, что вы бросаете свою жизнь на весы случая и ждете, когда стрелка остановится.

Они добрались до робота и уцепились за ручки сканеров.

— Смышленные твари, — заметил капитан. — Должно быть, им отчаянно хочется увидеть на нашем кораб-

ле кое-что помимо радиорубки, если они согласились на этот обмен визитами перед боем.

— Да, сэр, — подтвердил Томми.

Но в глубине души он подозревал, что Бак — его жабродышащий друг — захотел увидеть его во плоти перед тем, как один из них или оба они умрут. И ему казалось, что в отношениях между двумя кораблями воскресли старинные традиции вежливости, словно это были два рыцаря древних времен, которые перед турниром относились друг к другу с изысканной учтивостью, а потом обрушивались на противника всей мощью своего оружия.

Некоторое время люди молча ждали. Затем из тумана появились две другие фигуры. Скафандры чужих тоже были с автономными двигателями. Чужие оказались меньше ростом, чем люди, стекла их шлемов покрывал фильтрующий слой, поглощающий видимые и ультрафиолетовые лучи, которые представляли для них смертельную опасность. Сквозь этот фильтр не было видно ничего, кроме контуров головы.

В шлемофоне Томми раздался голос с «Лланвебона».

— Они говорят, что их корабль ждет вас, сэр. Дверь шлюза будет открыта.

Капитан угрюмо спросил:

— Мистер Дорт, вы видели раньше их скафандры? Вы уверены, что они не тащат что-нибудь вроде бомб?

— Да, сэр, — ответил Томми. — Мы показывали друг другу наше космическое снаряжение. Ничего постороннего не видно, сэр.

Капитан сделал жест двум чужим. Он и Томми Дорт двинулись к черному кораблю. Они не могли разглядеть его, но направление давалось с «Лланвебона».

Наконец вдали замаячил черный корабль. Он был огромен; такой же длины, как «Лланвебон», но гораздо шире. Шлюз был открыт. Два человека в скафандрах вошли внутрь; благодаря магнитным ботинкам они устойчиво держались на ногах. Наружная дверь закрылась. В шлюз ворвался поток воздуха, и сразу же включилась искусственная гравитация. Затем открылась внутренняя дверь.

Вокруг было темно. Томми и капитан одновременно включили свет на своих шлемах. Белый свет был невыносим для чужих, поэтому на шлемах землян горели темно-красные лампочки, которые обычно используются для освещения приборных досок. Это делается, чтобы не утомлять глаза: ведь нужно следить за маленькими светящимися точками на телеэкранах. Чужие, уже ожидавшие людей, щурились даже от такого света.

— Они говорят, сэр, что их капитан ждет вас, — доложили с «Лланвебона».

Томми и капитан вошли в длинный коридор с мягким полом. Лучи света от лампочек на шлемах выхватывали из темноты какие-то причудливые детали.

— Я, пожалуй, открою шлем, сэр, — сказал Томми.

Воздух был хороший. В нем содержалось двадцать восемь процентов кислорода вместо земных двадцати, но давление было заметно ниже. Искусственная гравитация также была слабее, чем на «Лланвебоне». Несомненно, родная планета чужих меньше, чем Земля, и, судя по инфракрасному свету, вращалась вокруг умирающего тускло-красного солнца. В воздухе чем-то пахло. Запахи были очень странные, но не противные.

Арочный вход, скат, устланный тем же мягким материалом, — все вокруг тонуло в тускло-красном свете.

Чужие усилили накал своих осветительных приборов, хотя свет, вероятно, раздражал их глаза. Томми был тронут этим знаком внимания и еще более страстно пожелал, чтобы его план удался.

Капитан черного звездолета встретил людей жестом, который показался Томми насмешливым.

— Он говорит, сэр, что рад приветствовать вас, — передали с «Лланвебона». — Но он сумел придумать только один выход из создавшегося положения...

— Он имеет в виду поединок, — перебил капитан. — Скажите ему, что я здесь для того, чтобы предложить другой вариант.

Капитан «Лланвебона» и капитан чужого корабля стояли лицом к лицу, но переговоры велись довольно сложным путем. Чужие не использовали звук для связи. Они общались с помощью сантиметровых волн, то есть почти телепатически. Но так как они не могли слышать слова, речь капитана и Томми, с их точки зрения, также была близка к телепатии. Когда капитан говорил, его шлемофон посылал слова обратно на «Лланвебон», где они подавались в кодирующее устройство и в виде коротковолнового эквивалента возвращались на черный корабль. Ответ капитана чужих отправлялся на «Лланвебон», проходил через декодирующее устройство и попадал в шлемофон уже в виде слов. Система была очень неудобной, но работала.

Маленький коренастый капитан черного звездолета ждал. Наконец пришел его беззвучный ответ, переведенный машинами.

— Он с удовольствием выслушает вас, сэр.

Капитан открыл свой шлем, подбоченился и принял воинственную позу.

— Послушайте, — заявил он странному лысому существу, стоявшему перед ним в неземном красном сиянии. — Все идет к драке, в которой кто-то из нас должен быть уничтожен. Мы готовы к этому. Но если выиграете вы, имейте в виду — мы сделали все, чтобы вы никогда не нашли нашу планету. Если выиграем мы, то сами окажемся в таком же положении. Если мы уничтожим вас и вернемся домой, наше правительство снарядит флот, и начнутся поиски вашей планеты. И если мы найдем ее, нам не составит труда ее покорить! Если выиграете вы, то же самое произойдет с нами! И все это глупость! Мы стояли здесь месяц, мы обменялись информацией, мы не испытываем друг к другу ненависти. У нас нет причин для драки, кроме спокойствия наших рас!

Капитан остановился и тяжело вздохнул. Томми Дорт незаметно положил руки на пояс своего скафандра. Он ждал, отчаянно надеясь, что хитрость удастся.

— Он говорит, сэр, — слышалось в шлемофоне, — что совершенно с вами согласен. Но его раса должна защищаться, так же как и ваша.

— Конечно! — сердито сказал капитан. — Но стоит поразмыслить, как ее защитить? Сделать ее ставкой в битве неразумно. Несомненно, нужно предупредить каждую расу о существовании иной цивилизации. Но каждая сторона должна иметь доказательства того, что другая хочет не сражаться, а сотрудничать. Нам не нужно искать друг друга, а лишь поддерживать друг с другом связь, создавая основу для взаимного доверия. Если наши правительства захотят совершить глупость — это их дело. Но мы должны дать им возмож-

ность проявить разум вместо того, чтобы начать космическую войну, вызванную взаимной паникой.

Ответ чужого был коротким.

— Он говорит, что сейчас трудно доверять друг другу. Когда само существование его расы находится под угрозой, нельзя рисковать. Тут можно упустить какое-либо преимущество.

— Но моя раса, — воскликнул капитан, впившись глазами в чужого, — моя раса уже получила преимущество. Мы пришли сюда, на ваш корабль, в скафандрах с атомными двигателями! Перед тем как покинуть свой корабль, мы их переделали! Мы можем привести в действие по десять фунтов активированного горючего на каждого, прямо на вашем корабле, или это может быть сделано с помощью дистанционного управления с нашего корабля! Будет просто невероятно, если ваши запасы горючего не взлетят на воздух вместе с нами! Другими словами, если вы не принимаете мое предложение и не хотите проявить здравый смысл, Дорт и я взрываем свои заряды. Даже если нам не удастся уничтожить ваш корабль, он будет сильно поврежден, а «Лланвебон» нападет на вас не позднее чем через две секунды после взрыва.

Рубка чужого корабля, тонущая в тускло-красном свете, представляла собой удивительное зрелище. Странные лыбые жабродышащие чужие следили за капитаном и ждали перевода речи, которой не могли слышать. Вдруг в воздухе возникло отчетливое, жесткое ощущение напряженности. Чужой капитан шевельнулся.

В шлемофоне снова прозвучало:

— Он спрашивает, сэр, что вы предлагаете?

— Поменяться кораблями! — проревел капитан. — Поменяться кораблями и идти домой. Мы можем раз-

регулировать наши приборы так, что они не будут следить за нами, вы можете сделать то же самое со своими. Каждый из нас заберет свои карты и записи. Каждый из нас демонтирует свое оружие. Воздух одинаково пригоден и для вас и для нас. Мы заберем ваш корабль, а вы заберете наш, и никто не сможет нанести другому урон или следить за ним, и каждый принесет домой больше информации, чем в любом другом случае. Мы можем условиться о встрече здесь же, в Крабовидной туманности, когда двойная звезда сделает следующий оборот. Если наш народ захочет встретиться с вами, он может это сделать, а если вы испугаетесь, то не прилетайте. Вот мое предложение. И либо вы его примете, либо Дорт и я взорвем ваш корабль, а «Лланвебон» уничтожит то, что останется.

Капитаны смотрели друг на друга, ожидая перевода, а вокруг застыли маленькие коренастые фигурки. Наконец пришел перевод, это сразу же стало ясно по тому, как исчезла напряженность и зашевелились фигурки. Один из чужих сделал судорожное движение, упал на мягкий пол и начал биться о него. Другие прислонились к стенам и затряслись.

В голосе из шлемофона, до этого очень четком и деловом, сейчас прозвучало неподдельное изумление.

— Он говорит, сэр, что это отличная шутка. Потому что два члена команды, которых он отправил на наш корабль и которых вы встретили по дороге, тоже имеют в своих скафандрах атомную взрывчатку, и они намеревались сделать то же самое предложение, сопровождаемое такой же угрозой. Конечно, он согласен, сэр. Он говорит, что ваш корабль для него ценнее, чем его собственный, а его — ценнее для вас, чем «Лланвебон». Кажется, сторговались, сэр.

Тут Томми Дорт понял, что означали судорожные движения чужих. Они смеялись.

Это было совсем не так просто, как предполагал капитан. На три дня команды обоих кораблей смешались — чужие изучали работу механизмов «Лланвебона», а люди изучали управление черным кораблем. Это была отличная шутка — но не только шутка. Люди на черном корабле и чужие на «Лланвебоне» были готовы по приказу мгновенно разнести корабли. И они сделали бы это в случае необходимости, но именно по этой причине необходимости не возникло. Действительно, поскольку капитаны договорились между собой, для каждого из них было выгоднее, чтобы вернулись домой обе экспедиции, а не одна.

Правда, не обходилось без споров. Чаще всего речь шла о записях. И в большинстве случаев дискуссия кончалась решением об их уничтожении. Много хлопот доставила библиотека «Лланвебона» и аналогичное хранилище черного корабля, где находились работы, близкие к земным романам. Любой из этих предметов был ценным для возможной дружбы, потому что он представлял свою культуру с точки зрения обычных граждан, без всякого приукрашивания.

Это были напряженные дни. Чужие проверяли продукты питания, предназначенные для людей, и переносили их на черный корабль. Люди перегружали пищу чужих, необходимую им для возвращения домой. Приходилось решать бесконечное количество мелких проблем, начиная от обмена осветительными приборами, которые приспосабливали для другой команды, и кончая проверкой аппаратуры. Объединенные контрольные группы обеих рас подтверждали, что все следящие устройства разбиты, но не сняты и не могут

быть унесены и использованы для слежки. И конечно, чужие, так же как люди на «Лланвебоне», позаботились о том, чтобы не оставить никакого оружия на своем корабле. Любопытно, что каждой команде было легче всего принять именно те меры, которые делали невозможным нарушение соглашения.

Перед расставанием в радиорубке «Лланвебона» состоялось последнее совещание.

— Скажите этому клопу, — загромыхал прежний капитан «Лланвебона», — что он получил хороший корабль и должен обращаться с ним получше.

В приемную кассету упала карточка с ответом.

«Я считаю, — говорилось в ней от имени чужого капитана, — что ваш новый корабль тоже неплох. Надеюсь встретить вас здесь, когда двойная звезда сделает один оборот».

Последние люди покинули «Лланвебон». Он погрузился в дымку туманности, прежде чем они вернулись на черный корабль. Экраны на нем были переделаны для человеческих глаз, и люди настороженно следили за трассой своего прежнего любимца, в то время как их новый корабль лег на сложный обходный курс в дальнюю часть туманности. Он нырнул в расщелину пустоты, ведущую к звездам, и быстро вышел в чистое пространство. Короткая пауза — это образовалось и начало действовать поле овердрайва, а потом черный звездолет рванулся в пустоту со скоростью, во много раз превышающей скорость света.

Прошло немало дней, и однажды капитан увидел, как Томми Дорт сосредоточенно рассматривает предмет, который заменял чужим книгу. Здесь было над чем поломать голову. Капитан был доволен. Техники бывшей команды «Лланвебона» почти непрерывно

обнаруживали что-нибудь интересное. Несомненно, чужим так же везло при изучении «Лланвебона». Но черный корабль представлял исключительную ценность, а найденное решение, конечно, было лучше сражения, даже если бы люди одержали полную победу.

— Хм-хм, мистер Дорт, — хрипло заговорил капитан, — у вас нет аппаратуры, чтобы на обратном пути заняться фотографией. Она осталась на «Лланвебоне». Но, к счастью, у нас есть снимки, сделанные на пути сюда. Я постараюсь как можно убедительнее доложить о вашем предложении и вашей помощи в ее осуществлении. Я очень высоко ценю вас, сэр.

— Благодарю вас, сэр, — сказал Томми Дорт.

Он ждал. Капитан прочистил горло.

— Вы... э... первый обратили внимание на большое сходство мыслительных процессов у нас и у чужих, — заметил он. — Что вы думаете о перспективах дружеского соглашения, если мы, как условились, встретимся с ними в туманности?

— О, у нас наладятся хорошие отношения, — заверил его Томми. — Мы положили удачное начало нашей дружбе. В конце концов, так как они видят в инфракрасном свете, то планеты, которые пригодны для них, нам не подойдут. Нет никаких причин, по которым мы не можем сотрудничать. Психология у нас почти одинаковая.

— Хм-хм. А как вы это, собственно, понимаете? — спросил капитан.

— Несомненно, они очень похожи на нас, сэр. Конечно, они дышат жабрами, видят в тепловых лучах, в их крови медь играет ту же роль, что в нашей железо, есть и еще мелкие отличия вроде этих... Но в других от-

ношениях мы очень похожи. В их команде были только мужчины, сэр, но у них два пола, так же как у нас, и у них есть семьи, и... э... их чувство юмора...

Томми заколебался.

— Продолжайте, сэр, — попросил капитан.

— Хорошо. Там был один, я назвал его Баком, сэр, — у него нет имени, передаваемого звуковыми волнами, — сказал Томми. — Мы отлично сотрудничали. Я считаю его своим другом, сэр. Перед тем как наши корабли расстались, мы провели вместе несколько часов, так, между делом. Но именно тогда я пришел к убеждению, что люди и чужие останутся друзьями, если у них будет хоть полшанса на спасение. Вы знаете, сэр, как мы провели эти часы? Мы рассказывали друг другу пикантные анекдоты.

СЕРДОБОЛЬНЫЕ СТЕРВЯТНИКИ

Прошло пятнадцать лет, а харриане все еще не покинули своей базы на обратной стороне Луны. Это было просто неслыханно! Невероятно! Ни один харрианин и представить себе не мог такой проволоочки. Специальные отряды находились в состоянии боевой готовности уже целых пятнадцать лет! Они были готовы устремиться вниз сквозь радиоактивные облака и спасти то, что еще возможно для тех немногих, кто уцелеет... Разумеется, за приличное вознаграждение.

Но планета совершила уже пятнадцать оборотов вокруг своего Солнца, а ее спутник всякий раз делал без малого тринадцать кругов, и за все это время атомная война так и не началась!

Крупные мыслящие приматы, обитатели этой планеты, то тут, то там производили атомные взрывы. Стратосфера была до предела насыщена радиоактивными продуктами распада. А войны все нет и нет!

Деви Ен горячо надеялся, что ему пришлют замену. Он был четвертым по счету капитаном, возглавлявшим эту колонизаторскую экспедицию (если ее все еще

можно было так назвать после пятнадцати лет бесплодного ожидания), и весьма приветствовал бы появление пятого. Поскольку с родины, из Харрии, должен был прибыть Главный инспектор, чтобы лично ознакомиться с положением, ждать оставалось недолго. И прекрасно!

Деви Ен стоял на Луне, облаченный в скафандр, и думал о Харрии. Его длинные тонкие руки беспокойно двигались, словно стремились, следуя зову далеких предков, ухватиться за ветви деревьев. Ростом он был не более метра. Сквозь прозрачную пластину в передней части шлема можно было видеть черное сморщенное лицо с мясистым подвижным носом. Маленькая бородка кисточкой по контрасту с лицом казалась белоснежной. Сзади, немного ниже пояса, в костюме был мешочек, в котором с удобством покоился короткий, похожий на обрубок хвост.

Деви Ен, естественно, не видел в своей наружности ничего необыкновенного, хотя прекрасно знал, что харриане отличаются от прочих мыслящих существ, населяющих Галактику. Только одни харриане так малы ростом, только у них есть хвост, только они не употребляют в пищу мяса... только они одни избежали неотвратимой атомной войны, которая приносила гибель прочим разновидностям мыслящих особей.

Он стоял на дне низины, похожей на чашу (будь она меньше, на Харрии ее назвали бы кратером); она простиралась так далеко, что обрамлявшая ее кольцом высокая гряда терялась за горизонтом. У южного края кольца, лучше всего защищенного от прямых лучей солнца, вырос город. Сначала это, понятно, был лишь временный лагерь, но позднее туда привезли женщин, и появились дети. Теперь здесь были школы, и сложные

гидропонные установки, и огромные резервуары, наполненные водой, — словом, все, что полагается иметь городу на спутнике, лишенном атмосферы.

Просто смехотворно! Целый город — и только потому, что какая-то там планета не желает начинать атомную войну, хотя и владеет атомным оружием!

Главный инспектор — его ждали с минуты на минуту, — несомненно, сразу же задаст вопрос, который и сам Деви Ен задавал себе несчетное множество раз.

Почему же все-таки нет атомной войны?

Деви Ен обернулся и стал смотреть, как огромные неуклюжие маувы готовят посадочную площадку, разравнивая почву и покрывая ее слоем керамической массы, которая должна максимально поглотить реактивную отдачу гиператомного поля и избавить от неприятных ощущений пассажиров межзвездного корабля.

Даже скафандры не могли скрыть силы, которую словно источник все существо маувов, но это была чисто физическая сила. Рядом с ними виднелась маленькая фигурка харрианина, отдававшего приказания, и маувы послушно повиновались. А как же иначе?

Раса маувов, единственная из всех крупных мыслящих приматов, платила Харрии самую необычную дань, посылая вместо материальных ценностей определенное число обитателей своей планеты. Это была удивительно выгодная дань, во многих отношениях лучше, чем сталь, алюминий или лекарственные препараты.

Радиотелефон в шлеме Деви Ена вдруг ожил.

— Корабль показался, капитан, — донеслось до него. — Он сядет меньше чем через час.

— Отлично, — сказал Деви Ен. — Пусть мне готовят машину. Я поеду, как только начнется посадка.

Однако ему вовсе не казалось, что все идет отлично.

* * *

Главный инспектор прибыл в сопровождении свиты из пяти маувов. Они вошли вместе с ним в город, два по бокам, три следом. Помогли ему снять скафандр, затем разоблачились сами.

Их тела, на которых почти не росли волосы, крупные лица с грубыми чертами, широкие носы и плоские скулы отталкивали своим уродством, но не внушали страха. Они были в два раза выше харриан и чуть не в три раза массивнее, но глаза их смотрели безучастно, и весь их вид, когда они стояли, слегка склонив мускулистые шеи и апатично уронив тяжелые руки, выражал покорность.

Главный инспектор отпустил маувов, и они один за другим вышли из комнаты. Ему, конечно, вовсе не нужна была охрана, но его положение требовало свиты из пяти маувов, и говорить тут было не о чем.

Ни во время бесконечного приветственного ритуала, ни во время еды Главный инспектор ничего не спрашивал о делах. Лишь когда настало время, куда более подходящее для сна, потеревив пальцами бородку, он спросил:

— Сколько нам еще ждать, капитан?

Он был, по-видимому, очень стар. Шерсть у него на руках почти вся поседела, а длинные пучки волос у локтей стали такими же белыми, как борода.

— Не могу сказать, Ваше главенство, — смиренно проговорил Деви Ен. — Они сошли с обычного пути.

— Это само собой очевидно. Нас интересует, почему именно они сошли с обычного пути. Совету ясно, что в своих донесениях вы пишете меньше того, что знаете. Вы разводите теории, но не даете никаких фактов. Нам, в Харрии, все это надоело. Если вам что-либо известно, сейчас настало время сообщить об этом.

— Тут, Ваше главенство, трудно говорить наверняка. Мы ведь впервые имеем возможность наблюдать за планетой в течение такого долгого периода. До самого последнего времени не обращалось должного внимания на то, что там происходит. Из года в год мы ждали, что атомная война вот-вот начнется, и, только когда командование принял я, мы стали более внимательно приглядываться к обитателям планеты. Хоть в одном длительном ожидании пошло нам на пользу — мы изучили несколько их основных языков.

— Как? Даже не спускаясь на планету?

Деви Ен объяснил:

— Наши корабли, проникавшие в атмосферу планеты для наблюдений, записывали радиосигналы. Особенно в первые годы. Я дал их для расшифровки лингвистическим вычислительным машинам и весь этот год потратил на то, что пытался разобраться в их смысле.

Главный инспектор слегка поднял брови. Этого было более чем достаточно, чтобы показать, до какой степени он изумлен.

— И то, что вы узнали, представляет какой-нибудь интерес?

— Возможно, Ваше главенство, но сведения, которые мне удалось получить, настолько странны, а мате-

риал, из которого они извлечены, так ненадежен, что я не решился писать обо всем этом в своих официальных донесениях.

Главный инспектор понял.

— Надеюсь, вы сочтете возможным изложить свои взгляды неофициально... мне? — немного натянуто произнес он.

— Буду рад это сделать, — тут же ответил Деви Ен. — Обитатели этой планеты, как мы и предполагали, относятся к крупным приматам. Им в полной мере присущ захватнический инстинкт.

Главный инспектор облегченно вздохнул и быстро облизал языком нос.

— Я почему-то вообразил, что они лишены этого инстинкта, и поэтому... но продолжайте, продолжайте.

— Нет, захватнический инстинкт развит у них как раз очень сильно, — заверил его Деви Ен, — куда сильнее даже, чем свойственно обычным крупным приматам.

— Почему же это не привело к должным последствиям?

— Привело, Ваше главенство, но не до конца. Как всегда, после длительного инкубационного периода у них началось развитие техники, и обычные у крупных приматов побоища превратились в поистине катастрофические войны. В конце последней войны, охватившей всю планету, у них было изобретено атомное оружие, и войны сразу же прекратились.

Главный инспектор кивнул.

— А дальше?

— Вскоре после этого, — продолжал Деви Ен, — должна была вспыхнуть новая война; атомное оружие стало более смертоносным и все же было бы пущено

в ход, как это водится у крупных приматов; в результате планета погибла бы, а из всего населения осталась бы горстка умирающих от голода особей.

— Совершенно верно. Но этого не произошло. Почему?

— Нужно учесть одно обстоятельство, — заметил Деви Ен. — Мне кажется, когда у этих крупных приматов начала развиваться техника, ее развитие пошло необычайно быстро.

— Ну и что же? — возразил собеседник. — Тем скорее они изобрели атомное оружие.

— Верно. Но по окончании самой последней всепланетной войны они продолжали совершенствовать атомное оружие с поразительной быстротой. В том-то и беда. Смертоносный потенциал возрос прежде, чем представился случай начать военные действия, а сейчас он достиг такого уровня, что даже эти крупные приматы не рискуют развязать войну.

Главный инспектор широко раскрыл маленькие черные глазки.

— Ерунда! Одаренность этих особей в области техники ничего не может изменить. Военная наука развивается быстро только во время войны.

— По-видимому, данные приматы — исключение из общего правила. Но дело не в том, — они, судя по всему, все-таки ведут войну. Не настоящую войну, но все-таки войну.

— Не настоящую войну, но все-таки войну, — недоуменно повторил инспектор. — Что это значит?

— Я не могу сказать наверняка, — Деви Ен раздраженно повел носом. — Именно в этом пункте мои попытки извлечь смысл из отрывочных материалов, кото-

рые нам удалось собрать, оказались наименее успешными. То, что происходит на этой планете, называется «холодной войной». Какова бы ни была сущность этой странной войны, она в бешеном темпе подгоняет жителей планеты вперед, к новым изысканиям, и вместе с тем не приводит к окончательной катастрофе.

— Немыслимо! — воскликнул Главный инспектор.

— Вон она, планета, — возразил Деви Ен. — А мы всё здесь. Мы ждем уже пятнадцать лет.

Главный инспектор поднял длинные руки и, скрепив их за головой, опустил себе на плечи.

— Тогда нам остается только одно. Совет предусмотрел, что планета могла застрять на мертвой точке в состоянии неустойчивого мира, от которого только один шаг до атомной войны. Нечто вроде того, о чем говорите вы, хотя никому, кроме вас, пока не удалось предложить сколько-нибудь разумного объяснения. Но мы не можем этого допустить.

— Не можем, Ваше главенство?

— Да. — Казалось, каждое слово причиняет инспектору боль. — Чем дольше данные приматы будут находиться на этой мертвой точке, тем больше вероятность того, что они раскроют тайну межзвездных полетов и со всем присущим им стремлением к захватничеству проникнут в Галактику. Ясно?

— Что из этого следует?

Главный инспектор крепко стиснул голову руками, словно боясь услышать то, что сам сейчас произнесет. Голос его звучал приглушенно.

— Поскольку равновесие, в котором они находятся, неустойчиво, мы должны их слегка подтолкнуть. Да, капитан, слегка подтолкнуть!

Желудок Девы Ена конвульсивно сжался, он вдруг снова ощутил во рту вкус съеденного обеда.

— Подтолкнуть их, Ваше главенство? — Он отказывался понимать.

Но Главный инспектор был беспощаден.

— Мы должны помочь им начать атомную войну. — Его, видимо, так же мутило от этой мысли, как и Девы Ена. Он прошептал: — Мы должны.

У Девы Ена чуть не отнялся язык. Он проговорил еле слышно:

— Но как это сделать, Ваше главенство?

— Не знаю... И не смотрите на меня так. Это не мое решение. Это решение Совета. Вы сами должны понять, что грозит Галактике, если крупные мыслящие приматы проникнут в космос во всей своей силе, не укрощенные атомной войной.

Девы Ен содрогнулся. Крупные приматы на просторах Галактики! Но он продолжал допытываться:

— А как начинают атомную войну? Как это делается?

— Не знаю, говорю вам. Но какой-нибудь способ должен быть. Ну, к примеру, м-м, направим им послание или, м-м, напустим туч и вызовем ураган. Мы могли бы многого добиться, воздействуя на метеорологические условия планеты.

— Да разве из-за этого вспыхнет война? — спросил Девы Ен, которому слова Главного инспектора показались не очень убедительными.

— Возможно, что и не вспыхнет. Я привел все это в качестве примера. Но крупные приматы должны сами знать. В конце концов именно они развязывают атомные войны. Инстинкт взаимоистребления у них в крови... Учитывая все это, Совет и принял решение.

Девы Ен почувствовал, что его хвост начал медленно и почти бесшумно постукивать по стулу. Попытался взять себя в руки, но безуспешно.

— Какое же решение, Ваше главенство?

— Увезти одного крупного примата с планеты. Похитить его.

— Дикого?

— Других в настоящее время на планете не водится. Конечно, дикого.

— А что он, думаете, нам скажет?

— Это не имеет значения. Важно, чтобы он вообще о чем-нибудь говорил, безразлично о чем; психоанализаторы ответят на интересующий нас вопрос.

Девы Ен как можно глубже втянул голову в плечи. От отвращения он весь покрылся гусиной кожей. Дикый крупный примат! Он постарался представить себе, как должна выглядеть особь, которой не коснулись ошеломляющие последствия атомной войны и не затронуло цивилизующее воздействие харрианской евгеники.

Главный инспектор и не пытался скрыть, что разделяет отвращение Девы Ена, но, несмотря на это, сказал:

— Вам придется возглавить экспедицию на планету, капитан. Это делается ради блага Галактики.

* * *

Девы Ен много раз видел планету, но всегда, как только космический корабль огибал Луну и этот мир открывался его взору, Девы Ена захлестывала волна невыносимой тоски по родине.

Это была прекрасная планета, очень похожая на Харрию по размерам и природным условиям, но более дикая и величественная. Ее вид, после пустынных пейзажей Луны, разил в самое сердце.

«Сколько еще планет, подобных этой, занесено в реестры владений Харрии! — думал Деви Ен. — Сколько планет, на которых после тщательного наблюдения обнаруживали последовательную смену окраски, что могло быть объяснено лишь искусственным разведением пригодных в пищу растений! Сколько еще раз в будущем мы столкнемся с тем, что в один прекрасный день радиоактивность в атмосфере какой-нибудь из этих планет начнет повышаться и туда потребуется немедленно послать колонизационные отряды... Так же как в свое время они были посланы к этой планете».

Самонадеянность, с которой поначалу действовали харриане, была просто трогательной. Деви Ен смеялся бы, читая первые донесения, не окажись он сам в той же ловушке. Чтобы собрать географические данные и установить местонахождение населенных пунктов, корабли-разведчики харриан спускались чуть ли не на самую планету. Их, конечно, заметили, но какое это имело значение? В самом ближайшем будущем, думали харриане, произойдет окончательный взрыв.

В самом ближайшем будущем... но годы шли, а взрыва все не было, и корабли-разведчики решили, что не мешаает, пожалуй, быть поосторожней. Один за другим они вернулись обратно на базу.

Корабль Деви Ена сейчас тоже соблюдал осторожность. Команда волновалась, ей не по душе было полученное задание. Как ни уверял Деви Ен, что крупному примату не причинят никакого вреда, она не ус-

покаивалась. Во всяком случае, нельзя было торопить события. Несколько дней подряд корабль парил на высоте шестнадцати километров, нарочно выбрав уединенное, дикое холмистое место, — и команда волновалась все больше; только флегматичные маувы, как всегда, сохраняли спокойствие.

Наконец в поле зрения телескопа показался крупный примат. В руке у него была длинная палка, на верхней части задней стороны туловища — какая-то ноша.

Они спустились бесшумно, со сверхзвуковой скоростью. Девы Ен сам, хотя тело его покрылось мурашками, сидел у рычагов управления. В момент похищения крупный примат произнес две фразы, тут же зафиксированные для дальнейшего психоанализа. Первая, сказанная в тот миг, когда он увидел корабль харриан чуть ли не у себя над головой, была схвачена телемикрофоном направленного действия. Вот как она звучала: «Боже! Летящее блюдце!»

Девы Ен понял все, кроме первого слова. Так крупные приматы обычно называли корабли харриан в первые годы их пребывания на Луне, когда они легкомысленно спускались к самой планете.

Вторую фразу он произнес, когда его втаскивали в корабль, — хотя дикарь яростно сопротивлялся, он был беспомощен в железных руках невозмутимых маувов.

Когда Девы Ен, тяжело дыша, подрагивая от возбуждения мясистым носом, сделал несколько шагов ему навстречу, крупный примат (его морда, отталкивающе безволосая, лоснилась от каких-то жидких выделений) воскликнул: «Разрази меня гром, обезьяна!»

Тут Деви Ен понял только последнее слово. «Обезьяна» — так называли мелких приматов на одном из основных языков планеты.

* * *

С диким приматом почти невозможно было сладить. Требовалось безграничное терпение, чтобы заставить его слушать разумные речи. Вначале он находился в совершенно неменяемом состоянии. Он сразу понял, что его увозят с Земли, и, к удивлению Деви Ена, вовсе не желал рассматривать это как увлекательное приключение. Напротив, он только и говорил, что о своем детеныше и самке.

(«У них тоже есть жены и дети, — сочувственно подумал Деви Ен, — и хоть они и крупные приматы, а семью по-своему любят».)

Прежде всего надо было довести до его сознания, что маувы, которые сторожили его и в случае необходимости сдерживали его дикие вспышки, вовсе не хотят нанести ему увечье и что вообще ему никоим образом не будет причинено зло.

(Деви Ена приводила в содрогание сама мысль о том, что одно разумное существо может учинить насилие над другим. Обсуждать этот вопрос с приматом было крайне трудно, так как, чтобы отрицать эту возможность, Деви Ен должен был на какое-то мгновение допустить ее, а обитатель планеты даже к минутному колебанию относился с величайшим недоверием. Так уж были устроены крупные приматы.)

На пятый день дикарь, возможно просто от усталости, довольно долго оставался спокойным. Они беседовали с Деви Еном в его личном кабинете, и вдруг он

снова впал в бешенство, когда Деви Ен впервые упомянул как о чем-то само собой разумеющемся, что харриане ждут начала атомной войны.

— Ждете?! — воскликнул дикарь. — А почему вы так уверены, что она обязательно будет?

Деви Ен вовсе не был в этом уверен, но ответил:

— Атомная война происходит всегда. Наша цель — помочь вам после нее.

— Помочь нам после нее! — изо рта примата стали вылетать бессвязные звуки; он принялся дико размахивать руками, и маувам, стоящим по обеим сторонам, пришлось осторожно связать его — в который уж раз! — и вывести из комнаты.

Деви Ен вздохнул. Крупный примат наговорил уже достаточно много; возможно, психоанализаторы извлекут из этого какую-нибудь пользу. Сам Деви Ен не видел в словах дикаря никакого смысла.

А примат понемногу хирел. На теле его почти не было растительности; это не удавалось обнаружить раньше, при наблюдении с далекого расстояния, так как приматы носили искусственные шкуры, то ли для тепла, то ли из бессознательного отвращения к безволосой коже. (Интересно было бы побеседовать с ним на эту тему; психоанализаторам ведь безразлично, о чем идет разговор.)

А на лице примата, как это ни странно, стали прорастать волосы; в большем количестве даже, чем у харриан, и более темного цвета.

Но главное — с каждым днем он все больше хирел. Он исхудал, так как почти ничего не брал в рот, и дальнейшее пребывание на корабле могло пагубно отразиться на его здоровье. Деви Ену вовсе не хотелось, чтобы это лежало у него на совести.

На следующий день примат казался вполне спокойным. Чуть ли не сразу сам перевел разговор на атомную войну. («Видно, вопрос этот имеет для крупных приматов особую притягательную силу», — подумал Деви Ен.)

— Вы упомянули, — начал дикарь, — что атомные войны неизбежны. Значит ли это, что существуют другие мыслящие существа, кроме вас, нас и... их? — Он указал на стоящих неподалеку маувов.

— Существуют тысячи разновидностей мыслящих существ, живущих на тысячах различных миров. Много тысяч, — пояснил Деви Ен.

— И у всех бывают атомные войны?

— У всех, кто достиг определенного уровня развития техники. У всех, кроме нас. Мы иные. Мы лишены захватнического инстинкта. Нам присущ инстинкт сотрудничества.

— Вы хотите сказать, что знаете об угрозе атомной войны и все же сидите сложа руки?

— Как это сидим сложа руки? — обиделся Деви Ен. — Мы стараемся помочь. На заре нашей истории, когда только начали осваивать космос, мы еще не понимали природы крупных приматов. Они отвергали все наши попытки завязать с ними дружбу, и в конце концов мы отступились. Затем мы обнаружили миры, лежащие в радиоактивных руинах. И наконец натолкнулись на планету, где атомная война была в разгаре. Мы пришли в ужас, но ничего не могли сделать. Мало-помалу мы становились умнее, и теперь, когда находим какой-нибудь мир в стадии овладения атомной энергией, у нас все наготове — и спасательное проти-

ворadioактивное снаряжение, и генетикоанализаторы.

— Что такое генетикоанализаторы?

При беседе с крупным приматом Деви Ен строил фразы по законам его языка. Он сказал, осторожно выбирая слова:

— Мы держим под своим контролем спаривание и производим стерилизацию, чтобы, насколько возможно, вытравить захватнический инстинкт у немногих оставшихся в живых после атомного взрыва.

Какую-то секунду Деви Ен думал, что дикарь снова взбесится.

Однако тот лишь произнес сдавленным голосом:

— Вы хотите сказать, что делаете их покорными вам, вроде этих? — Он снова указал на маувов.

— Нет, нет. С этими другое дело. Мы просто хотим, чтобы уцелевшие после войны не стремились к захватам и жили в мире и согласии под нашим руководством. Без нас они сами себя уничтожили и снова дошли бы до самоуничтожения.

— А что это дает вам?

Деви Ен в сомнении посмотрел на дикаря. Неужели ему надо объяснять, в чем состоит главное наслаждение в жизни? Он спросил:

— А разве вам неприятно оказывать другим помощь?

— Бросьте. Не об этом речь. Какую выгоду из этой помощи извлекаете вы?

— Ну, понятно, Харрия получает определенную контрибуцию.

— Ха-ха!

— Разве получить плату за спасение целого биологического рода не справедливо? — запротестовал Деви Ен. — Кроме того, мы должны покрывать издержки.

Контрибуция невелика и соответствует природным условиям каждого данного мира. С одной планеты, к примеру, мы ежегодно получаем запас леса, с другой — марганцевые руды. Мир этих маувов беден природными ресурсами, и они сами предложили нам поставлять определенное число своих жителей для услуг, — они очень сильны физически даже для крупных приматов. Мы безболезненно вводим им определенные антицеребральные препараты, чтобы...

— Чтобы сделать из них кретинов!

Девушка догадался, что значит слово, и сказал с негодованием:

— Ничего подобного. Просто для того, чтобы они не тяготились своей ролью слуг и не скучали по дому. Мы хотим, чтобы они были счастливы, — ведь они разумные существа.

— А как бы вы поступили с Землей, если бы произошла война?

— У нас было пятнадцать лет, чтобы решить это. Ваш мир богат железом, и у вас хорошо развита технология производства стали. Я думаю, вы платили бы свою контрибуцию сталью. — Он вздохнул. — Но в данном случае, мне кажется, контрибуция не покроет издержек. Мы пересидели здесь по крайней мере десять лишних лет.

— И сколько народов вы облагаете таким налогом? — спросил примат.

— Не знаю точно, но наверняка не меньше тысячи.

— Значит, вы — маленькие повелители Галактики, да? Тысячи миров доводят себя до гибели, чтобы способствовать вашему благоденствию. Но вас можно называть и иначе... — Дикарь пронзительно закричал: — Вы — стервятники!

— Стервятники? — переспросил Деви Ен, стараясь соотнести это слово с чем-нибудь знакомым.

— Пожиратели падали. Птицы, живущие в пустыне, которые ждут, пока какая-нибудь несчастная тварь не погибнет от жажды, а потом опускаются и пожирают ее.

От нарисованной картины Деви Ену чуть не стало худо, к горлу подступила тошнота.

— Нет, нет, мы помогаем всему живому, — едва слышно прошептал он.

— Вы, как стервятники, ждете, пока разразится война. Если хотите помочь — предотвратите войну. Не спасайте горсточку выживших. Спасите всех.

Хвост у Деви Ена задергался от внезапного волнения.

— А как предотвратить войну? Вы можете сказать мне это? (Что такое предотвращение войны, как не противоположность развязыванию войны? Чтобы узнать одно, необходимо понять другое.)

Но дикарь медлил. Наконец неуверенно сказал:

— Высадитесь на планету. Объясните положение вещей.

Деви Ен почувствовал острое разочарование. Из этого много не извлечешь. К тому же...

— Приземлитесь среди вас? — воскликнул он. — Об этом не может быть и речи.

При мысли о том, что он вдруг очутится среди миллионов неприрученных крупных приматов, по телу его пробежала дрожь.

Возможно, отворачивание так ясно отразилось на физиономии Деви Ена, что, несмотря на разделявший их биологический барьер, дикарь понял это. Он попытался кинуться на харрианина, но был буквально пойман в

воздухе одним из маувов, которому стоило лишь чуть-чуть напрячь мускулы, чтобы сделать дикаря недвижимым.

Однако он успел крикнуть:

— Так сидите и ждите. Стервятник! Стервятник!

Прошло немало дней, прежде чем Девы Ен смог заставить себя вновь повидать дикаря.

Он чуть было не забыл проявить должную почтительность по отношению к Главному инспектору, когда тот потребовал дополнительных данных, необходимых для полного анализа психики диких крупных приматов.

— Я не сомневаюсь, — осмелился сказать Девы Ен, — что материала для ответа на наш вопрос более чем достаточно.

Нос Главного инспектора задержался; он задумчиво облизал его розовым языком.

— Для приблизительного ответа, возможно, да, но я не могу полагаться на такой ответ. Мы имеем дело с очень своеобразным видом крупных приматов. Это мы знаем. И не можем позволить себе ошибаться... Ясно одно: мы случайно напали на дикаря с высоким уровнем умственного развития. Если... если только это не норма для данной разновидности. — Мысль эта, видимо, привела Главного инспектора в расстройство.

Девы Ен заметил:

— Дикарь нарисовал мне ужасную картину... этот... эта птица... этот...

— Стервятник, — подсказал Главный инспектор.

— Если так рассуждать, вся наша миссия здесь предстает в совершенно ложном свете. С тех пор я почти ничего не ем и не сплю. Боюсь, мне придется просить отставки.

— Не раньше чем мы окончим дело, которое на нас возложено, — твердо заявил Главный инспектор. — Полагаете, мне доставляет удовольствие думать об этом... этом пожирателе пад... Вы должны, вы обязаны получить больше данных.

Деви Ен кивнул. Он все прекрасно понимал. Главному инспектору, как и любому другому харрианину, не очень-то улыбалась мысль искусственно развязать атомную войну. Вот он и оттягивал решение, насколько возможно.

Деви Ен свылся с мыслью, что он должен еще раз увидеть крупного примата. Свидание это оказалось совершенно невыносимым и было последним.

* * *

На щеке дикаря красовался кровоподтек, словно он снова сопротивлялся маувам. Так оно и было. Он делал это бесчисленное множество раз, и как ни старались маувы не причинять ему вреда, время от времени они случайно задевали его. Казалось бы, видя, как его оберегают, дикарь должен был утихомириться. А вместо этого уверенность в своей безопасности словно толкала его на дальнейшее сопротивление.

«Эти крупные приматы злы, злы», — печально думал Деви Ен.

Больше часа разговор вертелся вокруг малоинтересных предметов, и вдруг дикарь произнес воинственным тоном:

— Сколько времени, говорите, вы, макаки, пробыли здесь?

— Пятнадцать лет по вашему календарю.

— Подходит. Первые летающие блюда были замечены сразу после второй мировой войны. Сколько еще осталось до атомной?

Девушка Ен машинально сказал правду:

— Мы бы и сами хотели это знать... — и вдруг остановился.

Дикарь произнес:

— Я думал, атомная война неизбежна. В прошлый раз вы сказали, что ждете лишних десять лет. Значит, вы уже десять лет назад надеялись, что война начнется?

— Я не могу обсуждать с вами этот вопрос.

— Да? — дикарь снова кричал. — Что же вы намерены предпринять? Сколько вы еще будете дожидаться? А почему бы вам не ускорить события? Вы не ждите, стервятник, вы сами начните войну.

Девушка Ен вскочил на ноги. — Что вы сказали?

— А почему же тогда вы еще здесь, чертовы... — он проглотил совершенно непонятное Девушке Ену бранное слово, затем продолжал: — Разве не так поступают стервятники, когда несчастное животное, а иногда и человек никак не могут расстаться с жизнью? Им некогда мешкать. Они кружат над своей жертвой и выклеивают у нее глаза. Они дожидаются, пока она окончательно не обессилеет, а потом помогают ей побыстрее сделать последний шаг.

Девушка Ен приказал немедленно увести его, а сам удалился в свою спальню. Его мучило. Всю ночь он не спал. В ушах у него пронзительно звучало слово «стервятник», а перед глазами неотступно стояла нарисованная приматом картина.

— Ваше главенство, — твердо сказал Деви Ен, — я больше не могу иметь дело с дикарем. Если вам нужна еще информация, обратитесь к кому-нибудь другому.

Главный инспектор заметно осунулся.

— Я знаю. Вся эта история насчет стервятников... Ее трудно переварить. А ему, вы заметили, хоть бы что. Для крупных приматов все это в порядке вещей. Они бесчувственны, бессердечны. Таков, видно, склад их ума. Ужасно!

— Я больше не могу представлять вам данные.

— Успокойтесь. Я вас понимаю... Кроме того, все дополнительные данные только подкрепляют первоначальный ответ, ответ, который я считал предварительным, от всего сердца надеялся, что он лишь предварительный. — Он обхватил голову поросшими седой шерстью руками. — Мы уже выяснили, как помочь им развязать атомную войну.

— О! Что же для этого нужно?

— Все так просто, так примитивно. Мне никогда не пришлось бы это в голову. И вам тоже.

— Что же это, Ваше главенство? — Деви Ена уже заранее была дрожь.

— Почему они не начинают войну? А потому что ни одна из почти равных по силе сторон не решается взять на себя ответственность за нарушение мира. Однако если бы одна сторона начала, другая — будем глядеть правде в глаза — отплатила бы ей той же монетой.

Деви Ен кивнул.

Главный инспектор продолжал:

— Если одна-единственная атомная бомба упадет на территорию любой из враждующих сторон, пострадавшие предположат, что сбросила ее другая сторона. Вряд ли они станут дожидаться дальнейших атак; не пройдет и часа, как последует мощный удар. Другая сторона ответит тем же. И через несколько недель все будет кончено.

— Но как же мы заставим их бросить первую бомбу?

— Это вовсе не обязательно, капитан. В том-то и штука. Мы сами бросим эту первую бомбу.

— Что?! — у Деви Ена подкосились ноги.

— Это единственный выход. Проанализируйте склад ума крупных приматов, и вы увидите, что иного и ждать нельзя.

— Но как это осуществить?

— Мы изготовим бомбу. Это нетрудно. Затем наш корабль спустится вниз и сбросит ее над каким-нибудь населенным пунктом.

— Населенным?!!

Главный инспектор отвел глаза и виновато сказал:

— В противном случае это не даст нужного эффекта.

— Да, конечно, — пробормотал Деви Ен. Перед его глазами парили стервятники; он ничего не мог с этим поделать. Он представлял их себе в виде огромных чешуйчатых птиц (вроде маленьких безвредных летающих созданий в Харрии, но во много раз больше), с крыльями, которые обтянуты кожей, напоминающей резину, с длинными, острыми клювами. Они кругами спускались вниз и выклевывали глаза у умирающих животных.

Он прикрыл руками лицо и сказал дрожащим голосом:

— Кто поведет корабль? Кто сбросит бомбу?

Голос Главного инспектора дрожал не меньше, чем у Деви Ена.

— Не знаю.

— Только не я, — прошептал Деви Ен. — Я не могу. И ни один харрианин не согласится на это. Ни за что на свете!

Главный инспектор стал раскачиваться взад и вперед. На него жалко было смотреть. — Может быть, дать приказ маувам...

— Кто решится дать им такой приказ?

Главный инспектор тяжело вздохнул.

— Я вызову Совет. Сообщу им все данные. Пусть они что-нибудь придумают.

* * *

И вот, пробыв на Луне без малого пятнадцать лет, харриане демонтировали свою базу.

Ничего так и не было сделано. Крупные приматы Земли так и не начали атомную войну. Возможно, они ее никогда и не начнут.

И несмотря на то, что ему предстояло пережить, Деви Ен был вне себя от счастья. К чему думать о будущем, когда сейчас, в настоящем, он улетал все дальше от этого самого жуткого из всех жутких миров.

Он смотрел, как Луна остается позади и превращается в сверкающую крупинку, а затем и планета и само солнце этой системы, пока вся она не затерялась среди остальных созвездий.

И только тогда в душе его проснулись и другие чувства, помимо чувства облегчения. И только тогда в уме его шевельнулась мысль о том, что все могло быть иначе.

— А вдруг все бы еще кончилось хорошо, если бы мы проявили побольше терпения, — сказал он Главному инспектору. — Как знать, возможно, они все-таки начали бы атомную войну.

— Сомневаюсь, — ответил Главный инспектор. — Психоанализ...

Он остановился, и Деви Ен понял, что он имел в виду. Дикаря спустили на планету, постаравшись причинить ему при этом как можно меньше вреда. События последних недель были стерты из его памяти. Его оставили возле небольшого населенного пункта, неподалеку от того места, где его похитили. Его соотечественники решат, что он заблудился, и сочтут, что он исхудал и потерял память из-за лишений, которые ему пришлось испытать.

Но какой вред причинил он сам!

Если бы они только не привозили его на Луну! Быть может, они примирились бы с мыслью, что им придется начать войну. Быть может, сами додумались бы сбросить бомбу и разработали бы для этого какую-нибудь сложную систему, пригодную для дальних расстояний.

Но картина, нарисованная перед ними диким приматом, особенно одно слово, всему положили конец. Когда все сведения были отосланы домой, в Харрию, впечатление, произведенное на Совет, было настолько сильным, что приказ демонтировать базу не заставил себя ждать.

Деви Ен сказал:

— Я никогда больше не буду принимать участие в колонизации.

— Боюсь, никому из нас не придется этого делать, — мрачно заметил Главный инспектор. — Дикари этой планеты выйдут в космос, а если крупные приматы, при их образе мышления, окажутся на свободе в Галактике, это будет конец... конец...

Нос Девы Ена передернула судорога. Конец всему: всем тем благодеяниям, которые Харрия уже совершила в Галактике, всем благодеяниям, которые она продолжала бы оказывать в будущем.

Он произнес: «Мы должны были сбросить...» — и не кончил.

Какой смысл было говорить это? Они не могли сбросить бомбу даже ради блага всей Галактики. Иначе они сами уподобились бы крупным приматам, а есть вещи похуже, чем просто конец всему.

Девы Ен думал о стервятниках.

ЭКСПЕДИЦИЯ НА ЗЕМЛЮ

Никто не помнил, когда племя отправилось в долгое странствие: огромные холмистые равнины, на которых поначалу поселились эти люди, теперь стали для них полузабытым сном. Уже много лет Шэн и его соплеменники стремительно продвигались по стране невысоких холмов и сверкающих озер, и теперь впереди виднелись горы. Этим летом предстояло пересечь их, чтобы проникнуть в южные земли; нельзя было терять времени.

Белый ужас, который спустился с полюсов, размывая в пыль материи и замораживая самый воздух перед собой, отставал от них лишь на один дневной переход. Шэн усомнился, могут ли ледники перехлестнуть через горы, и в его сердце затеплился слабый огонек надежды. Горы могут оказаться преградой, о которую будут тщетно биться безжалостные льды. Как гласит старинное предание, в южных странах народ Шэна наконец найдет убежище.

Несколько недель ушло на то, чтобы отыскать проход между горами, по которому могли бы двигаться люди и животные. К середине лета племя расположи-

лось в уединенной долине, где воздух был разрежен, а звезды сияли с невиданной яркостью. Лето было уже на исходе, когда Шэн взял двух своих сыновей и пошел с ними вперед обследовать путь. Три дня поднимались и спускались они по кручам и три ночи спали, как попало, на холодных скалах. А на четвертое утро перед ними оказался пологий подъем, который привел их к пирамиде из серых камней, сложенной теми, кто проходил здесь много веков назад.

Когда они приблизились к маленькой пирамиде, Шэна охватила дрожь, но не от стужи. Сыновья остановились за его спиной. Никто не произносил ни слова: слишком торжественным было это мгновение. Вскоре они узнают, насколько основательны их надежды.

К востоку и западу горы раздвигались, как бы обнимая страну, лежащую в низине. На много километров тянулась холмистая равнина. По ней гигантскими петлями змеилась могучая река. На этой плодородной почве племя могло бы выращивать хлеб, будь оно уверено, что отсюда не придется сниматься до сбора урожая.

Тогда Шэн обратил взор на юг и увидел, что все их надежды рухнули. Ибо там, на краю света, в небе переливалось смертоносное сияние, какое он так часто видел на Севере, — отблеск льдов, скрытых за линией горизонта.

Пути вперед больше не было. Все эти годы, пока люди бежали с севера, ледники с юга ползли им навстречу. И теперь беглецы скоро будут раздавлены движущимися стенами льда...

Южные ледники доползли до гор лишь при жизни следующего поколения. В последнее лето потомки Шэна перенесли священные сокровища племени к одинокой каменной пирамиде, откуда открывался вид на равнину. Льды, некогда блиставшие на горизонте, теперь были почти у их ног. К весне они начнут дробиться о горы.

Никто уже не понимал значения сохранных сокровищ. Они были связаны с прошлым, слишком далеким, чтобы его поняли люди, жившие теперь. Их происхождение терялось во мгле, окружавшей Золотой век, и никто уже не расскажет о том, какими путями они в конце концов перешли во владение этого скитальческого племени. Ибо это был бы рассказ о цивилизации, канувшей в вечность.

Некогда в сохранении этих жалких реликвий был какой-то смысл, но теперь он был уже давно утрачен; их стали считать священными. Шрифт в древних книгах выцвел несколько столетий назад, но многие места были еще различимы. Если бы только нашелся человек, способный их прочесть! Однако много поколений сменилось, с тех пор как прекратился какой-либо спрос на таблицы семизначных логарифмов, атлас мира и партитуру Седьмой симфонии Сибелиуса, отпечатанную, согласно титульному листу, Г. К. Чу с сыновьями в городе Пекине в 2371 году нашего летосчисления.

Древние книги были благоговейно уложены в большую склеп, сооруженный для них. Там же хранились самые разнообразные вещи: золотые и платиновые монеты, разбитый телеобъектив, ручные часы, лю-

минесцентная лампа, микрофон, электрическая бритва, несколько миниатюрных электронных ламп — обломки высокой цивилизации, сгинувшей навсегда. Все эти предметы были тщательно упакованы. Затем к ним присоединили еще три реликвии, наименее понятные, а потому наиболее почитаемые.

Первая представляла собой странной формы кусок металла, местами изменившего цвет от сильного нагрева. Это был, пожалуй, самый трогательный из всех собранных здесь символов прошлого, ибо он рассказывал о величайшем достижении Человека и о будущем, которое он, быть может, предвидел. Подставка красного дерева, на которой крепился металл, была украшена серебряной пластинкой с надписью:

«Запасной зажигатель к правому реактивному двигателю космического корабля «Утренняя звезда» (Земля — Луна), 1985 год».

Вторая была чудом древней науки: сфера из прозрачного пластика с внедренными в нее странными кусками металла. В центре сферы находилась маленькая капсула из синтетического радиоактивного вещества. Она была окружена особыми экранами, которые преобразовывали коротковолновое излучение в длинноволновое. Пока материал оставался активным, сфера могла служить маленьким радиопередатчиком, излучающим энергию по всем направлениям. Таких сфер было изготовлено лишь несколько. Они были чем-то вроде постоянных маяков для указания орбит астероидов. Однако

Человек не добрался до астероидов, и маяки остались неиспользованными.

Третьей реликвией была круглая жестянка, очень широкая, но неглубокая. Она была надежно запаяна, и, когда ее встряхивали, внутри что-то дребезжало. По верованиям племени, вскрытие этой жестянки принесло бы несчастье, и никто не знал, что в ней заключено одно из величайших произведений искусства, созданное около тысячи лет назад.

Работа была окончена. Двое мужчин уложили камни на прежнее место и начали спускаться с горы. Человек до последних дней не переставал думать о будущем и пытался сохранить хоть что-нибудь для потомства.

В эту зиму огромные массы льда впервые штурмовали горы, наступая с севера и с юга. После первого же натиска предгорья были сокрушены и стерты с лица Земли. Но горы стояли твердо, и, когда пришло лето, ледники немного отодвинулись.

Так из зимы в зиму битва продолжалась, и грохот лавин, скрежет дробящихся камней и взрывы раскаляемого льда сотрясали воздух. Никакие войны Человека не могли сравниться по своей ожесточенности с этим сражением, охватившим всю поверхность земного шара!

Наконец приливные волны льдов, смирившись, начали медленно сползать с гор, так и не покорившись им. Но долины и перевалы все еще были сжаты мертвой хваткой. Сражение окончилось вничью: ледники встретили достойного противника.

Это произошло слишком поздно, и уже не могло принести пользу Человеку.

Век сменялся веком. И вот случилось то, что должно случиться хоть раз за историю каждого мира Вселенной, как бы далек и пустынен он ни был...

Прибыл корабль с Венеры. Он опоздал на пять тысяч лет, но его экипаж не знал об этом. Когда корабль находился на расстоянии многих миллионов километров, венериане увидели в телескопы чудовищный покров льда — из-за него Земля казалась самым ярко сверкающим небесным телом после Солнца. Там и сям по ослепительному покрову расплывались черные пятна. Так были обнаружены почти погребенные льдами горы. И это было все.

Волнующиеся океаны, равнины и леса, пустыни и озера — все, что составляло мир Человека, — было пленено льдом, может быть, навсегда.

Корабль приблизился к Земле менее чем на тысячу километров, перейдя на круговую орбиту. Пять суток он кружил над планетой. Его фотокамеры запечатлели все, что только можно было увидеть, а сотни приборов собрали столько информации, что венерианским ученым предстояло затратить на ее обработку годы труда. Посадка на планету не входила в их намерения, казалась бесполезной. Но на шестые сутки картина изменилась. Панорамный индикатор уловил ничтожную радиацию маяка, который существовал уже пять тысяч лет. Долгие века он посылал сигналы, которые постепенно слабели, так как слабело его радиоактивное сердце.

Монитор синхронизировался с частотой маяка. В кабине управления раздался настойчивый звонок, требовавший внимания. Немного позже венерианский корабль сошел с орбиты и спланировал на Землю, на-

правляясь к цепи гор, все еще гордо высившихся над льдом, и к памятнику из серых камней, которого почти не коснулось время.

Гигантский диск Солнца яростно пылал в небе Венеры. Теперь оно очистилось от тумана; исчезли облака, ранее скрывавшие планету.

Какая-то сила, изменив радиацию Солнца, обрекла на гибель одну цивилизацию и дала жизнь другой. Мenee пяти тысяч лет назад полудикое население Венеры впервые увидело Солнце и звезды. Земная наука начинала с астрономии — то же самое произошло и на Венере. В этом теплом и богатом мире, которого Человек никогда не видел, развитие пошло невероятно быстро.

Может быть, венерианам повезло: они не знали средневековья, которое на тысячу лет сковало Человека. Жители Венеры избежали долгого, окольного пути изучения химии и механики и сразу открыли основные законы физики излучений. За то время, которое потребовалось Человеку, чтобы шагнуть от пирамид к ракетному космическому кораблю, венериане проделали путь от освоения земледелия до открытия антигравитации — тайны, так и не постигнутой Человеком.

Теплый океан, который все еще нес в себе большую часть органической жизни молодой планеты, лениво катил буруны на песчаный берег. Этот материк был таким юным, что даже песок его был грубым, крупнозернистым. Море еще не успело растереть его и сделать гладким. Ученые лежали наполовину в воде. Их великоленные тела рептилий поблескивали на солнце. Величайшие умы Венеры собрались на этом берегу со

всех островов планеты. Они еще не знали, что нового услышат о Третьей планете и таинственной породе живых существ, населявших ее до прихода льдов.

Историк стоял на берегу: приборы, которыми он собирался воспользоваться, боялись воды. Рядом высилась большая машина, привлекавшая к себе любопытные взгляды его коллег — очевидно, какое-то оптическое устройство, судя по системе линз, которая была направлена на экран из белого материала, расположенный неподалеку.

Историк заговорил. Он кратко изложил то немногое, что стало известно о Третьей планете и ее обитателях. Упомянул о веках бесплодных изысканий, в процессе которых так и не смогли объяснить ни одного понятия, заключенного в памятниках Земли. Видимо, планету населяли существа, чрезвычайно одаренные в области техники. Об этом можно было судить по многим деталям машин, найденным в склепе на горе.

— Мы не знаем, почему такая развитая цивилизация погибла. Судя по всему, эти существа обладали достаточными знаниями, чтобы пережить ледниковый период. Должно быть, существует другое объяснение, о котором мы ничего не знаем, — болезнь или постепенное вырождение. У нас высказывали мысль, что племенные распри, не прекращавшиеся на Венере в доисторические времена, могли продолжаться на Третьей планете и в эпоху развития технических знаний. Некоторые философы даже утверждают, что само по себе знакомство с машинами еще не говорит о высокой ступени цивилизации и что теоретически войны возможны даже в обществе, располагающем развитой энергетикой, авиацией и радиосвязью. Такая концепция со-

вершенно чужда нашим представлениям, но мы должны допустить, что это могло произойти, что можно и так объяснить деградацию исчезнувшего населения.

Многие считают, что мы никогда не узнаем, каков был внешний вид жителей Третьей планеты. Веками наши художники изображали сцены из истории мертвого ныне мира, населяя его всевозможными фантастическими существами, как правило, более или менее похожими на нас, хотя при этом часто указывалось, что наша принадлежность к рептилиям вовсе не означает, что все разумные создания непременно должны быть рептилиями. Теперь мы разгадали одну из самых сложных загадок истории. Наконец-то, после пяти веков напряженного труда, мы выяснили, каков был внешний вид и характер разумных созданий, населявших Третью планету.

По рядам ученых пронесся шепот изумления. Некоторые были так поражены, что на время погрузились в успокаивающую морскую стихию, как это делают все венериане в минуты волнения. Историк терпеливо ждал, пока его коллеги не вынырнули вновь. Сам он чувствовал себя вполне удовлетворительно: по его телу непрерывно пробегали тонкие струйки воды, и с помощью этого устройства он мог по многу часов проводить на суше, не возвращаясь в благословенную стихию воды.

Общее возбуждение понемногу улеглось, и докладчик продолжал:

— Один из наиболее загадочных предметов, найденных на Третьей планете, — металлическая коробка, содержащая прозрачный пластический материал, перфорированный по краям и туго свернутый в виде спирали. Эта прозрачная лента очень большой длины сна-

чала казалась совершенно лишенной каких-либо особенностей, однако при исследовании под новым субэлектронным микроскопом на поверхности ленты были обнаружены тысячи мелких изображений, невидимых глазу; они прояснялись под воздействием надлежащего излучения. Предполагается, что они были нанесены на пластический материал какими-то химическими средствами, а затем поблекли от времени.

На этих изображениях, по-видимому, запечатлены отдельные проявления жизни, какой она была на Третьей планете в эпоху величайшего расцвета ее цивилизации. Между ними есть зависимость. Последовательные картинки почти тождественны и разнятся только фазами движения. Назначение такой записи очевидно. Достаточно спроецировать изображенные сцены на экран, быстро чередуя их, чтобы создать иллюзию непрерывного движения. Мы построили аппарат для этой цели, и я получил точное воспроизведение сменяющихся картин.

Сцены, которые вы сейчас будете созерцать, уводят нас на тысячи лет назад, в век расцвета Третьей планеты. Перед нами предстанет очень сложная цивилизация, о многих сторонах которой мы можем лишь смутно догадываться. Но надо полагать, что жизнь была очень бурной. Многие из того, что вы увидите, вызывает недоумение.

Ясно одно: Третью планету населяли существа разных пород, однако рептилий среди них не было. Это наносит удар нашей гордости, но такой вывод неизбежен. Среди обитателей планеты преобладает тип двурукого и двуногого существа. Оно ходило выпрямившись и прикрывало тело каким-то гибким материалом, возможно для защиты от холода, так как и до эпохи

оледенения на планете господствовала гораздо более низкая температура, чем в нашем мире.

Но я больше не стану испытывать ваше терпение. Вы сейчас увидите запись, о которой я говорил.

Из проекционного аппарата вырвался ослепительный сноп лучей. Послышалось тихое жужжание, и на экране появились сотни странных созданий. Они двигались мелкими рывками то туда, то сюда. Но вот одно из этих созданий было выхвачено, расплзлось по экрану, и ученые могли убедиться, что историк описал его правильно. У обитателя Третьей планеты на лице виднелось два глаза, расположенных на небольшом расстоянии один от другого, но остальные черты были не ясны. В нижней части головы находилось большое отверстие, которое непрерывно открывалось и закрывалось. Может быть, это было как-то связано с процессом дыхания.

Ученые, как зачарованные, следили за рядом фантастических приключений этих странных существ. Они увидели, как одно из них вступило в яростную схватку с другим, чуть отличавшимся по виду. Казалось, гибель обоих неизбежна. Но нет: когда все было кончено, оказалось, что ни тот ни другой не пострадал. Затем началась бешеная езда на многие километры в четырехколесном механическом приспособлении, прямо-таки пожиравшем расстояние. Наконец, приехали в большой город, где было полным-полно таких же механизмов, сновавших по всем направлениям с головокружительной быстротой. Никто не удивился, когда две машины налетели одна на другую и обе были разрушены.

После этого события еще более усложнились. Стало очевидно, что потребуются годы кропотливого труда,

чтобы проанализировать и понять все, что произошло. Ясно, что эта запись была несколько стилизованным произведением искусства, а не точным воспроизведением жизни на Третьей планете.

Промелькнула заключительная сцена. Индивид, находившийся в центре внимания, оказался вовлеченным в ужасную, но непонятную катастрофу. Картина сжалась в круг, послуживший рамкой для головы этого создания. И, наконец, появилось его увеличенное лицо, очевидно выражавшее какое-то сильное чувство, но был ли то гнев, горе, вызов, смирение или иное переживание — догадаться было нельзя.

На мгновение появились на экране какие-то знаки, и картина исчезла.

Несколько минут стояла такая тишина, что слышался только лепет волн, набегавших на песок. Ученые были слишком ошеломлены, чтобы говорить. Промелькнувшая перед ними картина земной цивилизации потрясла их умы. Потом, разбившись на маленькие группы, они шепотом начали беседовать. Шум усиливался по мере того, как до сознания ученых доходило огромное значение увиденного. Но тут историк снова обратился к собранию:

— Мы теперь намечаем широчайшую программу исследований, чтобы извлечь из этой записи все содержащиеся в ней знания. Будут изготовлены тысячи копий и розданы всем сотрудникам. Вы понимаете, какие проблемы нам нужно решить! Особенно грандиозные задачи стоят перед психологами. Но я не сомневаюсь в успехе. Сменится наше поколение, и кто знает, что удастся выяснить об этой удивительной породе живых существ? Прежде чем разбежаться, давайте взглянем еще раз на наших дальних двоюродных братьев,

чья мудрость, быть может, превосходила нашу, хотя от их деяний и осталось так мало.

На экране опять вспыхнула заключительная сцена — но на этот раз проекционный аппарат был оставлен. Изображение застыло. С чувством, близким к благоговению, ученые разглядывали неподвижного пришельца из прошлого, а маленькое двуногое существо в свою очередь с характерным для него высокомерием и раздражением смотрело на них в упор.

Отныне и до скончания времен оно будет представлять род людской. Психологи Венеры будут анализировать его действия и наблюдать за каждым его движением, пока им не удастся воссоздать его образ мышления. О нем напишут тысячи книг. Чтобы объяснить его поведение, создадут сложные философские системы, но весь этот труд, все эти исследования будут тщетны.

Казалось, гордая и одинокая фигура на экране сардонически усмехнулась, когда ученые приступили к своему многовековому бесплодному труду. Тайна будет сохранена, пока существует Вселенная, ибо никто и никогда не прочтет письма на утраченном языке Земли. Миллионы раз в грядущем вспыхнут последние несколько слов на экране, и никто не поймет их смысла:

«Производство Уолтера Диснея».

ОСОБАЯ СПОСОБНОСТЬ

По мере приближения 2300 года в гостиных все чаще забавляются тем, что выбирают «самую замечательную личность века». Одни стоят за Бела бен-Герсона, заново написавшего Конституцию Мира. Другие вспоминают Икихару и его труд о лучевой болезни. Однако особенно часто вы можете услышать имя капитана Рили Ригса, и это довольно правильный выбор.

Тем не менее он бьет мимо цели. Я старый космический волк, рядовой служака, и знаю, что говорю. Надо вам сказать, я служил офицером связи при Ригсе и, хотя дело происходило ни много, ни мало шестьдесят лет назад, помню все, словно это было в прошлом месяце. Я имею в виду третью экспедицию на Венеру, тот космический рейс, что преобразил лицо Земли: этим рейсом с Венеры были доставлены кристаллы, навсегда превратившие и вас и меня в счастливых мотыльков. В те давние дни все шло по-иному. Мы знали, что значит работать по пять часов в день. Личных работ еще не было, и утром нам приходилось одеваться самим. Но, пожалуй, тогда жило более закаленное племя.

Так или иначе, самой выдающейся личностью века я считаю одного из тех, кто летал на нашем космическом корабле, на нашем миллом «Зове звезд», но не самого Ригса.

Экипаж у нас подобрался великолепный. Более искусного командира корабля, чем Ригс, нельзя было и пожелать; то же можно сказать и о его помощнике Блеки Фарреле. Был у нас бортмеханик Зипперлейн, крупный, спокойного нрава мужчина с крохотными глазками. Назову еще его помощников, электронных техников Гривса и Пурчи, отчаянных парней, каких не видели черные бездны космоса. Летела с нами также моя девушка, чудесная девушка — Лорна Бернгард, лучший в мире штурман. На корабле находились еще две женщины: Бетти Ордуэй, специалист по анализу излучений, и Хони Лундквист, инженер по ремонту. Интересовались они только своими обязанностями, сами же ни у кого не вызывали интереса.

И словно для развлечения нам подсунули Слоса. Его взяли как знатока венерианских кристаллов. Мне и до сих пор непонятно, зачем он нам был нужен. Всю научную работу по этим кристаллам должны были проделать на Земле... при условии, что мы возвратились бы на Землю. Вероятно, Слоса взяли потому, что для него нашлось место, ну и впоследствии он мог пригодиться при поисках кристаллов. Пока от него не было никакой пользы. Все мы придерживались этого мнения и довольно часто его высказывали, чтобы Слос не зазнавался.

Впрочем, нельзя сказать, что он кому-либо мешал. Вся штука в том, что он был смешон, смешон сам по себе. Ну просто комик. Не из тех, что суют под ска-терть антигравитационную пластинку и включают ее,

когда кто-нибудь садится есть суп. И не «душа общества» из тех, кто засовывает за воротник пучок флуоресцентных трубок и выдает себя за марсианина. Наш Слосп смешил людей невольно. Ростом он был маловат и хотя не урод, но и не ахти какой красавец. Мне кажется, что для его описания лучше всего подходит слово «почти». Он был чистейший «почти». Разница между «почти настоящим» и «совсем настоящим», по крайней мере применительно к Слоспу, очень смешила нас. А у него эта разница была заметна во всем.

Никто из нас не знал его до того, как он в штатской одежде поднялся на борт за два часа до отлета. Первую ошибку он совершил, явившись в таком костюме. Кстати... почему это ошибка? В конце концов он был гражданский техник. Мы же все принадлежали к той или иной отрасли Космической службы, и это с самого начала настроило нас против него. Пурчи, второй электронный техник, гулял по коридору, когда Слосп со всеми своими пожитками вышел из грузового лифта. Пурчи сразу определил, кто перед ним. Пурчи был высокий, неторопливый и невозмутимый малый. Он повел Слоспа в кормовую часть (другими словами, вниз, так как на земле «Зов звезд» стоял торчком на хвостовых плоскостях) и предложил ему сложить багаж. Ящик, на который указывал Пурчи, «случайно» оказался люком для мусора, автоматически опорожнявшимся при входе в ионосферу. Большой беды в этом не было: в ларях нашлось много летной одежды более или менее по росту Слоспу. Во всяком случае, он был одет вроде как по форме. Но все-таки вид у него был препотешный. Выражение его лица, когда он подошел к этому мусорному люку через шесть часов, не под-

дается описанию. Я и теперь начинаю хохотать, вспоминая об этом. На протяжении всего рейса стоило ему только спросить, где взять ту или иную вещь, как кто-нибудь отвечал: «Посмотри в мусорном люке!», и весь экипаж покатывался со смеху.

Пожалуй, занятнее всего было, когда мы перестали ускорять ход и перешли на свободное падение. Ради Слоса мы решили выключить искусственную гравитацию, и все, кроме Зипперлейна, который управлял движением, собрались в кают-компани, чтобы полюбоваться зрелищем. От одного к другому — обходя Слоса — шепотом передавали, когда именно будет выключена гравитация, и, поверьте мне, нелегко было удержать публику от взрывов смеха, которые испортили бы всю затею. Мы заняли позиции кто у какой-нибудь стойки, кто у закрепленного стола, где было бы за что держаться, когда придет время. И вот Слос в младенческом неведении вошел и сел неподалеку от окошка для раздачи еды. Гривс, полуприкрыв часы рукой, следил за секундной стрелкой. Секунды за три до выключения гравитации он крикнул:

— Слос, поди-ка сюда!

Слос, моргая, посмотрел на него.

— Вы — меня?

Он нерешительно встал и только сделал два или три шага, как выключили тягу.

Я считаю, что человек никогда не сможет по-настоящему привыкнуть к невесомости. В желудке у вас начинает легонько сосать, а полукружные каналы во внутреннем ухе бешено сопротивляются такому состоянию. Все тело напрягается до предела: еще немного — и вы забьетесь в судорогах. Вас охватывает растерянность. Вы знаете, что падаете, но не знаете, в каком

направлении. Невольно ждете быстрого и внезапного удара (ведь вы падаете), а никакого удара нет, и вы чувствуете себя глупо. Ваши волосы взлохмачены, и хотя вы отчаянно паникуете, но в то же время вас охватывает какая-то идиотская веселость и чувство полного благополучия. Это состояние называют эйфорией Велсбаха. Психологический термин. Нервная разрядка, вызываемая невесомостью.

Но я рассказывал про Слоспа.

Когда Зипперлейн выключил тягу, Слосп попросту поплыл. Он лишь едва коснулся ногами пола, потом закинул руки за спину: вероятно, ему показалось, что он падает назад. Но когда он попытался, работая плечами, приостановить это движение, его голову занесло вниз, а ноги взлетели кверху. Он проделал замедленное сальто-мортале и продолжал бы кувыркаться, если бы не задел ногами потолочную балку. Так он висел в воздухе вниз головой, ожидая, что кровь прихлынет к голове. Но этого не случилось. Вдруг ему померещилось, что все вокруг него — это верх, а низа никакого и нет. Он начал изо всех сил рваться к переборке, к потолочной балке, к двери, но не мог дотянуться до них. Потом смирился и только дрожал, а мы тем временем оправились от мгновенного перехода к состоянию невесомости — ведь эти ощущения уже были нам знакомы — и могли вдоволь насладиться потехой.

— Я сказал — пойди сюда! — рявкнул Гривс.

Слосп молотил ногами по воздуху и лягался. Но он не продвинулся вперед, а продолжал беспомощно висеть на том же месте, головой вниз. Мы ревели, как быки. Он пошевелил губами, но мог лишь пробормотать: «М-м-м-м!»

Я думал, что лопну от смеха.

— Не зазнавайся! — окликнула его эта девчонка Лундквист, ведающая ремонтом. — Спустись и расцелуй нас всех.

— Прошу... прошу... — шептал Слопс.

— Пусть скажет «умоляю», — предложила Бетти Ордуэй.

Мы весело засмеялись.

— Может, он нас не очень любит? — протянул я. — Спускайся и побудь с нами, Слопси!

— Угости нас мусором! — сказал кто-то, и все опять захохотали.

Держась руками за мебель, в каюту влез Зипперлейн.

— Взгляните, — своим нудным, жеманным голосом произнес он. — Человек может летать!

— И голова у него в облаках, — вставил капитан. Все опять рассмеялись, не потому, что было смешно, а потому, что это сказал капитан.

— Прошу, спустите меня, — стал умолять Слопс. — Кто-нибудь — спустите меня!

— Мои люди должны твердо стоять на ногах, Слопс! — сказал Гривс. — Я тебя по-хорошему, вежливо просил присоединиться к нам.

Зипперлейн засмеялся.

— Э, он вам нужен? — Перебирая волосатыми руками, он переправился от двери к бачку с питьевой водой, от обеденного стола к рубильнику освещения и теперь мог дотронуться до ноги Слопса. — Тебя Гривс зовет! — сказал он и толкнул ногу.

Слопс сделал еще одно сальто-мортале.

— О-о-о! О-о-о! — завыл он, не переставая вертеться.

Так его понесло через всю кают-компанию, из конца в конец, и он очутился возле Гривса. А Гривс уже приготовился встретить его, уцепившись обеими руками за поручень трапа и согнув ноги в коленях. Когда Слопс поравнялся с ним, он обеими ногами уперся в спину бедняги и отпихнул его в сторону капитана. Теперь Слопс больше не вращался. Ригс двинул плечом и послал его ко мне, а я отшвырнул его назад к Гривсу. Гривс хотел его толкнуть, но промахнулся, и Слопс с треском налетел на переборку. Вес такая штука, что вы можете от него избавиться. А вот от массы избавиться нельзя. Все полтораста с лишком фунтов были при нем, а скорость — большая. Он так и остался возле переборки, хныча от боли.

— Зип, — сказал капитан, — включи гравитационные пластины. Эта комедия может продолжаться целый день.

— Есть, — ответил механик и начал выбираться из кают-компании.

Я держался около Лорны: во-первых, я знал, что она уцепится за что-нибудь прочное, а во-вторых, мне просто приятно было находиться возле нее.

— Ас, — спросила она меня, — чья это была идея?

— Угадай!

— Ас, — сказала она тогда, — знаешь что? Ты подлец.

— Легче на повороте! — усмехнулся я. — Видела бы ты, что проделывали со мной, когда я был новичком!

Она обернулась ко мне, и в глазах у нее было такое выражение, какое я видел раньше всего два раза. В обоих случаях мы были друг другу чужими.

— Выходит, что каждый день узнаёшь что-нибудь новое. Даже о людях, очень хорошо знакомых, — заметила Лорна.

— Ну, что ж, — ответил я. — Это чудесно. В полете можно сколько угодно любоваться звездами или смотреть телевизионные фильмы. Но иногда хочется внести в жизнь хоть небольшое разнообразие. Мы все должны горячо поблагодарить Слоса. Он очень забавный человек.

Она сказала еще что-то, но ее слова заглушил раскатистый хохот. Зипперлейн включил искусственную гравитацию, и Слос шмякнулся на пол. Он корчился от боли и в то же время гладил рукой пол, как любимое существо. Слос и вправду питал к нему нежные чувства, как и всякий, кто выходит из состояния невоспоминания.

Ох, и повеселились же мы в тот вечер! Никогда его не забуду.

В полете мы часто обсуждали цель своего путешествия. Теперь, когда в нашем распоряжении сотни миллионов таких же кристаллов, как те, что на Венере, вам трудно понять, как высоко они ценились шестьдесят лет назад. Вторая экспедиция на Венеру добыла всего две штуки, да и те разрушились во время испытаний. Первый кристалл был намеренно превращен в порошок. Его подвергли химическому анализу, приготовили из него раствор и хотели вырастить в нем новые кристаллы. В то время никто не знал, что кристаллы с Венеры не растут. Второй кристалл начали испытывать на высокочастотный резонанс. Кто-то немного переусердствовал с этой самой высокой частотой, и кристалл

взорвался. Данные взрыва показали, что перед нами открывались пути к беспроводной передаче энергии, энергии настолько дешевой, что потребитель получал бы ее практически даром. Вообще-то у нас уже было много энергии, с тех пор как разработали технологию ядерного расщепления атомов меди. Но беспроводная передача — дело очень сложное. Нужно нацелить тонкий луч с силовой станции на приемник и удерживать его, что особенно трудно, если приемник установлен на автомобиле или вертолете. А вот кристаллы с Венеры давали такую возможность. Они вибрировали в ответ на подводимую к ним высокочастотную мощность и превращали ее в излучение, передаваемое направленным лучом. Имея много таких кристаллов, можно было отказаться от миллионов километров медных проводов и превратить эту медь в горючее, чтобы обеспечить Землю энергией на сотни лет вперед. Не забудьте, что человечество четыреста лет прокладывало сети электрических проводов и меди накопилось несметное количество.

Так что для Земли, изнывающей от топливного голода, эти кристаллы были необходимы, как воздух. Если не считать трудностей, связанных с путешествием на Венеру, единственным ожидавшим нас препятствием были лопотуны.

Первая экспедиция на Венеру открыла существование лопотунов и почтительно ретировалась с планеты. Вторая экспедиция обнаружила, что лопотуны владеют запасами драгоценных кристаллов, и, добыв всего две штуки, едва унесла ноги. Наша задача состояла в том, чтобы привезти домой побольше кристаллов, как бы этому ни препятствовали лопотуны. Хотя нас снабдили множеством разнообразных наставлений, суть

дела была такова: «Вступите с лопотунами в переговоры и получите кристаллы. Если лопотуны не пойдут на сделку, добудьте кристаллы любыми средствами».

— Только бы нам получить их мирным путем! — часто говорила Лорна. — Люди достаточно разрушали и убивали.

А я отвечал ей:

— Не все ли равно, каким путем, это ведь не люди.

— Но они разумные существа.

— Дикари, — фыркал я. — И вообще чудовища. Прибереги свою симпатию для славных, нежных, изголовавшихся по ласке человеческих созданий, вроде меня.

Она хлопала меня по рукам и возвращалась к своим вычислительным машинам.

Как-то раз Слосп спросил меня, кто такие лопотуны. Настоящие ли они люди?

— Человекообразные, — коротко ответил я ему.

Я почему-то всегда испытывал неловкость при разговоре с ним. Зато меня очень забавляли его смехотворные повадки.

— Они ходят на двух ногах, — пояснил я. — Большие пальцы на их руках противопоставлены остальным. Носят украшения. Кристаллы им только для этого и нужны. Но они дышат не кислородом, а аммиаком. Бог знает, какой у них обмен веществ! А что, Слоспи? Захотелось порыться в их мусоре?

— Я только так спросил, — мягко ответил Слосп.

Лицо его озарилось кроткой почти-улыбкой. Он отошел. Помню, как я смеялся, представив себе стычку между ним и двумя-тремя лопотунами, самыми ужасными существами, какие только известны истории. Когда вторая экспедиция совершила посадку на Вене-

ре, весь экипаж, кроме двух человек, при одном виде лопотунов побросал тюки и пустился бежать со всех ног. Двое смельчаков держались, пока лопотуны не подняли крик. Психологов очень заинтересовал этот звук. Нормальное человеческое ухо не может его вынести. Одному из космонавтов стало плохо, и он убежал. Ничего постыдного в этом не было. Другой оказался отрезанным от корабля и стоял, парализованный страхом, а лопотуны орали и дудели и так стучали по земле чешуйчатыми кулаками, что все вокруг тряслось. Чтобы отпугнуть этих разъяренных чудовищ, космонавт выстрелил в воздух.

Трудно сказать, что на них подействовало. Он помнил только одно: начался настоящий бедлам. Поднялся такой оглушительный звериный рев и вой, что космонавт похолодел от ужаса и потерял сознание. Когда он пришел в себя, лопотуны уже исчезли. Около него лежали два кристалла. Он схватил их и, ничего не видя перед собой, сломя голову помчался к кораблю. Лучшие в мире психотерапевты потратили восемь месяцев, чтобы вылечить его, и говорят, что он до сих пор не вполне нормален, хотя и дожил до старости. Какие фантастические излучения применяют лопотуны для психического воздействия на врага, этого мы не знаем, но если представить себе Слоса в бою с ними, сцена получится неповторимая!

Когда на борту такой забавник, вахты проходят быстро, и экипаж не скучает.

Никогда не забуду тот вечер, когда Гривс сунул в бутерброд Слоса ложку помады для волос, самой клейкой вещи на свете. Слос куснул, и его верхние зубы слиплись с нижними. Он забегал по кругу, издавая жалобные звуки. Бутерброд торчал у него изо рта,

а Слосп бессмысленно размахивал руками. Люди прямо с ума посходили. Сама помада совершенно безвредна. Она химически инертна и легко поддается слабому бета-излучению, разрушающему молекулярное сцепление. Мы облучили его лишь после того, как вволю навеселились. Жаль, что вы не видели этой картины!

Мы совсем забыли про Слоспа, когда вошли в атмосферу Венеры. Я наладил для Лорны инфракрасные телевизионные экраны. Изображения на них немного яснее, чем те, которые давал радиолокатор в аммиачном тумане, и Лорна очень ловко повела нас. Вставив в автопилот фотосъемочную карту и соединив его с телевизионным экраном, мы нашли место посадки космического корабля «К звездам».

Лорна подняла нос корабля и переключила управление на гироскопы. Мы начали спускаться хвостом вперед, садясь на постепенно укорачивавшийся столб пламени. Глаза Лорны были прикованы к эхолоту — он указывал плотность грунта под кораблем. Дайте только такому космическому кузнечнику упасть на бок, и пиши пропало! В те времена еще не изобрели антигравитационной тяги. Все было очень примитивно. Но теперешняя молодежь не знает нашего пыла и наших дерзаний!

Про Венеру мало что можно рассказать. Тогда она была такая же неприглядная и ни к чему не годная, как и теперь. Не считая того, что где-то на ней находились кристаллы, за которыми мы прилетели. В иллюминаторы нам ничего не было видно — только туман да туман. Но с помощью радиолокации и инфракрасных лучей удалось разглядеть холмистую местность,

утесы, слабую синезатую растительность. Кое-где попадались гигантские деревья. Пришлось терпеливо просидеть двенадцать часов, чтобы почва под нами остыла и закончились химические реакции в смеси из связанного и свободного азота, азотной кислоты, азотнокислого аммония, озона и воды, взбудораженной нами при посадке. Большая часть команды спала. Но Слосп, кажется, даже не вздремнул. Он ходил от инфракрасного аппарата к радиолокатору, заглядывал с той и с другой стороны, справа и слева, сверху и снизу. Он подолгу торчал у запотевших от тумана иллюминаторов, напряженно всматриваясь в вихрь горячих реагирующих газов, лишь бы хоть урывками увидеть унылый и нелепый ландшафт. Слосп потом и разбудил нас.

— Лопотуны! — взволнованно закричал он. — Идите посмотреть! Капитан Ригс! Капитан Ригс!

Он был возбужден, как десятилетний мальчуган, и, должен сознаться, заразил и нас. Мы столпились перед экранами.

В двухстах метрах от корабля из-за скал и голубых кустов вынырнули какие-то фигуры. И, несмотря на основательную подготовку, мы только ахнули и отвернулись. Лопотуны были крупнее людей, намного крупнее. Почему-то я этого не ожидал. А в остальном... Мне запомнились желтые клыки, злые красные глаза и серо-зеленая чешуя. Я вижу все это, как сейчас, и мне не хочется описывать их подробнее.

— Дайте-ка звук! — сказал капитан.

Я пошел в радиорубку и включил усилитель. Потом я включил наружный микрофон и дал мощность на переговорное устройство. Корабль наполнился фоновыми шумами планеты, похожими на гул и свист ветра, что нас удивило, так как туман казался неподвижным.

К этому шуму добавлялся еще какой-то, доносившийся издалека и переменчивый, вроде птичьего писка или чирикания. Но все это заглушалось странными звуками — отвратительной болтовней лопотунов, из-за которой они и получили свое прозвище. Это был дикий, хриплый, ничем не сдерживаемый рев. Он покрывал всю гамму прочих звуков и отличался от трескотни обезьян тем, что казался осмысленным.

— На электронной панели! — рявкнул капитан. — Достать снаряжение и костюмы! Спарксу — стать к рубке! Штурману следить за экранами! Четырех добровольцев сюда, к выходу. Пошли!

Должен сказать, что я совсем не хочу принижать храбрость людей Космической службы. Хотелось бы написать, что все, кто был на борту, щелкнули каблуками и отчеканили: «В вашем распоряжении, сэр!» С другой стороны, рассказывая вам, как люди с корабля «К звездам» не вынесли вида лопотунов и бежали, я, кажется, объяснял, что при таких обстоятельствах в этом не было ничего позорного. Ригс вызвал четырех добровольцев. Откликнулись двое: Пурчи, которому на самом деле все было нипочем, — он вовсе не рисовался, — и Хони Лундквист, которой, я думаю, хотелось чем-нибудь отличиться, хотя она уже отличилась — тем, что была на редкость уродлива. Что до меня, то, к моему удовольствию, мне велено было смотреть за радиотелефонным устройством, так что делать выбор не пришлось. А что касается других, которые не откликнулись, я их не винил. Даже Слопса, хотя по-прежнему думал, что неплохо бы выпустить его против двух-трех голодных лопотунов — так, просто для смеха.

Ригс ничего не сказал. Он разделся и влез в космическое обмундирование. Двое других последовали его

примеру. Остальные помогли им натянуть на себя плотно прилежавшую одежду и закрепить шарообразные прозрачные шлемы. Они проверили подачу воздуха и систему связи. Затем подошли к внутренней двери воздушного шлюза. Я отпер ее.

— Мы установим контакт, — с каменным лицом произнес Ригс. Голос его, казалось, исходил из репродуктора, а не от него самого. Это звучало как-то непривычно и тревожно. — Мы испробуем сначала мирные пути. Поэтому идем без оружия. Впрочем, на всякий случай я беру с собой маленький пистолет. Один из вас пойдет рядом со мной и один — за мной. Мы останемся у самого корабля. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы нас отрезали. Проверить связь!

— Есть проверить! — гаркнул Пурчи.

— Есть проверить! — прошептала Хони Лундквист.

Капитан шагнул в шлюз, те двое — за ним. Я хлопнул внутреннюю дверь шлюза и при помощи телеуправления открыл наружную. Все оставшиеся на борту кинулись к экранам.

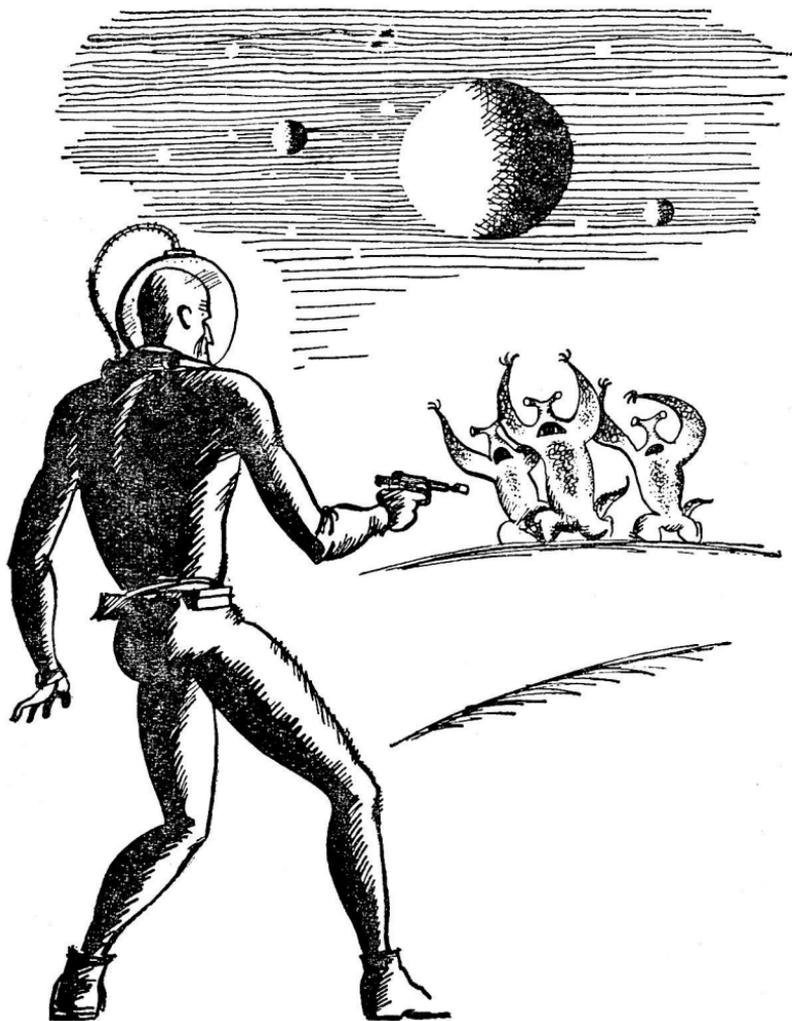
Лопотуны — их было двадцать или тридцать — не отходили далеко от кустов. Мы не могли видеть ни капитана, ни его двух добровольцев, но их, несомненно, заметили лопотуны. Они всей толпой бросились вперед, и, клянусь, мои старые глаза в жизни не видали более страшного зрелища. По радиотелефону я услышал голос Пурчи: «Ох!» — и Хони: «Ах!» Капитан нетвердым голосом произнес: «Без паники!» Я услышал за своей спиной глухой стук. Это упала в обморок Бетти Ордуэй. Я не стал с ней возиться и вернулся к экрану.

Как по команде, основная масса лопотунов остановилась на пологом склоне, тянувшемся между нами и кустарником. Трое двинулись в нашу сторону, один —

впереди, двое — сзади. Остальные подняли такой отчаянный рев, что даже гигантские деревья заметно заколыхались. В ту же минуту капитан продвинулся вперед настолько, что мы его увидели. Хони и Пурчи держались за его спиной. Они остановились. Остановились и трое приближавшихся лопотунов. Как это ни невероятно, шум в толпе на вершине холма удвоился. Тут уж я ничего не мог поделать и только приглушил наружные шумы. Я не сумел вынести этот рев. Лорна поблагодарила меня. Слосп вытирал лицо носовым платком, продолжая смотреть на экран, чтобы ничего не упустить.

Наступил напряженный момент — было бы неверно назвать его затишьем. Лопотанье продолжалось, такое же оглушительное, как и до того, но никто не двигался. А потом все пошло очень быстро.

Капитан поднял обе руки, очевидно считая это предложением мира. Но, судя по дальнейшему поведению лопотунов, они сочли его жест смертельным оскорблением. Все трое подскочили и кинулись вперед. Они приближались огромными прыжками, не переставая реветь и выть, а остальные помчались вслед за ними вниз по склону. Несмотря на ужасный шум, я услышал, как вскрикнула Хони Лундквист. Довольно жалкий вид был у трех наших в костюмах космонавтов, когда к ним подкатывалась волна ревуших гигантов. Один из добровольцев, потеряв сознание, упал. Напрасно Ригс орал, обращаясь к лопотунам: «Стой, стрелять буду!» Он поднял лучевой пистолет. Второй доброволец вскинул себе на плечи безжизненное тело первого и начал быстро отходить к кораблю. Ригс прицелился, пальнул и побежал без оглядки, так и не узнав результата выстрела.

Слопс — да, это был он! — подскочил к рычагам управления шлюза и прижался носом к обзорному иллюминатору, чтобы убедиться, что все трое уже на борту, а затем захлопнул наружную дверь. Он включил воздушный насос, чтобы вытеснить из шлюза аммиак, и вновь прошмыгнул к экранам.

Лопотуны обступили того, которого подстрелил Ригс. Шум был дьявольский. Я пошел в рубку и еще ослабил звук, но гул все-таки проникал через металлическую обшивку корабля.

Распахнулась внутренняя дверь шлюза, и вошел капитан. Он был очень бледен. За ним показались добровольцы: тяжело дышавшая Хони Лундквист и Пурчи, повисший на ее плечах.

— Он потерял сознание, — без всякой надобности пояснила Хони и сбросила его нам на руки.

Мы закатали его в угол и уже не отрывались от экранов.

— Так или иначе, но я прикончил одного из них, — пробормотал Ригс.

— Нет, капитан, — тут же возразил Слопс.

И верно: неподвижно лежавший лопотун теперь уже сидел, вопя и качая из стороны в сторону огромной клыкастой башкой.

— Что, их луч не берет? — удивился Ригс.

— Дело не в этом, — категорически заявил Слопс, — а в том, что капитан угодил прямо в кристалл, висевший у него на шее.

Капитан Ригс вздохнул.

— На этот раз нам, наверное, не удастся подойти ближе к кристаллам, — угрюмо предсказал он. — Мне никто не говорил, что может случиться что-либо подобное. Почему вместо нас не послали военный корабль?

— Чтобы перебить жителей Венеры и забрать себе их украшения? — возмутилась Лорна. — Далеко же мы ушли за последнюю тысячу лет!

— Ну, нельзя так смотреть на это, — начал я, но Ригс перебил меня:

— Ты права, ты права, Лорна! Если мы не уговорим их войти с нами в соглашение, потребуются годы, чтобы узнать, как изготавливаются кристаллы. Или где их находят. А у нас нет времени. У нас в запасе самое большее четыре дня.

Видите ли, шестьдесят лет назад корабль брал горючего в обрз. Его запасы рассчитывали, исходя из самого близкого расстояния между планетами. Покинуть Венеру и гнаться за Землей в период расхождения планет было просто невозможно. А теперь, когда энергии хоть отбавляй, это самое обыденное дело.

Мы извлекли Пурчи из его костюма и привели в чувство. Все готовы были поклясться, что он пострадал от какого-то неизвестного нам оружия. Мы знали, что испугать его было не так легко. На самом деле, вероятно, он не мог вынести такого шума — это было свойством чисто индивидуальным. Но в те минуты мы готовы были приписать лопотунам что угодно.

Корабль начал дрожать.

— Они атакуют! — завопил Гривс.

Это было неверно, хотя весь склон теперь покрылся страшными, огромными, чешуйчатыми человекообразными чудовищами. Они что-то оглушительно лопотали. Многие садились на корточки и дубасили по земле похжиами на молоты кулаками.

— Это они чтоб разъяриться! — определил Зипперлейн. — Капитан, давайте дернем отсюда! Мы, можно сказать, недовооружены для такого дела.

Ригс задумался.

— Подождем еще немного, — наконец сказал он. — К моменту старта я хотел бы сознавать, что сделал все возможное. Пусть даже нам не останется ничего другого, как сидеть на месте.

У меня были сомнения на этот счет, и по лицам других я видел, что и они сомневаются. Но никто ничего не сказал. Корабль дрожал. Мы пошли обедать.

Приблизительно за тринадцать часов до отлета я мрачно рассматривал на экране сборище лопотунов, как вдруг почувствовал, что сзади кто-то стоит. Это был Слосп. Последние три дня им никто не интересовался: все было слишком подавлено и раздражено, чтобы искать развлечений.

— Погляди на них, — проворчал я и махнул рукой в сторону экрана. — Я не знаю, это все те же или они работают посменно, чтобы балаган не смолкал. Нужно быть венерианином, чтобы отличить одного от другого. Для меня они все на одно лицо.

Он посмотрел на меня так, словно я только что сообщил ему, где хранятся коронные бриллианты, и отошел, ничего не сказав. Потом начал раздеваться. Никто из нас не обращал на него внимания. Если бы кто-нибудь наблюдал за действиями Слоспа, то подумал бы, что он хочет принять душ. Прежде чем кто-либо из нас понял, что происходит, он влез в запасной космический костюм и начал прилаживать шлем.

— Эй, Слосп! Куда это ты собрался?

Он что-то ответил, но я не расслышал. Отведя руку назад, я включил радиотелефон. Слосп повторил то, что

уже сказал раньше, всего одно слово: «Выхожу». Войдя в шлюз, он запер за собой дверь.

Ригс, сердито топая, вышел из рубки управления.

— Куда отправился этот чертов осел? — Он подошел к шлюзу, но над дверью горела красная лампочка, показывая, что шлюзовая камера распахнута и что Слосп ушел. — Совсем рехнулся! — крикнул Ригс и схватил с полки мой микрофон. — Слосп! — загремел он.

Я быстро нажал кнопки. Послышался голос Слоспа, гораздо более спокойный и ясный, чем когда-либо раньше.

— Да, капитан?

— Ступай назад!

— Я попробую сходить за кристаллами.

— Ты, видно, хочешь сходить за смертью. Ступай назад — это приказ!

— Простите, капитан, — лаконично ответил Слосп. Мы с Ригсом в изумлении уставились друг на друга, но, прежде чем разгневанный и брызгавший слюной капитан успел произнести хоть одно слово, Слосп спокойно продолжал: — У меня есть одна идея насчет этих самых лопотунов, и только я способен ее проверить.

— Тебя хлопают! — крикнул Ригс.

— Так и будет, если я не прав, — ровным голосом проговорил Слосп. — А теперь, если вы не возражаете, я отключусь: мне надо подумать.

Ригс набрал в легкие воздуха, но тут заметил, что на щите мигнул и погас индикатор радиосвязи со Слоспом. Капитан выругался.

Все прильнули к экранам, на которых виден был Слосп, шагающий прочь от корабля.

— Только он способен! — фыркнул я. — На что это, черт возьми, он способен?

— На человеческое отношение, — заметила Лорна. Я не понял, что она этим хотела сказать.

Она была бледна и не отрывала глаз от экрана.

Увидев Слосса, лопотуны развили сумасшедшую деятельность. Они всей толпой ринулись вперед, почти наступая друг на друга, стремясь скорее добраться до него.

Трое или четверо самых быстроногих подбежали к нему, вопя и лязгая зубами. Казалось, они хотят насладиться его беспомощностью. Они бегали вокруг него, прыгали и причитали, время от времени приседая и колотя кулаками по земле. Вдруг один из них схватил Слосса, поднял высоко над головой и помчался с ним вверх по склону. Толпа расступилась, потом сомкнулась за ними, и вся чешуйчатая компания скрылась из виду в голубом кустарнике.

— Вот новый способ самоубийства! — прошептал Пурчи. Хони Лундквист начала всхлипывать.

— Это не самоубийство, — сказала Лорна. — Это убийство. И убили его вы!

— Кто? — переспросил я. — Не я ли?

Она вспыхнула.

— Да, ты. Ты и все вы вместе взятые. Бедняга никогда и никого не обижал. Вы поступали самым подлым образом. Вы издевались над человеком без малейшего повода с его стороны, просто из-за того, что он был смешон. А теперь он показал себя мужчиной. Настоящим мужчиной, отдавшим жизнь за то дело, на котором мы все осрамылись.

— Если он вышел наружу для того, чтобы его убили, — объявила Бетти Ордуэй со свойственной ей же-

лезной логикой, — это не убийство, а самоубийство. Если же он сделал это, чтобы добыть кристаллы, то я не могу понять, что, собственно, он задумал.

— А я не видела, чтобы ты пыталась ему помочь, — обращаясь к Лорне, насмешливо заметила Хонни.

Лорна не стала спорить.

— Я до сих пор по-настоящему не знала, какой он, — пристыженно сказала она и ушла к себе.

— Нам надо бы пойти за ним, — проговорил Гривс. Остальные пропустили эти слова мимо ушей.

— Как бы все ни сложилось, мы стартуем в одиннадцать восемнадцать, — сказал Ригс и ушел в штурманскую рубку.

А мы стояли без дела и старались не смотреть друг другу в глаза. Многие думали: «Может, мы и вправду неважно с ним обходились, но только особенного вреда от нас ему, черт побери, не было!»

Всех нас, кажется, в один и тот же миг поразило, что после трех дней непрерывного лопотания и ударов по земле вокруг воцарилась мертвая тишина. Каждый пытался завязать разговор и, сказав два слова, умолкал. Пожалуй, в это время все мы начали понимать, что хотела сказать Лорна.

Пурчи мягко выразил нашу общую мысль:

— Он не хотел возвращаться на корабль. Он не хотел возвращаться на Землю. Он нигде не был своим, потому что никто не подумал принять его в свой круг. Не удивительно, пожалуй, если ему все осточертело!

В последующие десять часов едва ли было произнесено полсотни слов, конечно не считая служебных разговоров.

За каких-нибудь полтора часа до старта мы услышали, что лопотуны возвращаются. Одна за другой показывались их головы.

— Опять захотели жрать! — сказал кто-то.

Я включил экраны. Кустарник кишел лопотунами; несметной толпой они двигались к кораблю.

— Капитан! — крикнул я. — Не пора ли нам в путь? Спалим на них чешую.

— Заткни свою дурацкую глотку! — возмутилась Лорна. Она говорила шепотом, но я уверен, что ее было слышно по всему кораблю. — Они несут Слосса назад!

Она была права! В самом деле, она была права! Обхватив ногами шею бегущего вприпрыжку лопотуна, немного посинев — кислород у него уже кончался — и все-таки широко улыбаясь, Слосс подъехал к кораблю, окруженный сотнями чешуйчатых чудовищ. Лопотун, принесший Слосса, опустил на колени, и Слосс, у которого закоченели все члены, слез на землю. Он помахал рукой, и добрых полсотни лопотунов, сев на корточки, принялись бить кулаками по земле. Слосс устало направился к кораблю, и четыре лопотуна пошли за ним, неся на головах по огромному узлу.

— Люк открыт? — догадался кто-то спросить. Я проверил: да, он был открыт.

Из люка донеслись глухие звуки, словно упало что-то тяжелое. Тут же послышалось терзающее слух лопотание. Потом красная лампочка погасла и загудел воздушный насос. Наконец дверь отворилась. Мешая друг другу, мы кинулись стаскивать со Слосса шлем и костюм.

— Я хочу есть, — сказал он, — и ужасно устал. И, наверное, на всю жизнь останусь глухим.

Мы растерли его, закутали и накормили горячим супом. Пока мы хлопотали вокруг него, он уснул. Меж тем подошло время старта. Мы привязали Слосца к койке, закрепили его четыре тюка, дали несколько коротких вспышек, чтобы отогнать лопотунов, и унеслись к звездам.

В тюках оказалось восемьсот девяносто два великолепных кристалла. На обратном пути мы так старались воздать Слосцу за все его мучения, что стали ревновать его друг к другу. А Слосц — он больше не был «почти». Он безусловно был «совсем настоящим». В голосе — металл, в походке — упругость.

Он работал над добытыми кристаллами, как одержимый. Вначале он только твердил, что совершенно необходимо научиться синтезировать их. Мы помогали ему. И мало-помалу история его успеха всплыла наружу. Чем дальше он продвигался в изучении сложной решетки кристаллов, тем больше нового сообщал нам. Таким образом, к тому времени, как мы достигли Луны, нам уже было известно, что произошло.

— У вас неверное представление о лопотунах! — сказал Слосц. — У людей есть один ужасный недостаток: они боятся всего, чего не понимают. Это довольно естественно. Но почему, встретив странное живое существо и поразившись его видом, они воображают, что оно непременно нападет на них?

Представьте себе, что вы маленькое животное, скажем бурундук. Вы спрятались под стол, подбираете крошки от печенья и занимаетесь, так сказать, своим делом. В комнате сидят пять или шесть человек, и один из них цедит длинную историю про фермера и дочку бродячего торговца. Наконец он дошел до соли, и все хохочут. А что же почтенный бурундучок? Он знает

только, что животные за столом разразились громким ревом. И чуть не помирает со страху.

В точности то же самое происходит между людьми и лопотунами. Только люди тут для разнообразия играют роль бурундуков.

Кто-то не выдержал:

— Не хочешь ли ты сказать, что эти полуящерицы-полуобезьяны смеялись над нами?

— Вот послушайте, — произнес Новый Слопс. — Как легко мы приходим в негодование! Да, я хотел сказать именно то, что сказал. Человеческие существа — это самое смешотворное, что когда-либо видели лопотуны. Когда я вышел к ним, они отнесли меня в свой поселок, созвали соседей со всей округи и устроили бал. Что бы я ни сделал, все их забавляло. Помашу рукой — они гогочут. Сяду на землю — их корчит от смеха. Побегу и прыгну — они лежат пластом.

И вдруг он отложил в сторону работу и спросил очень искренне:

— Вам больно слушать? Нельзя смеяться над людьми? Они должны быть царями Вселенной, исполненными достоинства и силы? Человеку непростительно быть смешным — разве только когда он сам этого захочет? Так разрешите мне кое-что вам сказать: лопотуны пробудили во мне то, чего до сих пор не мог сделать никто из людей, — чувство принадлежности к человечеству. То, что испытали вы, когда лопотуны, хохоча, впервые помчались к вам, я испытывал всю жизнь. И этого больше не случится. Во всяком случае, со мной. Ибо благодаря лопотунам теперь я знаю, что все вы самоуверенные спесивцы и не менее смешны, чем я.

Лопотуны — кроткий и признательный народ. Они наслаждались происшествием и осыпали меня подарками. Когда я дал им понять, что мне нравятся кристаллы, они побежали и принесли мне больше, чем я мог унести. Я тоже благодарен им. И я позабочусь, чтобы теперь эти кристаллы можно было производить на Земле, притом настолько дешево, что больше не потребуется отправлять за ними экспедицию на Венеру. Неужели вы не видите, как это важно? Если человек еще раз столкнется с существами, смеющимися при одном взгляде на людей, он их всех истребит.

Но если хорошенько подумать, может быть, Слоса и не объявят «самой замечательной личностью века». Возможно, он не захочет, чтобы о лопотунах стало широко известно. А кроме того, он свинья — женился на моей девушке.

СМЕРТНЫЕ МУКИ ПРИШЕЛЬЦА

Где-то вверху, скрытый за вечными облаками планеты Вескера, гремел и ширился грохот. Услышав его, торговец Джон Гарт остановился и, приставив руку к здоровому уху, прислушался. При этом ботинки его слегка увязли в грязи. В плотной атмосфере звук то разрастался, то ослабевал, однако все более приближаясь.

— Такой же шум, как от твоего космического корабля, — сказал Итин, с бесстрастной вескерской логикой медленно расчленяя мысль, чтобы лучше обдумать ее. — Однако твой корабль все еще стоит на том месте, где ты его посадил. Хотя мы его и не видим, он должен быть там, потому что только ты один умеешь управлять им. А если бы даже это удалось кому-нибудь еще, мы услышали бы, как корабль поднимается в небо. Но так как мы раньше ничего не слышали, а такой грохот производит только космический корабль, то это должно означать...

— Да, еще один корабль, — перебил его Гарт, слишком поглощенный своими мыслями, чтобы дожидаться, пока замкнется медлительная цепь вескерских логических построений.

Разумеется, это другой космический корабль, и его появление было лишь вопросом времени; несомненно, этот корабль идет по курсу с помощью радиолокационной установки, как в свое время ориентировался и Гарт. Его собственный корабль будет ясно виден на экране вновь прибывающего корабля, и тот, наверно, сядет как можно ближе к нему.

— Тебе лучше не задерживаться, Итин, — предупредил Джон Гарт. — Добирайся по воде, чтобы скорей попасть в деревню. Скажи всем, чтобы они шли в болото, подальше от твердой земли. Корабль приземляется, и всякий, кто очутится под ним при посадке, будет изжарен.

Маленькая вескерская амфибия почувствовала неминуемую опасность. Прежде чем Гарт кончил говорить, ребристые уши Итина сложились наподобие крыльев летучей мыши, и он молча скользнул в соседний канал. Гарт захлюпал дальше по грязи, стараясь идти как можно быстрее. Он как раз достиг края поляны, на которой стояла деревня, когда грохот перешел в оглушительный рев, и космический корабль пробился сквозь низкие слои облаков. Пламя метнулось книзу. Гарт прикрыл глаза и, испытывая противоречивые чувства, стал смотреть, как растет силуэт черно-серого корабля.

Проведя почти целый год на планете Вескера, он теперь вынужден был подавлять в себе тоску по человеческому обществу. Хотя эта тоска — глубоко похороненный пережиток стадного чувства — настойчиво напоминала Гарту о его родстве с остальным обезьяньим племенем, он по-коммерчески деловито подводил в уме черту под столбцом цифр и подсчитывал итог. Весьма вероятно, что прилетел еще один торговый корабль, и

если это так, то его монополии на торговлю с жителями Вескера приходит конец. Впрочем, это мог быть и какой-нибудь иной корабль, и именно поэтому Гарт остановился в тени гигантского папоротника и вытаскивал из кобуры револьвер.

Космический корабль высушил сотню квадратных метров грязи, грохот замер, и посадочные ноги с хрустом вонзились в потрескавшуюся землю. Раздался скрежет металла, и корабль застыл на месте, между тем как облако дыма и пара медленно оседало во влажном воздухе.

— Гарт, эй ты, вымогатель, грабитель туземцев, где ты? — прокричал на корабле громкоговоритель.

Очертания космического корабля были лишь слегка знакомы, но ошибиться относительно резких звуков этого голоса Гарт не мог. Выйдя на открытое место, он улыбнулся и, засунув в рот два пальца, пронзительно свистнул. Из нижней части корабля выдвинулся микрофон и повернулся к нему.

— Ты что тут делаешь, Сингх? — крикнул Гарт, обернувшись в сторону микрофона. — Неужто так обленился, что не смог найти для себя планету и явился сюда красть прибыль у честного торговца?

— Честного! — заревел усиленный громкоговорителем голос. — И это я слышу от человека, которому довелось повидать больше тюрем, чем публичных домов, а это, смею вам доложить, цифра не маленькая. Чертовски жаль, товарищ моей молодости, но я не могу присоединиться к тебе, чтобы вместе с тобой заняться эксплуатацией этой зачумленной дыры. Я держу путь к миру, где легче дышится, где ничего не стоит сколотить себе состояние. А сюда забрался лишь потому,

что представился случай неплохо заработать, взяв на себя обязанности водителя такси. Я привез тебе друга, идеального товарища, человека, занятого делами совсем иного рода. А тебе он охотно поможет. Я бы вылез и поздоровался с тобой, если бы не боялся, что по возвращении меня засадят в карантин. Я выпускаю пассажира через тамбур: надеюсь, ты не откажешься помочь ему выгрузить багаж.

Итак, другого торговца на планете пока не предвидится, об этом можно было не беспокоиться. Однако Гарту не терпелось поскорей узнать, что за пассажир вздумал посетить этот далекий мир, купив себе билет лишь в один конец. И что таилось за скрытой насмешкой, звучавшей в голосе Сингха? Гарт обошел космический корабль, направляясь к тому месту, откуда была спущена лестница, и, взглянув вверх, увидел в грузовом отсеке человека, безуспешно пытавшегося справиться с большой корзиной. Человек обернулся, и Гарт, увидев высокий воротник священника, понял, над чем посмеивался Сингх.

— Что вам здесь нужно? — спросил Гарт; несмотря на попытку овладеть собой, он выпалил эти слова самым нелюбезным тоном.

Прибывший если и заметил, что его приняли странно, то не обратил на это внимания, так как продолжал улыбаться и протягивать руку, спускаясь по лестнице.

— Отец Марк, — представился он, — из миссионерского общества Братьев. Я очень рад...

— Я спрашиваю, что вам здесь нужно? — Голос Гарта звучал спокойно и холодно. Он знал теперь, как нужно было действовать при сложившихся обстоятельствах.

— Это же совершенно очевидно, — сказал отец Марк по-прежнему добродушно. — Наше миссионерское общество впервые собрало средства для посылки духовных эмиссаров на другие планеты. Мне посчастливилось...

— Забирайте свой багаж и возвращайтесь на корабль. Ваше присутствие здесь нежелательно, к тому же вы не имеете разрешения на высадку. Вы будете обузой, а здесь, на Вескере, некому заботиться о вас. Возвращайтесь на корабль.

— Я не знаю, кто вы такой, сэр, и почему вы лжете, — ответил священник. Он все еще был спокоен, но улыбка исчезла с его лица. — Я очень хорошо изучил космическое право и историю этой планеты. Здесь нет ни болезней, ни животных, которых можно было бы опасаться. К тому же это открытая планета, и до тех пор, пока Космическое управление не изменит ее статуса, я имею такое же право находиться тут, как и вы.

Закон был, конечно, на стороне миссионера, просто Гарт пытался его обмануть, надеясь, что тот не знает своих прав. Однако ничего из этого не вышло. У Гарта оставался еще один весьма неприятный выход, и ему следовало прибегнуть к нему, пока не поздно.

— Возвращайтесь на корабль, — крикнул он, уже не скрывая своего гнева. Спокойным жестом он вытащил револьвер из кобуры, и черное дуло оказалось в нескольких дюймах от живота священника. Тот побледнел, но не пошевелился.

— Какого дьявола ты хорохоришься, Гарт! — закричал в громкоговорителе сдавленный голос Сингха. — Парень заплатил за проезд, и ты не имеешь права прогонять его с этой планеты.

— Я имею право, — сказал Гарт, поднимая револьвер и целясь священнику между глаз. — Даю ему тридцать секунд, чтобы он вернулся на борт корабля, а не то спущу курок.

— Ты что, рехнулся или разыгрываешь нас? — задребезжал раздраженный голос Сингха. — Если ты шутишь, то неудачно, и во всяком случае это тебе не поможет. В такую игру могут играть двое, только я тебя обставлю.

Послышался грохот тяжелых подшипников, и телеуправляемая четырехпушечная башня на борту корабля повернулась и нацелилась на Гарта.

— Спрячь револьвер и помоги отцу Марку выгрузить багаж, — скомандовал громкоговоритель; в голове Сингха снова послышались юмористические нотки. — При всем желании ничем не могу помочь, дружище. Мне кажется, тебе сейчас самое время побеседовать с отцом миссионером. А с меня довольно — я имел возможность разговаривать с ним всю дорогу от Земли.

Гарт сунул револьвер в кобуру, остро переживая свою неудачу. Отец Марк шагнул вперед; на его губах снова заиграла обаятельная улыбка; вынув из кармана библию, он поднял ее над головой.

— Сын мой, — сказал он.

— Я не ваш сын, — с трудом выдал из себя Гарт, весь кипевший от гнева после понесенного поражения.

Ярость в нем клокотала, он сжал кулаки; однако он заставил себя разжать пальцы и ударил священника ладонью. И все же тот рухнул от удара, а вслед за ним шлепнулась в густую грязь и раскрывшаяся библия.

Итин и другие вескеряне наблюдали за происходящим внимательно, но, по-видимому, бесстрастно, а Гарт не считал нужным ответить на их невысказанные вопросы. Он направился к своему дому, но, почувствовав, что вескеряне все еще неподвижно стоят, обернулся.

— Прибыл новый человек, — сказал он. — Ему нужно будет помочь перенести вещи. Можете поставить их в большой склад, пока он сам что-нибудь не построит.

Гарт смотрел, как они заковыляли по лужайке к кораблю, затем вошел в дом и получил некоторое удовлетворение, хлопнув дверью так, что одна из створок треснула. С таким же болезненным удовольствием он откупорил последнюю бутылку ирландского виски, которую хранил для особого случая. Что ж, случай, конечно, особый, хотя и не совсем такой, какого ему хотелось. Виски было хорошее и частично заглушило неприятный вкус во рту. Если бы его тактика сработала, успех оправдал бы все. Но он потерпел неудачу, и к горечи поражения примешивалась мучительная мысль о том, что он выставил себя в дурацком свете. Сингх улетел, не попрощавшись. Неизвестно, какое впечатление создалось у него об этом происшествии, но по возвращении на Землю он, конечно, будет рассказывать удивительные истории. Ладно, беспокойство за свою репутацию можно отложить до следующего раза, когда он пожелает снова завербоваться. А теперь надо наладить отношения с миссионером. Сквозь завесу дождя Гарт разглядел, что священник старается установить складную палатку, а все жители деревни выстроились рядами и молча наблюдали. Само собой разумеется, никто из них не предложил помощи.

К тому времени, когда палатка была поставлена и в нее были сложены корзины и ящики, дождь прекра-

тился. Уровень жидкости в бутылке значительно понизился, и Гарт почувствовал себя более подготовленным к неизбежной встрече. По правде говоря, он искал повода заговорить с миссионером. Если оставить в стороне всю эту противную историю, после года полного одиночества казалось привлекательным общение с любым человеком, кем бы он ни был. «*Не согласитесь ли вы пообедать со мной? Джон Гарт*», — написал он на обороте старой накладной. Но может быть, старик слишком напуган и не придет? Пожалуй, это не лучший способ наладить отношения. Пошарив под койкой, он нашел подходящий ящичек и положил в него свой револьвер. Когда Гарт открыл дверь, Итин, конечно, уже поджидал своего учителя, так как сегодня была его очередь исполнять обязанности Собирателя Знаний. Торговец протянул ему записку и ящик.

— Отнеси-ка это новому человеку, — приказал он.

— Нового человека зовут Новый Человек? — спросил Итин.

— Нет! — резко ответил Гарт. — Его зовут Марк. Но ведь я прошу тебя только отнести это, а не вступать в разговор.

Каждый раз, когда Гарт выходил из себя, всекеряне с их педантичным мышлением выигрывали раунд.

— Ты не просишь вступать в разговор, — медленно произнес Итин, — но Марк, может быть, и попросит. А другие поинтересуются, как его зовут, и если я не буду знать его име...

Он осекся, так как Гарт захлопнул дверь. Впрочем, это не имело значения: при следующей встрече с Итином — через день, через неделю или даже через месяц — монолог будет возобновлен с того самого слова, на котором он кончился, и мысль будет разжевываться до

полной ясности. Гарт выругался про себя и залил водой две порции самых вкусных из еще сохранившихся у него концентратов.

Раздался торопливый стук в дверь.

— Войдите, — проговорил Гарт.

Вошел священник и протянул ящик с револьвером.

— Благодарю вас за то, что вы дали его мне взаймы, мистер Гарт, я ценю тот дух, который побудил вас послать его. Я не имею никакого понятия о том, что послужило причиной неприятностей, сопровождавших мое прибытие, но, пожалуй, лучше всего их позабыть, если мы собираемся некоторое время жить вместе на этой планете.

— Пьете? — спросил Гарт, взяв ящик и показывая на бутылку, стоявшую на столе. Он налил два стакана дополна и протянул один священнику. — Я думаю примерно так же, как и вы, но я должен, однако, вам объяснить, почему это произошло. — Он секунду хмуро смотрел на свой стакан, затем поднял его, приглашая выпить. — Это большой мир, и мне кажется, что мы должны устроиться в нем как можно лучше. За ваше здоровье.

— Господь да пребудет с вами, — сказал отец Марк и тоже поднял стакан.

— Не со мной и не с этой планетой, — твердо заявил Гарт. — Вот в чем загвоздка. — Он выпил с полстакана вина и вздохнул.

— Вы говорите так, чтобы шокировать меня? — с улыбкой спросил священник. — Уверяю вас, на меня это не действует.

— И не собирался шокировать. Я сказал буквально то, что имел в виду. Я принадлежу, вероятно, к тем,

кого вы называете атеистами, а потому до религиозных взглядов мне нет никакого дела. Здешние жители, простые необразованные существа каменного века, умудрялись до сих пор обходиться без всяких суеверий и без зачатков религии, и я надеялся, что они и дальше смогут жить так.

— Что вы говорите? — нахмурился священник. — Вы хотите сказать, что у них нет никакого божества, никакой веры в загробную жизнь? По-вашему, они должны умереть...

— И умирают, и превращаются в прах, как все остальные живые существа. У них есть гром, деревья, вода, но нет бога-громовержца, лесных духов и русалок. У них нет табу и заклинаний и уродливых божков, которые мучали бы их кошмарами и разными ограничениями. Они единственный первобытный народ из всех виденных мною, который совершенно свободен от суеверий и благодаря этому гораздо счастливее и разумнее других. Я хочу, чтобы они такими и остались.

— Вы хотите удержать их вдали от бога... от спасения? — Глаза священника расширились, и он слегка отшатнулся от Гарта.

— Нет, я хочу удержать их от суеверий, — возразил Гарт. — Пусть вескеряне сначала пополнят свои знания и научатся реалистически судить о явлениях природы.

— Вы оскорбляете церковное учение, сэр, приравнивая его к суеверию...

— Пожалуйста, — перебил Гарт, поднимая руку, — никаких теологических споров. Не думаю, чтобы ваше общество понесло расходы по этому путешествию лишь

ради попытки обратить *меня*. Учтите то обстоятельство, что к своим взглядам я пришел путем серьезных размышлений на протяжении многих лет, и целой толпе студентов-богословов последнего курса не удастся их изменить. Я обещаю не пытаться обратить вас в свою веру, если вы пообещаете то же по отношению ко мне.

— Согласен, мистер Гарт. Вы мне напомнили, что моя миссия здесь заключается в спасении душ вескеряи, и этим я должен заняться. Но почему моя деятельность могла так нарушить ваши планы, что вы старались удерживать меня от высадки? Даже угрожали мне револьвером и... — священник умолк и стал смотреть в свой стакан.

— И даже больно ударил вас? — спросил Гарт, внешне нахмурившись. — Для этого нет никакого оправдания, и я готов просить у вас прощения. Просто плохие манеры, а характер и еще того хуже. Поживите долго в одиночестве и вы сами начнете вести себя так. — Он задумчиво разглядывал свои большие руки, лежавшие на столе; шрамы и мозоли напоминали ему о прошлом. — Назовем это крушением надежд, за именем лучшего выражения. Занимаясь своей профессией, вы не раз имели случай заглянуть в темные закоулки человеческой души и должны кое-что знать о побуждениях к действию и о счастье. Я вел слишком занятую жизнь, и мне ни разу не пришла в голову мысль осесть где-нибудь и завести семью; и вплоть до недавнего времени я не жалел об этом. Может быть, радиация размягчила мой мозг, но я стал относиться к этим волосатым рыбообразным вескерянам так, словно они в какой-то мере мои собственные дети, и я отчасти отвечаю за них.

— Мы все Его дети, — спокойно заметил отец Марк.

— Ладно, здесь живут те из его детей, которые даже не имеют представления о его существовании, — сказал Гарт, внезапно обозлившись на себя за то, что расчувствовался. Однако он тут же позабыл о своих переживаниях и весь подался вперед от охватившего его возбуждения. — Можете ли вы понять, как это важно? Поживите с вескерянами некоторое время, и вы увидите простую и счастливую жизнь, не уступающую состоянию благодати, о которой вы постоянно твердите. Они наслаждаются жизнью... и никому не причиняют вреда. В силу случайности они достигли своего теперешнего развития на бесплодной планете, так что им ни разу не представилась возможность подняться выше материальной культуры каменного века. Но в умственном отношении они не уступают нам... возможно, даже превосходят. Они выучили наш язык, так что я легко могу объяснить им все, что они хотят знать. Знание и приобретение знаний доставляют им подлинное удовольствие. Иногда они могут вас раздражать, так как имеют обыкновение связывать каждый новый факт со всем, что им уже известно, но чем больше они узнают, тем быстрее происходит этот процесс. Когда-нибудь они во всем сравняются с человеком, может быть, превзойдут нас. Если только... Вы согласны оказать мне услугу?

— Все, что в моих силах.

— Оставьте их в покое. Или же, если это уж так необходимо, учите их истории и естественным наукам, философии, юриспруденции, всему, что поможет им при столкновении с действительностью более широкого мира, о существовании которого они раньше даже не знали. Но не сбивайте их с толку ненавистью и

страданиями, виной, грехом и карой. Кто знает, какой вред...

— Ваши слова оскорбительны, сэр! — воскликнул священник, вскочив с места. Его седая голова едва доходила астронавту до подбородка, но он бесстрашно защищал то, во что верил.

Гарт, который тоже встал, уже не казался кающим-ся грешником. Они гневно смотрели друг на друга в упор, как всегда смотрят люди, непоколебимо защищающие то, что считают правильным.

— Это вы оскорбляете, — крикнул Гарт. — Какое невероятное самомнение — думать, что ваши неоригинальные жалкие мифы, лишь слегка отличающиеся от тысяч других, которые все еще тяготеют над людьми, могут внести что-либо иное, кроме сумятицы, в еще неискушенные умы! Неужели вы не понимаете, что они верят в правду и никогда не слышали о таком явлении, как ложь? Им никто еще не пытался внушить, что можно мыслить иначе. И вы хотите изменить...

— Я исполню свой долг, то есть Его волю, мистер Гарт. Здесь тоже живут божьи создания, и у них есть души. Я не могу уклоняться от своего долга, который состоит в том, чтобы донести до них Его слово и тем спасти их, введя в царствие небесное.

Когда священник открыл дверь, ветер рванул ее и распахнул настежь. Отец Марк исчез в крошечной тьме, а дверь то открывалась, то захлопывалась, и брызги дождя залетали в комнату. Гарт медленно пошел к двери, затворил ее и так и не увидел Итина, терпеливо, безропотно сидевшего под ливнем в надежде на то, что Гарт, быть может, на секунду задержится и поделится с ним еще одной частицей своих замечательных знаний.

С молчаливого обоюдного согласия об этом первом вечере больше никогда не упоминали. После нескольких дней, проведенных в одиночестве, еще более тягостном оттого, что каждый знал о близости другого, они возобновили беседы, но на строго нейтральные темы. Гарт постепенно упаковывал и прятал свои приобретения, не допуская, однако, и мысли о том, что его работа закончена и он может в любое время уехать. У него было довольно много редких лекарств и растительных препаратов, за которые ему дали бы хорошие деньги. А вескерские произведения искусства должны были вызвать сенсацию на космическом рынке с его высокими требованиями. До прибытия Гарта продукция художественных ремесел на этой планете ограничивалась главным образом резными изделиями, выполненными из твердого дерева с помощью осколков камня. Гарт снабдил вескерян инструментами и металлом из своих собственных запасов, вот и все. Через несколько месяцев вескеряне не только научились работать с новыми материалами, но и воплотили свои замыслы и образы в самые странные — но и самые прекрасные — произведения искусства, которые он когда-либо видел. Гарту оставалось выбросить их на рынок, чтобы создать первоначальный спрос, а затем вернуться за новой партией. Вескерянам нужны были взамен лишь книги, инструменты и знания, и Гарт не сомневался, что скоро наступит время, когда они собственными силами смогут добиться приема в Галактический союз.

На это Гарт и надеялся. Но ветер перемен задул по поселку, который вырос вокруг его корабля. Теперь уже не Гарт был центром внимания и средоточием всей жизни деревни. Он только усмехался, думая об утрате власти; однако его улыбку нельзя было назвать

добродушной. Серьезные и внимательные, вескеряне все еще по очереди исполняли обязанности Собирателя Знаний, но Гарт им давал только голые факты, и это резко контрастировало с атмосферой интеллектуальной бури, окружавшей священника.

В то время как Гарт заставлял отрабатывать за каждую книгу, каждый инструмент, священник раздавал их бесплатно. Гарт пытался соблюдать постепенность в передаче знаний, относясь к вескерянам как к способным, но невежественным детям. Он хотел, чтобы они одолели одну ступеньку, прежде чем перейти к следующей, чтобы они сначала научились ходить и лишь затем бегать.

Отец Марк просто принес им все благодеяния христианства. Единственной физической работой, которой он потребовал, была постройка церкви — места для богослужения и проповеди. Из беспредельных, раскинувшихся по всей планете болот вышли новые толпы вескерян, и через несколько дней крыша, покоившаяся на столбах, была готова. Каждое утро паства немного работала, возводя стены, затем спешила внутрь, чтобы узнать многообещающие, всеобъемлющие, первостепенной важности факты, объяснявшие устройство Вселенной.

Гарт никогда не говорил вескерянам, какого он мнения об их новом увлечении, и это происходило главным образом потому, что они никогда не спрашивали его. Гордость или чувство собственного достоинства мешали ему вцепиться в покорного слушателя и излить ему свои обиды. Возможно, все случилось бы иначе, если бы обязанности Собирателя Знаний по-прежнему лежали на Итине; он был самый сообразительный из

всех. Но на следующий день после прибытия священника очередь Итина кончилась, и с тех пор Гарт с ним не разговаривал.

Поэтому для него было сюрпризом, когда через семнадцать вескерских дней, — а они в три раза длиннее, чем на Земле, — выйдя из дома после завтрака, он увидел у своих дверей делегацию. Итин должен был говорить от ее имени, и его рот был приоткрыт. У многих других вескерян рты были тоже открыты, один как будто даже зевал, так что был явственно виден двойной ряд острых зубов и пурпурно-черное горло. Завидя эти рты, Гарт понял, что предстоит серьезная беседа. Открытый рот означал какое-то сильное переживание: счастье, печаль или гнев. Обычно вескеряне были спокойны, и он никогда не видел такого количества разинутых ртов, каким теперь был окружен.

— Помоги нам, Джон Гарт, — начал Итин. — У нас есть к тебе вопрос.

— Я отвечаю на любой ваш вопрос, — сказал Гарт, предчувствуя недоброе. — В чем дело?

— Существует ли бог?

— Что вы понимаете под «богом»? — в свою очередь спросил Гарт. Что им ответить?

— Бог — наш небесный отец, создавший всех нас и охраняющий нас. Кому мы молимся о помощи, и кто, если мы спасемся, уготовил нам...

— Довольно, — отрезал Гарт. — Никакого бога нет.

Теперь они все, даже Итин, раскрыли рты, глядя на Гарта и обдумывая его ответ. Ряды розовых зубов могли бы показаться угрожающими, если бы Гарт не знал этих созданий так хорошо. На одно мгновение ему почудилось, что они уже восприняли христианское учение и считают его еретиком; но он отбросил эту мысль.

— Спасибо, — ответил Итин, и они повернулись и ушли.

Хотя утро было еще прохладное, Гарт с удивлением заметил, что он весь в поту.

Последствий не пришлось долго дожидаться. Итин вновь пришел к Гарту в тот же день.

— Не пойдешь ли ты в церковь? — спросил он. — Многое из того, что мы изучаем, трудно понять, но нет ничего трудней, чем это. Нам нужна твоя помощь, так как мы должны услышать тебя и отца Марка вместе. Потому что он говорит, что верно одно, а ты говоришь, что верно другое, а то и другое не может быть одновременно правильным. Мы должны выяснить, что же верно.

— Конечно, я приду, — сказал Гарт, стараясь скрыть внезапно охватившее его возбуждение. Он ничего не предпринимал, но вескеряне все же пришли к нему. Возможно, есть еще основания надеяться, что они останутся свободными.

В церкви было жарко, и Гарт удивился, как много собралось там вескерян, больше, чем ему когда-либо приходилось видеть. Вокруг было множество открытых ртов. Отец Марк сидел за столом, заваленным книгами. Вид у него был несчастный. Он ничего не сказал, когда Гарт вошел. Гарт заговорил первый.

— Надеюсь, вы понимаете, что это их идея... что они по своей доброй воле пришли ко мне и попросили меня явиться сюда?

— Знаю, — примирительно ответил священник. — Временами с ними бывает очень трудно. Но они учатся и хотят верить, а это главное.

— Отец Марк, торговец Гарт, нам нужна ваша помощь, — вмешался Итин. — Вы оба знаете много тако-

го, чего мы не знаем. Вы должны помочь нам прийти к религии, а это не так-то легко. — Гарт хотел что-то сказать, затем передумал. Итин продолжал: — Мы прочли Библию и все книги, которые нам дал отец Марк, и пришли к общему мнению. Эти книги сильно отличаются от тех, что давал нам торговец Гарт. В книгах торговца Гарта описывается Вселенная, которой мы не видели, и она обходится без всякого бога, ведь о нем нигде не упоминается; мы искали очень тщательно. В книгах отца Марка он повсюду, и без него ничего не происходит. Одно из двух должно быть правильно, а другое неправильно. Мы не знаем, как это получается, но после того, как выясним, что же верно, тогда, быть может, пойдем. Если бога не существует...

— Разумеется, он существует, дети мои, — сказал отец Марк проникновенным голосом. — Он наш небесный отец, который создал всех нас...

— Кто создал бога? — спросил Итин, и шепот умолк, и все вескеряне пристально посмотрели на отца Марка. Он чуть отпрянул под их взглядом, затем улыбнулся.

— Никто не создавал бога, ибо он сам создатель. Он был всегда...

— Если он всегда существовал, то почему Вселенная не могла всегда существовать, не нуждаясь в создателе? — прервал его Итин потоком слов. Важность вопроса была очевидна. Священник отвечал неторопливо, с безграничным терпением.

— Я хотел бы, чтобы все ответы были так же просты, дети мои. Ведь даже ученые не согласны между собой в вопросе о происхождении Вселенной. В то время как они сомневаются, мы, узревшие свет истины, знаем. Мы можем видеть чудо созидания повсюду

вокруг нас. А возможно ли созидание без создателя? Это Он, наш отец, наш бог на небесах. Я знаю, вы сомневаетесь; это потому, что у вас есть души и ваша воля свободна. И все же ответ очень прост. Имейте веру — вот все, что вам надо. Только верьте.

— Как можем мы верить без доказательства?

— Если вы не можете понять, что сам этот мир является доказательством Его существования, тогда я скажу вам, что вера не нуждается в доказательстве... если вы в самом деле верите!

Церковь наполнилась гулом голосов; у большинства вескерян рты были теперь широко раскрыты: эти существа пытались медленно пробиться сквозь паутину слов и отделить нить истины.

— Что можешь ты сказать нам, Гарт? — спросил Итин, и при звуке его голоса шум стих.

— Я могу посоветовать вам, чтобы вы пользовались научным методом, с помощью которого можно изучить все — включая самый метод — и получить ответы, доказывающие истинность или ложность любого утверждения.

— Так мы и должны поступить, — ответил Итин. — Мы пришли к тому же выводу. — Он схватил толстую книгу, и по рядам присутствующих пробежала зыбь кивков. — Мы изучили библию, как посоветовал нам отец Марк, и нашли ответ. Бог сотворит для нас чудо и тем докажет, что он бдит над нами. И по этому знаку мы узнаем его и придем к нему.

— Это грех ложной гордости, — возразил отец Марк. — Бог не нуждается в чудесах для доказательства своего существования.

— Но мы нуждаемся в чуде! — воскликнул Итин, и, хотя он не был человеком, в его голосе зазвучала

жажда истины. — Мы прочли здесь о множестве мелких чудес — о хлебах, рыбах, вине... Некоторые из них были совершены по гораздо более ничтожным поводам. Теперь ему надо сотворить еще одно чудо, и он всех нас приведет к себе... И это будет чудом преклонения целого нового мира перед его престолом, как ты говорил нам, отец Марк. И ты говорил, насколько это важно. Мы обсудили этот вопрос и решили, что есть лишь одно чудо, наиболее подходящее для такого случая.

Скука, которую Гарт испытывал от теологических споров, мгновенно испарилась. Он не дал себе труда подумать, иначе сразу понял бы, к чему клонится дело. На той странице, на которой Итин раскрыл библию, была какая-то картинка; Гарт заранее знал, что там было изображено. Он медленно встал со стула, как бы потягиваясь, и обернулся к священнику, который сидел позади него.

— Приготовьтесь! — прошептал Гарт. — Выходите с задней стороны и идите к кораблю; я задержу их здесь. Не думаю, чтобы они причинили мне вред.

— Что вы хотите сказать? — спросил отец Марк, удивленно моргая.

— Уходите вы, глупец! — прошипел Гарт. — Как вы думаете, какое чудо они имеют в виду? Какое чудо, по преданию, обратило мир в христианство?

— Нет! — пробормотал отец Марк. — Не может быть. Этого просто не может быть!..

— Быстрее! — крикнул Гарт, стаскивая священника со стула и отшвыривая его к задней стене.

Отец Марк, споткнувшись, остановился, затем повернул назад. Гарт ринулся к нему, но опоздал. Амфибии были маленькие, но их собралось так много! Гарт разразился бранью, и его кулак опустился на Итина,

отбросив его в толпу. Когда он стал прокладывать себе путь к священнику, другие вескеряне тесно окружили его. Он бил их, но это было все равно, что бороться с волками. Мохнатые, пахнущие мускусом тела затопили и поглотили его. Он не прекратил сопротивления даже тогда, когда его связали и стали бить по голове. Но амфибии вытащили его наружу, и теперь он мог лишь лежать под дождем, ругаться и наблюдать.

Вескеряне были чудесными работниками и все до последней подробности сделали так, как на картинке в Библии: крест, прочно установленный на вершине небольшого холма, блестящие металлические гвозди, молоток. С отца Марка сняли всю одежду и надели на него тщательно сложенную складками набедренную повязку. Они вывели его из церкви.

При виде креста миссионер едва не лишился чувств. Но затем он высоко поднял голову и решил умереть так, как жил, — с верой.

Но это было тяжело. Это было невыносимо даже для Гарта, который только смотрел. Одно дело говорить о распятии и разглядывать при тусклом свете лампы красиво изваянное тело. Другое — видеть обнаженного человека, с веревками, врезавшимися в тех местах, где тело привязано к деревянному брусу. И видеть, как берут остроконечные гвозди и приставляют их к мягкой плоти — к его ладони, как спокойно и равномерно ходит взад и вперед молоток, словно им размеренно работает мастеровой. Слышать глухой стук металла, проникающего в плоть.

А затем слышать вопли.

Немногие рождены для мученичества; отец Марк не принадлежал к их числу. При первых же ударах он закусил губу; из нее потекла кровь. Потом его рот ши-

роко раскрылся, голова запрокинулась, и ужасные гортанные крики то и дело врываются в шепот падающего дождя. Они вызывали немой отклик в толпе наблюдавших вескерян; какого бы характера ни было волнение, от которого раскрывались их рты, теперь оно терзало их с огромной силой, и ряды разверстых пастей отражали смертные муки распятого священника.

К счастью, он лишился чувств, как только был вбит последний гвоздь. Кровь бежала из свежих ран, смешиваясь с дождем и бледно-розовыми каплями стекая с ног, по мере того как жизнь покидала его. Почти в то же время Гарт, рыдавший и пытавшийся разорвать свои путы, потерял сознание, оглушенный ударами по голове.

Он пришел в себя на своем складе, когда уже стемнело. Кто-то перерезал плетеные веревки, которыми он был связан. Снаружи все еще слышался шум дождевых капель.

— Итин, — сказал Гарт. Это мог быть только он.

— Да, — прошептал в ответ голос вескерянина. — Остальные все еще разговаривают в церкви. Лин умер после того, как ты ударил его по голове, а Инон очень болен. Некоторые говорят, что тебя тоже надо распять, и я думаю, так и случится. Или, может быть, тебя забросают камнями. Они нашли в библии место, где говорится...

— Я знаю. — Бесконечно усталый, Гарт продолжал: — Око за око. Вы найдете кучу таких изречений, стоит только поискать. Это изумительная книга!

Голова Гарта разламывалась от боли.

— Ты должен уйти, ты можешь добраться до своего корабля так, что никто не заметит тебя. Хватит

убийств. — В голосе Итина тоже прозвучала усталость, охватившая его впервые в жизни.

Гарт попытался встать. Он прижимался головой к шершавой деревянной стене, пока тошнота не прекратилась.

— Он умер. — Это звучало как утверждение, а не вопрос.

— Да, недавно. Иначе я не мог бы уйти к тебе.

— И, разумеется, похоронен, не то им не пришлось бы в голову приняться теперь за меня.

— И похоронен! — В голосе вескерянина звучало что-то похожее на волнение, отголоски интонаций умершего священника. — Он похоронен и воскреснет на небесах. Так написано, значит, так и произойдет. Отец Марк будет очень счастлив, что все так случилось. — Итин издал звук, напоминавший человеческое всхлипывание.

Гарт с трудом побрел к двери, то и дело прислоняясь к стене, чтобы не упасть.

— Мы правильно поступили, не правда ли? — спросил Итин. Ответа не последовало. — Он воскреснет, Гарт, разве он не воскреснет?

Гарт уже стоял у двери, и в отблесках огня из ярко освещенной церкви можно было разглядеть его исцарапанные, окровавленные руки, вцепившиеся в дверной косяк. Совсем рядом из темноты вынырнуло лицо Итина, и Гарт почувствовал, как нежные руки с многочисленными пальцами и острыми когтями ухватились за его одежду.

— Он воскреснет, ведь так, Гарт?

— Нет, — произнес Гарт, — он останется там, где вы его зарыли. Ничего не произойдет, потому что он мертв и останется мертвым.

Дождь струился по меху Итина, а рот его был так широко раскрыт, что, казалось, он кричит в ночь. Лишь с большим усилием смог он вновь заговорить, втискивая чуждые ему мысли в чуждые слова.

— Стало быть, мы не будем спасены? Мы не станем безгрешными?

— Вы были безгрешными, — ответил Гарт, и в голосе его послышалось не то рыдание, не то смех. — Ужасно неприглядная, грязная история. Вы были безгрешными. А теперь вы...

— Убийцы, — сказал Итин. Вода струилась по его поникшей голове и стекала куда-то в темноту.

КАЛЕЙДОСКОП

Взрыв огромным консервным ножом вспорол корпус ракеты. Людей выбросило в космос, подобно дюжине трепещущих серебристых рыб. Их разметало в черном океане, а корабль, распавшись на миллион осколков, полетел дальше, словно рой метеоров в поисках затерянного Солнца.

— Беркли, Беркли, ты где?

Слышатся голоса, точно дети заблудились в холодной ночи.

— Вуд, Вуд!

— Капитан!

— Холлис, Холлис, я Стоун.

— Стоун, я Холлис. Где ты?

— Не знаю. Разве тут поймешь? Где верх? Я падаю. Понимаешь, падаю.

Они падали, падали, как камни падают в колодезь. Их разметало, будто двенадцать палочек, подброшенных вверх исполинской силой. И вот от людей остались только одни голоса — несхожие голоса, бестелесные и иступленные, выражающие разную степень ужаса и отчаяния.

— Нас относит друг от друга.

Так и было. Холлис, медленно вращаясь, понял это. Понял и в какой-то мере смирился. Они разлучились, чтобы идти каждый своим путем, и ничто не могло их соединить. Каждого защищал герметический скафандр и стеклянный шлем, облегающий бледное лицо, но они не успели надеть силовые установки. С маленькими двигателями они были бы точно спасательные лодки в космосе, могли бы спасти себя, спасти других, собираться вместе, находя одного, другого, третьего, и вот уже получился островок из людей, и придуман какой-то план... А без силовой установки на запячье они — неодоушевленные метеоры, и каждого ждет своя отдельная неотвратимая судьба.

Около десяти минут прошло, пока первый испуг не сменился металлическим спокойствием. И вот космос начал переплетать необычные голоса на огромном черном ткацком стане; они перекрещивались, сновали, создавая прощальный узор.

— Холлис, я Стоун. Сколько времени можем мы еще разговаривать между собой?

— Это зависит от скорости, с какой ты летишь прочь от меня, а я — от тебя.

— Что-то около часа.

— Да, что-нибудь вроде того, — ответил Холлис задумчиво и спокойно.

— А что же все-таки произошло? — спросил он через минуту.

— Ракета взорвалась, только и всего. С ракетами это бывает.

— В какую сторону ты летишь?

— Похоже, я на Луну упаду.

— А я на Землю лечу. Домой на старушку Землю со скоростью шестнадцать тысяч километров в час. Сгорю, как спичка.

Холлис думал об этом с какой-то странной отрешенностью. Точно он видел себя со стороны и наблюдал, как он падает, падает в космосе, наблюдал так же бесстрастно, как падение первых снежинок зимой, давным-давно.

Остальные молчали, размышляя о судьбе, которая поднесла им такое: падаешь, падаешь, и ничего нельзя изменить. Даже капитан молчал, так как не мог отдать никакого приказа, не мог придумать никакого плана, чтобы все стало по-прежнему.

— Ох, как долго лететь вниз. Ох, как долго лететь, как долго, долго, долго лететь вниз, — сказал чей-то голос. — Не хочу умирать, не хочу умирать, долго лететь вниз...

— Кто это?

— Не знаю.

— Должно быть, Стимсон. Стимсон, это ты?

— Как долго, долго, сил нет. Господи, сил нет.

— Стимсон, я Холлис. Стимсон, ты слышишь меня?

Пауза, и каждый падает, и все порознь.

— Стимсон.

— Да. — Наконец-то ответил.

— Стимсон, возьми себя в руки, нам всем одинаково тяжело.

— Не хочу быть здесь. Где угодно, только не здесь.

— Нас еще могут найти.

— Должны найти, меня должны найти, — сказал Стимсон. — Это неправда, то, что сейчас происходит, неправда.

— Плохой сон, — произнес кто-то.

— Замолчи! — крикнул Холлис.

— Попробуй заставь, — ответил голос. Это был Эплгейт. Он рассмеялся бесстрастно, беззаботно. — Ну, где ты?

И Холлис впервые ощутил всю невыносимость своего положения. Он захлебнулся яростью, потому что в этот миг ему больше всего на свете хотелось поквитаться с Эплгейтом. Он много лет мечтал поквитаться, а теперь поздно, Эплгейт — всего лишь голос в наушниках.

Они падали, падали, падали...

Двое начали кричать, точно только сейчас осознали весь ужас, весь кошмар происходящего. Холлис увидел одного из них: он проплыл мимо него, совсем близко, не переставая кричать, кричать...

— Прекрати!

Совсем рядом, рукой можно дотянуться, и все кричит. Он не замолчит. Будет кричать миллион километров, пока радио работает, будет всем душу растравлять, не даст разговаривать между собой.

Холлис вытянул руку. Так будет лучше. Он напрягся и достал до него. Ухватил за лодыжку и стал подтягиваться вдоль тела, пока не достиг головы. Космонавт кричал и лихорадочно греб руками, точно утопающий. Крик заполнил всю Вселенную.

«Так или иначе, — подумал Холлис. — Либо Луна, либо Земля, либо метеоры убьют его, зачем тянуть?»

Он раздробил его стеклянный шлем своим железным кулаком. Крик захлебнулся. Холлис оттолкнулся от тела, предоставив ему кувыряться дальше, падать дальше по своей траектории.

Падая, падая, падая в космос, Холлис и все остальные отделились долгому, нескончаемому вращению и падению сквозь безмолвие.

— Холлис, ты еще жив?

Холлис промолчал, но почувствовал, как его лицо обдало жаром.

— Это Эплгейт опять.

— Ну что тебе, Эплгейт?

— Потолкуем, что ли. Все равно больше нечем заняться.

Вмешался капитан:

— Довольно. Надо придумать какой-нибудь выход.

— Эй, капитан, молчал бы ты, а? — сказал Эплгейт.

— Что?

— То, что слышал. Плевал я на твой чин, до тебя сейчас шестнадцать тысяч километров, и давай не будем делать из себя посмешище. Как это Стимсон сказал: нам еще долго лететь вниз.

— Эплгейт!

— А, заткнись. Объявляю единоличный бунт. Мне нечего терять, ни черта. Корабль ваш был дрянненький, и вы были никудышным капитаном, и я надеюсь, что вы сломаете себе шею, когда шмякнетесь о Луну.

— Приказываю вам замолчать!

— Давай, давай, приказывай. — Эплгейт улыбнулся за шестнадцать тысяч километров. Капитан примолк. Эплгейт продолжал: — Так на чем мы остановились, Холлис? А, вспомнил. Я ведь тебя тоже терпеть не могу. Да ты и сам об этом знаешь. Давно знаешь.

Холлис бессильно сжал кулаки.

— Послушай-ка, что я скажу, — не унимался Элпгейт. — Порадую тебя. Это ведь я подстроил так, что тебя не взяли в «Рокет компани» пять лет назад.

Мимо мелькнул метеор. Холлис глянул вниз: левой кисти как не бывало. Брызнула кровь. Мгновенно из скафандра вышел весь воздух. Но в легких еще остался запас, и Холлис успел правой рукой повернуть рычажок у левого локтя; манжет сжался и закрыл отверстие. Все произошло так быстро, что он не успел удивиться. Как только утечка прекратилась, воздух в скафандре вернулся к норме. И кровь, которая хлынула так бурно, остановилась, когда он еще сильнее повернул рычажок — получился жгут.

Все это происходило среди давящей тишины. Остальные болтали. Один из них, Леспер, знай себе болтал про свою жену на Марсе, свою жену на Венере, свою жену на Юпитере, про свои деньги, похождения, пьянки, игру и счастливое времечко. Без конца тараторил, пока они продолжали падать. Летя навстречу смерти, он предавался воспоминаниям и был счастлив.

До чего все это странно. Космос, тысячи космических километров — и среди космоса вибрируют голоса. Никого не видно, только радиоволны пульсируют, будоражат людей.

— Ты злишься, Холлис?

— Нет.

Он и впрямь не злился. Вернулась отрешенность, и он стал бесчувственной глыбой бетона, вечно падающей в никуда.

— Ты всю жизнь карабкался вверх, Холлис. И не мог понять, что вдруг случилось. А это я успел под-

ставить тебе ножку как раз перед тем, как меня самого вышерли.

— Это не играет никакой роли, — ответил Холлис.

Совершенно верно. Все это прошло. Когда жизнь прошла, она словно всплеск кинокадра, один миг на экране; на мгновение все страсти и предрассудки сгустились и легли проекцией на космос, но прежде чем ты успел воскликнуть: «Вон тот день счастливый, а тот несчастный, это злое лицо, а то доброе», — лента обратилась в пепел, а экран погас.

Очутившись на крайнем рубеже своей жизни и оглядываясь назад, он сожалел лишь об одном: ему всего-навсего хотелось жить еще. Может быть, у всех умирающих такое чувство, будто они и не жили? Не успели вздохнуть как следует, как уже все пролетело, конец? Всем ли жизнь кажется такой невыносимо быстрой — или только ему, здесь, сейчас, когда остался всего час-другой на раздумья и размышления?

Чей-то голос — Леспера — говорил:

— А что, я пожил влать. Одна жена на Марсе, вторая на Венере, третья на Юпитере. Все с деньгами, все меня холили. Пил, сколько влезет, раз проиграл двадцать тысяч долларов.

«Но теперь-то ты здесь, — подумал Холлис. — У меня ничего такого не было. При жизни я завидовал тебе, Леспер, пока мои дни не были сочтены, завидовал твоему успеху у женщин, твоим радостям. Женщин я боялся и уходил в космос, а сам мечтал о них и завидовал тебе с твоими женщинами, деньгами и буйными радостями. А теперь, когда все позади и я падаю вниз, я ни в чем тебе не завидую, ведь все прошло, что для тебя, что для меня, сейчас будто никогда и не

было ничего». Наклонив голову, Холлис крикнул в микрофон:

— Все это прошло, Леспер!

Молчание.

— Будто и не было ничего, Леспер!

— Кто это? — послышался неуверенный голос Леспера.

— Холлис.

Он подлец. В душу ему вошла подлость, бессмысленная подлость умирающего. Эплгейт уязвил его, теперь он старается сам кого-нибудь уязвить. Эплгейт и космос — и тот и другой нанесли ему раны.

— Теперь ты здесь, Леспер. Все прошло. И точно ничего не было, верно?

— Нет.

— Когда все прошло, то будто и не было. Чем сейчас твоя жизнь лучше моей? Сейчас — вот что важно. Тебе лучше, чем мне? Ну?

— Да, лучше!

— Это чем же?

— У меня есть мои воспоминания, я помню! — вскричал Леспер где-то далеко-далеко, возмущенно прижимая обеими руками к груди свои драгоценные воспоминания.

И ведь он прав. У Холлиса было такое чувство, словно его окатили холодной водой. Леспер прав. Воспоминания и вожделения не одно и то же. У него лишь мечты о том, что он хотел бы сделать, у Леспера воспоминания о том, что исполнилось и свершилось. Сознание этого превратилось в медленную, изощренную пытку, терзало Холлиса безжалостно, неутомимо.

— А что тебе от этого? — крикнул он Лесперу. — Теперь-то? Какая радость от того, что было и бывшем поросло? Ты в таком же положении, как и я.

— У меня на душе спокойно, — ответил Леспер. — Я свое взял. И не ударился под конец в подлость, как ты.

— Подлость? — Холлис повертел это слово на языке.

Сколько он себя помнил, никогда не был подлым, не смел быть подлым. Не иначе, копил все эти годы для такого случая. «Подлость». Он оттеснил это слово в глубь сознания. Почувствовал, как слезы выступили на глазах и покатались вниз по щекам. Кто-то услышал, как у него перехватило голос.

— Не раскисай, Холлис.

В самом деле, смешно. Только что давал советы другим, Стимсону, ощущал в себе мужество, принимая его за чистую монету, а это был всего-навсего шок и отрешенность, возможная при шоке. Теперь он пытался втиснуть в считанные минуты чувства, которые подавлял целую жизнь.

— Я понимаю, Холлис, что у тебя на душе, — прозвучал затухающий голос Леспера, до которого теперь было уже тридцать тысяч километров. — Я не обижаюсь.

«Но разве мы не равны, Леспер и я? — недоумевал он. — Здесь, сейчас? Что прошло, то кончилось, какая теперь от этого радость? Так и так конец наступил». Однако он знал, что упрощает: это все равно что пытаться определить разницу между живым человеком и трупом. У первого есть искра, которой нет у второго, эманация, нечто неуловимое.

Так и они с Леспером: Леспер прожил полнокровную жизнь, он же, Холлис, много лет все равно что не жил. Они пришли к смерти разными тропами, и если смерть бывает разного рода, то их смерти, по всей вероятности, будут различаться между собой, как день и ночь. У смерти, как и у жизни, множество разных граней, и коли ты уже когда-то умер, зачем тебе смерть конечная, раз навсегда, какая предстоит ему теперь?

Секундой позже он обнаружил, что его правая ступня начисто срезана. Прямо хоть смейся. Снова из скафандра вышел весь воздух. Он быстро нагнулся: ну, конечно, кровь, метеор отсек ногу до лодыжки. Ничего не скажешь, у этой космической смерти свое представление о юморе. Рассекает тебя по частям, точно невидимый черный мясник. Боль вихрем кружила голову, и он, силясь не потерять сознание, затянул рычажок на колене, остановил кровотечение, восстановил давление воздуха, выпрямился и продолжал падать, падать — больше ничего не оставалось.

— Холлис?

Он сонно кивнул, утомленный ожиданием смерти.

— Это опять Эплгейт, — сказал голос.

— Ну.

— Я подумал. Слышал, что ты говорил. Не годится так. Во что мы себя превращаем! Недостойная смерть получается. Изливаем друг на друга всю желчь. Ты слушаешь, Холлис?

— Да.

— Я соврал. Только что. Соврал. Никакой ножки я тебе не подставлял. Сам не знаю, зачем так сказал. Видно, захотелось уязвить тебя. Именно тебя. Мы с тобой всегда соперничали. Видишь — как жизнь к концу, так и спешешь покаяться. Видно, это твоё зло вы-

звало у меня стыд. Так или не так, хочу, чтобы ты знал, что я тоже вел себя по-дурачки. В том, что я тебе говорил, ни на грош правды. И катись к черту.

Холлис снова ощутил биение своего сердца. Пять минут оно словно и не работало, но теперь конечности стали оживать, согреваться. Шок прошел, прошли также приступы ярости, ужаса, одиночества. Как будто он только что из-под холодного душа, впереди завтрак и новый день.

— Спасибо, Эплгейт.

— Не стоит. Выше голову, старый мошенник.

— Эй, — вступил Стоун.

— Что тебе? — отозвался Холлис через просторы космоса; Стоун был его лучшим другом на корабле.

— Попал в метеорный рой, такие миленькие астероиды.

— Метеоры?

— Это, наверно, Мирмидоны, они раз в пять лет пролетают мимо Марса к Земле. Меня в самую гущу занесло. Кругом точно огромный калейдоскоп... Тут тебе все краски, размеры, фигуры. Ух ты, красота какая, этот металл!

Тишина.

— Лечу с ними, — снова заговорил Стоун. — Они захватили меня. Вот чертовщина!

Он рассмеялся.

Холлис напряг зрение, но ничего не увидел. Только крупные алмазы и сапфиры, изумрудные туманности и бархатная тушь космоса, и глас всевышнего отдается между хрустальными бликами. Это сказочно, удивительно: вместе с потоком метеоров Стоун будет много лет мчаться где-то за Марсом и каждый пятый год возвращаться к Земле, миллион веков то показываться в по-

ле зрения планеты, то вновь исчезать. Стоун и Мирмидоны, вечные и нетленные, изменчивые и непостоянные, как цвета в калейдоскопе — длинной трубке, которую ты в детстве наставлял на солнце и крутил.

— Прощай, Холлис. — Это чуть слышный голос Стоуна. — Прощай.

— Счастливо! — крикнул Холлис через пятьдесят тысяч километров.

— Не смейся, — сказал Стоун и пропал.

Звезды подступили ближе.

Теперь все голоса затухали, удаляясь каждый по своей траектории, кто в сторону Марса, кто в космические дали. А сам Холлис... Он посмотрел вниз. Единственный из всех, он возвращался на Землю.

— Прощай.

— Не унывай.

— Прощай, Холлис. — Это Эплгейт.

Многочисленные: «До свидания». Отрывистые: «Прощай». Большой мозг распадался. Частицы мозга, который так чудесно работал в черепной коробке несущегося сквозь космос ракетного корабля, одна за другой умирали; исчерпывался смысл их совместного существования. И как тело гибнет, когда перестает действовать мозг, так и дух корабля, и проведенные вместе недели и месяцы, и все, что они означали друг для друга, — всему настал конец. Эплгейт был теперь всего-навсего отторженным от тела пальцем; нельзя подсиживать, нельзя презирать. Мозг взорвался, и мертвые никчемные осколки разбросало, не соберешь. Голоса смолкли, во всем космосе тишина. Холлис падал в одиночестве.

Они все очутились в одиночестве. Их голоса умерли, точно эхо слов всевышнего, изреченных и отзвучавших в

звездной бездне. Вон капитан улетел к Луне, вон метеорный рой унес Стоуна, вон Стимсон, вон Эплгейт на пути к Плутону, вон Смит, Тэрнер, Ундервуд и все остальные; стеклышки калейдоскопа, которые так долго составляли одушевленный узор, разметало во все стороны.

«А я? — думал Холлис. — Что я могу сделать? Есть ли еще возможность чем-то восполнить ужасающую пустоту моей жизни? Хоть одним добрым делом загладить подлость, которую я накапливал столько лет, не подозревая, что она живет во мне! Но ведь здесь, кроме меня, никого нет, а разве можно в одиночестве сделать доброе дело? Нельзя. Завтра вечером я войду в атмосферу Земли».

«Я сгорю, — думал он, — и рассыплюсь прахом по всем материкам. Я принесу пользу. Чуть-чуть, но прах есть прах, земли прибавится».

Он падал быстро, как пуля, как камень, как железная гиря, от всего отрешившийся, окончательно отрешившийся. Ни грусти, ни радости в душе, ничего, только желание сделать доброе дело теперь, когда все-му конец, доброе дело, о котором он один будет знать.

«Когда я войду в атмосферу, — подумал Холлис, — то сгорю, как метеор».

— Хотел бы я знать, — сказал он, — кто-нибудь увидит меня?

Мальчуган на проселочной дороге поднял голову и воскликнул:

— Смотри, мама, смотри! Звездочка падает!

Яркая белая звездочка летела в сумеречном небе Иллинойса.

— Загадай желание, — сказала его мать. — Скорее загадай желание.

ПРОСТРАНСТВО — ВРЕМЯ

ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ

С сигарой что-то не ладилось.

Но Брек Веронар не выбросил ее. Табак, выращенный на Земле, дорого ценится здесь, на Церере. Брек еще раз подрезал кончик и снова щелкнул зажигалкой. На этот раз он раскурил сигару, но она почему-то отдавала странным, кисловатым запахом тлеющей бумаги.

Брек Веронар, по рождению Уильям Уэбстер, землянин, сидел в своем большом, хорошо обставленном кабинете, смежном с лабораторией арсенала. За пердуритовыми окнами неясно вырисовывались стоявшие в ряд огромные приземистые башни фортов, которые охраняли военную базу Астрофона. В кристально чистой искусственной атмосфере астероида они казались еще больше, чем в действительности; теоретически их мощные двадцатичетырехдюймовые пушки, снабженные автовизором Веронара, могли обстрелять пространство до самой орбиты Юпитера. На поле, расстилавшемся за крепостью, виднелась эскадра космических кораблей — семь грозных, черных, как ночь, сигарообразных машин. Там, далеко, над неровными

красными скалами второго плоскогорья, высились разноцветные купола и башни города Астрофона, столицы Астрарха.

Худощавую фигуру Брека Веронара обтягивали яркие шелка Астрархии. Его волосы были надушены и завиты; Брек красил их, чтобы скрыть все более заметную седину. Серые широко расставленные глаза свидетельствовали о сильном характере и резко контрастировали с кожей лица, белой и гладкой от применения косметики. Одна лишь сигара могла выдать в нем уроженца Земли, поэтому Брек Веронар курил только здесь, в своей собственной, запертой на ключ лаборатории. Он не любил, когда его называли ренегатом.

На столе перед ним лежал приколотый к доске сложный чертеж нового управляющего гироскопа реактивной торпеды, но Брек не мог сосредоточить на нем свои мысли. Любопытно, этот слабый запах тлеющей бумаги навевал воспоминания о далеком прошлом. Двадцать лет назад... Этот запах заставил его вновь перенестись на университетский двор, к низким желтым холмам у старого марсианского города Торэна, к тому роковому дню, когда он отказался служить своей родной Земле и уехал в Астрархию.

Тони Гримм и Элора Рони были против этого. Веснушчатый, легкомысленный, рыжеволосый Тони прилетел с Земли вместе с Уильямом шесть лет назад и поступил в Высшую инженерную школу, получив одну из двух ежегодных стипендий. Элора Рони была прелестная темноглазая девушка с Марса, дочь профессора геодетики, гордившаяся своими предками — первыми космонавтами. Оба друга были влюблены в Элору.

В тот ясный солнечный день Билл шел вместе с ними по окруженной холмами каменистой пустыне цвета охры. Желтые здания из необожженного кирпича остались у них за спиной. Загорелое голубоглазое лицо Тони было на этот раз серьезным. Он протестовал.

— Ты не можешь поступить так, Билл. Ни один землянин не сделал бы этого.

— Бесплезные слова, — отрезал Билл Уэбстер. — Астрарху нужен военный инженер. Мне предложили двадцать тысяч орлов в год, с подъемными и премиями — в десять раз больше, чем любой ученый может получить на Земле.

Смутное живое лицо Элоры Рони омрачилось.

— Билл, а как же твои собственные исследования? — воскликнула она. — Твоя новая конструкция дюзы? Ты же обещал, что покончишь с монополией Астрарха на космический транспорт. Разве ты забыл?

— Дюза новой конструкции была только мечтой, — ответил Билл Уэбстер, — но, возможно, из-за этой дюзы Астрарх и предложил контракт мне, а не Тони. Таких контрактов никто не отвергает.

Тони схватил его за руку.

— Ты не можешь пойти против своего родного мира, Билл, — настаивал он. — Ты не можешь отказаться от всего, что дорого каждому землянину. Вспомни только, что такое Астрарх! Это ведь всего лишь су-перпират.

Билл Уэбстер отшвырнул ногой комок желтой глины.

— Я знаю историю, — возмутился он. — Без вас знаю, что Астрархию основали космические пираты, которые устроили базы на астероидах, а потом пере-

стали заниматься космическим грабежом и начали торговать.

Он говорил вызывающе; в его голосе звучала обида.

— И все же я считаю, что Астрархия пользуется не меньшим уважением, чем такие планеты, как Земля, или Марс, или Федерация Юпитера. И она намного богаче и могущественнее их всех.

Девушка с Марса нахмурилась и тряхнула темно-волосой головкой.

— Не обольщайся, Билл, — пылко заговорила она. — Неужели ты не понимаешь, что Астрарх в сущности ничем не отличается от старых пиратов? Его эскадры и сейчас захватывают любой независимый корабль или с помощью космических патрулей заставляют владельцев выплачивать за него выкуп.

Она едва перевела дух от возмущения.

— Всюду, даже здесь, на Марсе, агенты, резиденты и торговцы Астрархии насаждают взяточничество, подкупы, гнет. Астрарх использует свое богатство и свою космическую мощь, чтобы дискредитировать правительство каждой независимой планеты. Он задумал завоевать всю систему!

Ее карие глаза горели.

— Ты не будешь помогать ему, Билл. Ты не должен этого делать!

Билл Уэбстер взглянул на смуглое, милое, полное решимости лицо Элоры, и ему захотелось поцеловать пятнышко желтой пыли на ее чуть вздернутом носике. Он любил Элору Рони и когда-то надеялся увезти ее с собой на Землю. Может быть, он и до сих пор еще любит ее. Но ясно, что она всегда мечтала только о Тони Гримме.

Немного раздосадованный, Билл поддал ногой круглый камушек цвета ржавчины.

— Если бы все было иначе, Элора, то, может быть... — слегка пожав плечами, он взглянул на Тони. Затем произнес ровным голосом: — Как бы то ни было, сегодня вечером я улетаю в Астрофон.

В тот вечер, когда они помогли ему запаковать вещи, он устроил костер из своих старых книг и бумаг. В разреженном воздухе Марса они горели бледным пламенем, окутанные клубами едкого дыма.

Этот резкий запах и был той нитью, которая протянулась к Бреку Веронару сквозь годы, из прошлого, когда он вдохнул едкий дымок горелой бумаги. Сигару он вынул из ящика, только что прибывшего с Кубы, с Земли, и приготовленного по специальному заказу.

Брек мог позволить себе такую роскошь. Иногда, правда, он почти жалел, что Астрарх так благоволил к нему. Офицеры космического флота и даже его собственные завистливые подчиненные в лаборатории арсенала никогда не забывали о том, что он землянин, ренегат.

Необычный запах сигары озадачил его.

Он решительно раздавил тлеющий кончик, снял верхние коричневые листья. Под ними оказался цилиндр из плотно свернутой бумаги. Сняв с него резиновую оболочку, Брек Веронар развернул бумагу. При одном взгляде на почерк сердце его забилось.

Это была рука Элоры Рони!

Брек Веронар знал этот тонкий изящный почерк. Потому что в давние времена Билл Уэбстер хранил

коротенькую записку, которую она написала ему еще в школе, когда они были друзьями. Он жадно прочел письмо:

«Дорогой Билл! Это единственный путь, которым мы можем передать тебе несколько слов, минуя шпионов Астрарха. Твое прежнее имя, Билл, наверное, кажется тебе странным. Но мы — Тони и я — хотим напомнить тебе, что ты землянин.

Ты и не знаешь, какому угнетению подвергается сейчас Земля, изнывающая под пятой Астрарха. От ее независимости почти ничего не осталось. Слабые и подкупленные правительства повсюду покоряются тирану. Жизнь каждого землянина отягощена налогами, несправедливыми штрафами; с ним бесчестно конкурируют торговцы Астрарха.

Однако Земля не окончательно покорилась, Билл. Мы будем бороться за свободу. Много лет нашей жизни — Тони и моей — ушло на осуществление этого замысла. Ради него трудились и приносили жертвы миллионы наших братьев-землян. Наконец сейчас у нас появилась надежда вернуть себе утраченную свободу.

Но нам нужен ты, Билл, до зарезу нужен.

Во имя твоего родного мира, вернись. Попроси отпуск для поездки на Марс. Астрарх не откажет тебе в этом. Восьмого апреля в пустыне близ Торэна тебя будет ждать корабль — там, где мы гуляли в тот день, когда ты улетел.

Каково бы ни было твое решение, Билл, мы убеждены, что ты уничтожишь это письмо и будешь хранить его содержание в тайне. Но мы верим, что ты вернешься. Ради Земли и ради твоих старых друзей.

Тони и Элора».

Брек Веронар сидел за столом, глядя на обгоревший сморщенный листок. Его глаза слегка затуманились. Он видел живое смуглое лицо девушки с Марса и ее умоляющие карие глаза. Наконец он вздохнул и медленно потянулся за зажигалкой. Потом поднес ее к письму и держал до тех пор, пока пламя не уничтожило листок.

На следующий день в лабораторию явились четыре офицера космических войск. Одеты в ярко-малиновое с золотом — цвета Астрарха, — они вели себя дерзко. В слащавом голосе капитана звучала торжествующая ненависть.

— Землянин, по приказу Астрарха ты под домашним арестом. Ты тотчас же последуешь за нами в его штаб-квартиру на борту «Уориор Куин».

Брек Веронар знал, что его ненавидят, но очень редко ненависть проявлялась так открыто. Немного встревоженный, он запер свой кабинет и последовал за четырьмя офицерами.

На краю большого поля за низкими серыми укреплениями, на стартовых опорах лежал флагманский корабль космического флота Астрархии, «Уориор Куин». Триста метров длины, четверть миллиона тонн боевого металла, шестьдесят четыре двадцатидюймовые пушки, смонтированные в восьми выступающих сферических башнях, — это была самая мощная машина разрушения, когда-либо существовавшая в солнечной системе.

Пока они неслись через поле в быстром электрическом автомобиле, Брек Веронар, исполненный молчаливой гордости, почти забыл о своей тревоге. Его

автовизор, другими словами, ахронный детектор поля, интегрирующий вдоль геодезических линий, и его автоматический измеритель дальности направляли огонь этих мощных пушек. Настоящий боевой мозг корабля — и всего флота Астрарха.

Не удивительно, что эти люди завидовали ему.

Лицо капитана было мрачно.

— Пошли, ренегат! — сказал он угрожающим тоном. — Астрарх ждет.

Стража в ярких мундирах повела их в тесные, но роскошно обставленные апартаменты Астрарха, расположенные глубоко в бронированных внутренностях корабля сразу за залом совета и перед помещением для автовизора. Астрарх, смотревший в проектор карт, обернулся и резким тоном приказал обоим офицерам подождать за дверью.

— Ну, Веронар?

Диктатор Астрархии был невысокий, плотный человек, весь трепещущий неукротимой энергией. Его лицо походило на нарумяненную и напудренную маску, волосы были завиты и надушены, обтянутая шелками фигура увешана драгоценностями. Но ястребиный нос и горящие черные глаза свидетельствовали о силе, которую ничто не могло скрыть.

Астрарх никогда не прислушивался к постоянным наговорам завистников Брека Веронара. Их отношения можно было назвать почти дружескими. Но сейчас по холодному вопросу, заключенному в первых словах правителя, и по испытующему блеску его глаз землянин почувствовал, что попал в чрезвычайно опасное положение.

Стараясь овладеть собой, он тревожно спросил:

— Я арестован?

Улыбнувшись, Астрарх взял его за руку.

— Мои люди перестарались, Веронар. — Голос Астрарха звучал тепло, но Брек Веронар не мог избавиться от ощущения чего-то острого, разящего. — Я только хотел поговорить с тобой, а из-за предстоящих перемещений флота у меня мало времени.

Прячась за своей улыбающейся маской, Астрарх изучал его.

— Веронар, ты честно служил мне. Я отправляюсь в рейс с моим флотом, но мне кажется, что и ты тоже заработал право на отпуск. Хочешь освободиться на несколько дней от своих обязанностей и слетать, например, на Марс?

Под этим колющим взглядом Веронар вздрогнул.

— Благодарю вас, Горро, — с усилием выговорил Брек. Он был один из немногих привилегированных, имевших право называть Астрарха по имени. — Может быть, позже. Управляющее устройство торпеды еще не закончено. И у меня есть кое-какие мысли по поводу усовершенствования автовизора. Я бы предпочел остаться в лаборатории.

На мгновение улыбка низенького человека, казалось, стала непритворной.

— Астрархия в долгу перед тобой за автовизор. Из-за того, что точность огня увеличилась, фактически сила нашего флота возросла вчетверо. — Его взгляд снова стал острым, в нем мелькнуло сомнение. — Возможны ли дальнейшие усовершенствования?

Брек Веронар затаил дыхание. Ноги у него подкашивались. Он знал, что борется за свою жизнь.

— Анализ геодезических линий и их интегрирование — это совершенно новые отрасли науки, — произнес он почти с отчаянием. — Было бы глупо ограничи-

вать их возможности. При достаточно чувствительном датчике поля ахронного детектора должны начертить мировые линии любого предмета почти без ограничений. В будущем...

Он помолчал, чтобы произвести большее впечатление.

— Или в прошлом!

Жадный интерес вспыхнул в глазах Астрарха. Брек почувствовал себя увереннее. Его прерывистая речь стала спокойней.

— Поймите, принцип совершенно новый. Можно создать ахронное поле в тысячу раз более чувствительное, чем любой телескоп, я думаю даже, в миллион раз! И ахронный луч устраняет задержку во времени, неизбежную при всяком электромагнитном методе наблюдения. Не завися от времени, он в то же время парадоксальным образом облегчает исследование времени.

— Исследование? — спросил диктатор. — А не несешь ли ты какую-то дичь, Веронар?

— Каждый измеритель расстояния в известном смысле исследует время, — пылко заверил его Брек. — Он анализирует прошлое, чтобы предсказать будущее. Таким образом, снаряд, выпущенный с движущегося корабля и отклоненный космическими полями притяжения, может пролететь тысячи километров и встретить другой движущийся корабль в точно определенный момент будущего. Инструменты, зависящие от визуального наблюдения и электромагнитной передачи данных, не вполне удовлетворяли требованиям. Одно попадание на тысячу считалось хорошей точностью стрельбы. Но автовизор решил эту проблему:

теперь вы налагаете взыскание на стрелков, если они не могут добиться двух на сто.

Брек перевел дыхание.

— Даже новейший автовизор — это только грубый пробный аппарат. Как измеритель расстояния он еще годится. Но поля детектора могут стать бесконечно более чувствительными, а интегрирование геодезических линий — бесконечно более надежным. Мы должны добиться того, чтобы прошлое можно было проанализировать не на минуты — на годы назад. Мы сможем предсказать положение корабля на неделю вперед, предусмотреть каждый его маневр и даже наблюдать, как завтракает его капитан!

Землянин снова перевел дух, его глаза лихорадочно блестели.

— От анализа геодезических линий есть еще один смелый шаг — к управлению. Как вы знаете, согласно современным взглядам, абсолютных фактов не существует, есть только вероятности. Я берусь это доказать! А вероятностями можно управлять, воздействуя на них ахронным полем. Возможно даже, я говорю вам...

Пылкая речь Брека зазвучала неуверенно. Он увидел, что сомнение потушило искру интереса в глазах Астрарха. Диктатор нетерпеливым жестом заставил его замолчать. Отрывисто и бесстрастно он произнес:

— Веронар, ты землянин.

— Когда-то я был землянином.

Черные горящие глаза смотрели на него испытующе.

— Веронар, — сказал Астрарх, — на Земле неспокойно. Мои агенты раскрыли опасный заговор. Вождь его — инженер по имени Гримм, женатый на мар-

сианке. Флот вылетает, чтобы подавить мятеж. — Он помолчал. — Теперь скажи, хочешь ты получить отпуск?

Брек Веронар молча стоял под этим жестким взглядом. Его жизнь, теперь он это знал, зависела от его ответа. Он глубоко вздохнул.

— Нет, — произнес он.

В глазах Астрарха была все та же испытующая сила.

— Мои офицеры протестуют, — заметил он, — не хотят служить с тобой, раз нам приходится выступить против Земли. Ты у них на подозрении.

Брек Веронар глотнул воздух.

— Гримм и его жена, — хрипло прошептал он, — когда-то были моими друзьями. Я надеялся, что мне не придется их предавать. Но я получил от них письмо.

Он снова запнулся и глотнул воздух.

— Можете доказать вашим людям, что я больше не землянин. Корабль, который Гримм и его жена послали за мной, будет ждать восьмого апреля по земному календарю в пустыне к югу от марсианского города Торэна.

На лице Астрарха, похожем на бледную маску, появилась улыбка.

— Я рад, что ты признался во всем, Веронар, — проговорил он. — Ты был мне очень полезен... и ты мне нравишься. Теперь я могу сообщить тебе, что мои агенты прочли письмо, спрятанное в сигаре. Корабль повстанцев захвачен и уничтожен космическим патрулем всего несколько часов назад.

Брек Веронар покачнулся, у него потемнело в глазах.

— Тебе нечего бояться. — Астрарх тронул его за руку. — Полетишь вместе с флотом; тебе поручается автовизор. Мы отправляемся через пять часов.

Длинный черный корпус «Уориор Куин» поднялся на дюзах, выбрасывающих языки пламени. Флагманский корабль повел за собой эскадру. Другие эскадры двинулись с баз на Палладе, Весте, Туле и Эросе. Второй флот вылетел по направлению к Солнцу со своих баз на Троянских планетах. Четыре недели спустя, встретившись около Марса, двадцать девять больших кораблей полетели вместе.

Армада Астрархии направлялась к Земле.

Войдя к диктатору в штурманскую рубку, Брек выразил свое недоумение:

— Я все же не вижу причин для такой демонстрации мощи. Почему вы собрали три четверти своих космических сил, чтобы раздавить горсть заговорщиков?

— Нам придется иметь дело не только с горстью заговорщиков. — Сквозь бледную маску лица Астрарха проступала затаенная тревога. — Миллионы землян работали годами, подготавливая свое восстание. Земля построила космический флот.

— Флот? — удивился Брек.

— Детали производились тайно, главным образом на подземных заводах, — уточнил Астрарх. — Водолазы монтировали корабли на дне пресноводных озер. Ваш старый друг Гримм умен и опасен. Прежде чем начать бомбардировку Земли, чтобы покорить ее, мы должны уничтожить его флот.

Брек твердо встретил взгляд Астрарха.

— Сколько у них кораблей? — спросил он.

— Шесть.

— Значит, у нас впятеро больше. — Брек презрительно улыбнулся. — Не говоря уже о преимуществах автовизора. Битвы фактически не будет.

— Вероятно, нет, — подтвердил Астрарх. — Но Гримм способный человек. Он изобрел новый тип дюзы, в некоторых отношениях превосходящий нашу. — Его темные глаза помрачнели. — Землянин против землянина, — тихо сказал он. — И один из вас должен погибнуть.

С каждым днем армада приближалась к Земле.

Автовизор был и глазами флота и его боевым мозгом.

Чтобы удлинить базу для автоматической триангуляции, на полудюжине кораблей были установлены добавочные датчики ахронного поля. Сведенные в узкий пучок, ахронные лучи пересылали их данные огромному главному прибору, находившемуся на «Уориор Куин». Посредством ахронного луча автовизор управлял каждым кораблем и устанавливал прицел его пушек.

«Уориор Куин» вел за собой флот. Автовизор держал остальные корабли в точной кильватерной колонне, так что в телескопы Земли можно было видеть только одно круглое сечение.

Когда до восставшей планеты осталось тридцать миллионов километров — пятьдесят часов полета при нормальном замедлении, автовизор обнаружил вражеский флот.

Веронар сидел у вогнутого пульта управления.

За ним в просторной, тускло освещенной бронированной каюте громоздился главный прибор. В поставленных друг на друга тысячах ящичков, выкрашенных в зеленый цвет, — сложных ячейках механического мозга — жужжали анализаторы и интеграторы геодезических линий. Датчики ахронного поля — чувствительные элементы мозга — помещались в невзрачных черных коробочках. А паутина ахронных передающих лучей, мгновенных, ультракоротких, неэлектромагнитных волн субэлектронного типа — нервных волокон, соединяющих рабочие ячейки, — была совсем невидима.

Перед Бреком стоял семиметровый куб стереоэкрана, куда мозг передавал результаты своих наблюдений. Сейчас куб чернел такой кристаллической чернотой, которую можно наблюдать только в космосе. Земля виднелась в нем как длинный туманный полумесяц, трепещущий красным сиянием. Луна — как голубой серп меньшей величины, ярко блестящий из-за искусственной атмосферы.

Брек коснулся клавиш сложного управления. Луна скользнула за пределы куба. Земля увеличилась и повернулась. Автоvisor победил время и пространство. Он показал ту сторону Земли, которая была обращена к Солнцу.

Неправдоподобно реальная, она заполнила стереоэкран. Большой белый диск зоны низкого давления выделялся на сверкающей синеве Тихого океана. Другой диск, заслоняя темную Северную Америку, доходил до залитой светом серой шапки Арктики.

В сумрачной каюте тихо зазвонил гонг. На стереоэкране вспыхнуло несколько белых огоньков. Затем

появилась красная огненная стрелка, которая указывала на крошечное черное пятнышко.

Снова зазвонил гонг, и на экране возник второй черный комочек. За ним третий. Потом их стало шесть. Глядя на них, Веронар почувствовал, как в его душе шевельнулась невольная гордость и неясное сожаление.

Эти шесть кораблей были могучими созданиями Тони Гримма и Элоры, боевой силой Земли. Боль сжала горло Брека. На глазах его показались слезы. Неужели корабли должны быть уничтожены?!

Наверное, Тони находится на борту одного из них. Брек подумал, как он выглядит теперь, двадцать лет спустя. Что, у него до сих пор веснушки? Потолстел ли он? По-прежнему ли, когда он задумывается, между бровями у него появляется складка?

А Элора? С ним ли она? Брек знал, что она должна быть с Тони. Мысленно он представил себе девушку с Марса, стройную, живую и пылкую, какой она была прежде. Затем попытался отогнать от себя этот образ. Время, должно быть, не пощадило ее. Наверно, за годы труда и опасностей она изменилась; ее темные глаза, должно быть, потеряли свой блеск.

Брек должен был забыть, что эти маленькие пятнышки воплощают жизнь Тони и Элоры, независимость Земли. Это были только шесть маленьких комочков материи, шесть целей для автовизора.

Он смотрел, как они, поднимаясь, вились вокруг огромного светящегося диска планеты. Это были всего лишь шесть математических точек. Они чертили мировые линии сквозь континуум, нанося сеть геодезических крок, чтобы анализаторы могли расшифровать их, а интеграторы — спроектировать в будущее.

И опять зазвонил гонг.

Брек вдруг понял смысл происходящего. Волнуясь, он схватил телефонную трубку.

— Дайте мне Астрарха... Срочное донесение... Нет, адмирал не годится... Горро, автовизор обнаружил флот Земли... Да, всего шесть кораблей, они только что поднялись со стороны, обращенной к Солнцу. Но есть одно тревожное обстоятельство.

Голос Брека стал хриплым.

— Сейчас они построились за планетой в кильватерную колонну. Их оси направлены прямо на нас. Значит, им были точно известны наши координаты, прежде чем они сами попали в зону прямого видения. По-видимому, Тони Гримм изобрел свой собственный автовизор!

Шли полные напряжения часы. Флот Астрарха уменьшил скорость, чтобы после боя окружить и бомбардировать планету. Корабли Земли летели с обычным ускорением.

— Они должны остановиться, — произнес Астрарх. — В этом наше преимущество. Если они пролетят мимо нас с большой скоростью, мы бомбардируем и покорим Землю прежде, чем они успеют вернуться. Они должны повернуть назад — и тут-то мы их и встретим.

Однако, как ни странно, флот Земли по-прежнему ускорял ход, и Брек постепенно начал понимать почему. Могло быть только одно объяснение этому. Земляне поставили жизнь своей планеты в зависимость от одного короткого боя.

Словно они были уверены в победе!

Час боя приближался. Сведенные в узкий пучок, ахронные лучи передали приказание из рубки Астрар-

ха, и флот подготовился к бою, построившись в форме огромного неглубокого кубка так, чтобы каждая пушка могла быть направлена на противника.

Наступал час, близилось мгновение!

Возникая в огромном темном пространстве, где помещался автовизор, заглушая жужжание ахронного интегратора, гремел голос большого мозга, отсчитывая минуты.

— Минус четыре...

Автовизор был включен, датчики настроены, направляющие реле проверены, учтены тысячи подробностей. Сидя за доской управления, Брек Веронар пытался успокоиться. Его дело было сделано.

Космический бой сводился к сражению машин. Человеческие существа были слишком слабы, слишком медлительны даже для того, чтобы понять игру титанических сил, которые они развязали. Брек старался не забывать о том, что он был изобретателем автовизора, и все-таки его охватил непреодолимый ужас.

— Минус три...

Натриевые бомбы заполнили пустоту впереди огромными серебряными перьями и развевающимися лентами — при автовизоре объективы телескопа были не нужны; корабли могли идти в бой и сквозь плотную дымовую завесу.

— Минус две...

Оба флота встретились при относительной скорости около двух миллионов километров в час. Оптимальная скорость для двадцатидюймовых пушек даже при наличии автовизора была только тридцать тысяч километров в свободном пространстве.

Брек понял: значит, битва может продолжаться не дольше двух минут. За это короткое время решится

судьба Астарха и Земли... Тони Гримма, Элоры и его собственная.

— Минус одна...

Натриевые завесы образовали в огромном черном кубе небольшие хлопья и серебряные полоски. При помощи магических датчиков ахронного поля сквозь эти хлопья были видны шесть кораблей Земли, построенных теперь тесным кольцом и готовых к бою.

Брек Веронар взглянул на украшенный драгоценными камнями ручной хронометр, подарок Астарха. Прислушиваясь к гудению ахронных интеграторов, которое все усиливалось, он задержал дыхание и внутренне весь сжался.

— Ноль!

Корпус «Уориор Куин» задрожал: каждые полсекунды ее большие пушки давали залп в четыре выстрела. Переведа дух, Брек стал глядеть на хронометр — больше ему ничего не оставалось делать. А через две минуты...

Корабль встряхнуло, и огни погасли. Завыли сирены, захлопали воздушные клапаны. Внезапно куб стереоэкрана потемнел. Ахронные интеграторы задрезжали и остановились.

Пушки умолкли...

— Энергии! — задыхаясь, крикнул в телефон Брек. — Дайте мне энергии! Авария! Автовизор не действует и...

Но телефон не работал.

Больше попаданий не было. Обширная каюта погрузилась во мрак. Царила тишина. Через бесконечно долгое время зажглись слабые аварийные огни. Брек снова взглянул на хронометр и понял, что битва окончена.

Но кто победитель?

Он все еще надеялся, что они выиграли битву, прежде чем последним удачным бортовым залпом противник вывел из строя флагманский корабль. Но в каюту, спотыкаясь, вошел Астрарх, ошеломленный и бледный.

— Разбиты, — пробормотал он. — Ты подвел меня, Веронар.

— Какие потери? — спросил Веронар.

— Все потеряно. — Потрясенный диктатор устало опустил на стул у доски управления. — Твои ахронные лучи бездействуют. Пять кораблей смогли еще передать по радио весть о поражении. Два из них надеются произвести ремонт своими силами. «Уориор Куин» выведен из строя. Атомные реакторы разбиты, и главная силовая установка не работает. Ремонт невозможен. А орбита, по которой мы сейчас летим, подходит слишком близко к Солнцу. Мы изжаримся заживо.

Его надушенная темноволосая голова безнадежно опустилась.

— За эти две минуты Астрархия уничтожена. — Глубоко запавшие, горящие глаза злобно взглянули на Брека. — Всего за две минуты! — Он ударил белым кулаком по столу. — Если бы можно было вернуть время...

— Как они сумели нас разбить? — спросил Брек. — Не понимаю!

— Меткой стрельбой, — устало проговорил Астрарх. — У Тони Гримма есть что-то лучшее, чем твой автовизор. Он разбил нас прежде, чем мы смогли определить расстояние. — На лице Астрарха, похожем на бледную маску, застыло выражение горечи. — Если бы двадцать лет назад мои агенты пригласили его вместо

тебя... — Он до крови закусил губу. — Но прошлое изменить нельзя.

Брек смотрел на огромный безмолвный куб авто-визора.

— А что если можно? — прошептал он.

Астрарх встал и, дрожа, схватил его за руку.

— Ты и прежде говорил об этом, — задыхаясь, про-изнес диктатор. — Тогда я не хотел тебя слушать. Но теперь попробуй все, что можешь, Веронар. Спаси нас, чтобы мы не изжарились живьем в перигелии. Ты и в самом деле думаешь...

Бледный Астрарх покачал головой.

— Я сошел с ума, — прошептал он. — Разве можно изменить даже две минуты прошлого! — Его глубоко сидящие глаза сверлили Брека. — Хотя ты и делал удивительные вещи, Веронар...

Землянин все еще не отрывал взгляда от своего великого создания.

— Сам автовизор подсказал мне перед боем реше-ние этой задачи, — медленно прошептал он. — Поля детектора поймали луч Тони Гримма и проанализиро-вали частоты. Он применяет ахронную радиацию с ча-стотой на целую октаву выше, чем все то, что пробовал я. Должно быть, это и есть путь к достижению чувст-вительности и проницаемости, которую я надеялся получить.

Глаза Астрарха зажглись надеждой.

— Ты думаешь, нас можно спасти? Но как?

— Если луч высокой частоты найдет определяющие факторы, — ответил Брек, — то, может быть, удастся и изменить их при помощи достаточно мощного поля. Вспомните, что мы имеем дело с вероятностями, а не с достоверностью. И небольшие факторы могут приво-

дить к важным результатам. Нужно перемонтировать датчики. И нам понадобится энергия, чтобы спроектировать прослеживающие поля. Нужен целый поток энергии, чтобы выделить решающий фактор и попытаться его изменить. Но ведь силовые установки не работают.

— Перемонтируй свои датчики, — предложил Астрарх. — А энергия у тебя будет, даже если мне придется бросить всех, кто есть на борту, в топку конвертеров вместо горючего.

Вновь успокоившись и преисполнившись доверия к Бреку, низенький человек вопрошающе посмотрел на высокого худощавого землянина.

— Ты странная личность, Веронар, — заметил он. — Воюешь со временем и судьбой, чтобы раздавить родную планету. Не удивительно, что люди называют тебя ренегатом.

Брек ответил не сразу. Наконец в изнеможении покачав головой, он сказал:

— Я не хочу изжариться живьем. Дайте мне энергию... и мы повторим этот бой.

Разбитый корабль летел по направлению к Солнцу. Два десятка высококвалифицированных техников под опытным руководством Брека трудились над тем, чтобы перемонтировать ахронный датчик. И сотня людей работала под жестким присмотром самого Астрарха, ремонтируя поврежденные атомные конвертеры.

Они уже пересекли орбиту Венеры, когда автовизор ожил и зажужжал. Астрарх стоял с Бреком у вогнутой доски управления. Тень сомнения вновь промельк-

нула в его покрасневших, давно не знавших сна глазах.

— Ну как, теперь можно вернуться к бою? — спросил он.

— Пока ничего конкретного сделать нельзя, — ответил Брек. — Сначала мы должны исследовать прошлое, определить, почему Тони Гримм изобрел лучший автовизор, чем я. С помощью поля высокой частоты и используя, если понадобится, всю мощность судовых конвертеров, мы должны изменить этот фактор. Тогда исход боя может оказаться иным.

Брек стал перебирать клавиши управления. Ахронные интеграторы зажужжали, огромный черный куб замерцал, и по нему стали пробегать призрачные образы. То тут, то там вспыхивали и исчезали цветные огоньки сигналов.

— Ну, что? — хрипло, с тоской спросил Астрарх.

— Работает! — заверил его Брек. — Следящие поля бегут по всем мировым линиям, пересекавшимся во время боя, уходят в прошлое на месяцы и годы. Анализаторы выделяют самый слабый, а значит, и легче всего изменяемый определяющий фактор.

Астрарх схватил его за плечо.

— Там... в кубе... это ты!

Призрачный образ землянина потух и вновь появился. И с этой минуты изображение Брека стало мелькать в кубе непрерывно. Сначала он видел себя в большой лаборатории арсенала, в Астрофоне. Каждый раз он был одет по-другому, каждый раз казался все моложе.

Потом фон изменился. Брек затаил дыхание: он узнал мелькающие голые каменные холмы цвета охры

и низкие желтые здания из необожженного кирпича. Увидев веснушчатого рыжего юношу и стройную загорелую темноглазую девушку, он вздрогнул.

— Это на Марсе! — прошептал он. — В Торэне. Тони Grimm. И Элора Рони, марсианская девушка, которую мы оба любили.

Мелькание в кубе вдруг приостановилось, картина застыла. Скамья на пыльном школьном дворе у кирпичной стены. Элора Рони с пером в руке. На коленях у нее клочок бумаги, под который подложена стопка книг. Темные глаза устремлены вдаль, на загорелом лице огорчение и тревога.

В огромной мрачной каюте разбитого корабля тихонько зарыдал гонг. В кубе зажглась красная стрелка и ткнулась острием в записку на коленях девушки. Вокруг нее вспыхнули загадочные знаки. И Брек заметил, что ахронные интеграторы перестали гудеть.

— Что это? — с тревогой спросил Астрарх. — Школьница пишет записку... какое это имеет отношение к космическому бою?

Брек расшифровал огненные знаки.

— Она решила бой в тот день, двадцать лет назад. — В его голосе звучало ликование. — Понимаете, в тот вечер она условилась пойти танцевать в Торэн с Тони Grimмом. Но ее отец как раз читал специальную лекцию о новых теориях ахронной силы. Тони не пошел с Элорой, чтобы присутствовать на лекции.

Брек не спускал глаз с неподвижного изображения в кубе; его голос слегка охрип.

— Элора рассердилась... тогда она еще не очень хорошо знала Тони. Я предложил ей провести вечер

вместе. И в тот момент, видите, она как раз написала записку, в которой согласилась пойти со мной.

Брек перевел дух.

— Но, вы видите, она в нерешительности. Потому что она любит Тони. Еще немного, и Элора разорвала бы записку, адресованную мне, и написала бы другую Тони.

Астрарх смотрел перед собою взглядом обреченного человека.

— Но как это могло решить исход битвы?

— В прошлом, которое мы пережили, — сказал Брек, — Элора послала записку мне. Я пошел с ней на танцы, пропустив лекцию, а Тони был на лекции, и там у него зародилась идея, в результате которой его авто-визор в конце концов оказался лучше моего. Но если бы вместо того, чтобы писать мне, Элора написала Тони, он бы раскаялся и пропустил лекцию, — это показывают анализаторы. Вместо Тони на ней бы присутствовал я, и мой автовизор в конце концов оказался бы лучше.

Астрарх медленно кивнул. Лицо у него стало совсем восковым.

— Но... ты в самом деле можешь изменить прош-
лое?

Брек помолчал, потом серьезно ответил:

— В нашем распоряжении энергия судовых конвертеров. У нас ахронное поле высокой частоты — рычаг, к которому мы приложим эту энергию. Несомненно, истратив миллионы киловатт, мы сможем воздействовать на несколько клеток мозга школьницы. Посмотрим.

Его длинные бледные пальцы быстро забегали по клавишам регулировки. Наконец он осторожно тронул

зеленую кнопку. На безмолвном корабле снова послышался шепот конвертеров. Снова зажужжали ахронные интеграторы. За его спиной тихонько завывли гигантские трансформаторы.

И неподвижная картина вдруг ожила. Брек и Астрарх подоодвинулись к экрану.

Элора Рони разорвала записку, начинавшуюся словами «Дорогой Билл...» Дрожащими пальцами она быстро начала писать: «Дорогой Тони... Я так жалею, что рассердилась. Сегодня вечером...»

Изображение померкло.

— Минус четыре...

Услышав металлический скрежет громкоговорителя, Брек Веронар сразу пришел в себя. Неужели он задремал... за четыре минуты до встречи с противником? Веронар встряхнулся. У него было странное, неприятное чувство: как будто он видел и уже почти забыл кошмарный сон, в котором битва разразилась и была проиграна.

Он протер глаза, оглядел показания приборов на щите управления. Автоvizор был включен, датчики настроены, управляющие реле проверены. Его дело сделано. Он попытался ослабить невероятное напряжение во всем теле.

— Минус три...

Натриевые бомбы заполнили пустоту перед кораблем огромными серебряными перьями и развевающимися лентами. Глядя в черный куб экрана, Брек снова обнаружил шесть крошечных пятнышек — корабли Тони Гримма. Брек невольно вздрогнул.

С ума сошел Тони, что ли? Почему он не повернет в сторону, чтобы уклониться от встречи с противником? Рассеянные в космосе, его корабли могли бы напасть на торговые суда Астарха и заставить его прекратить бомбардировку Земли. Но в открытом бою они будут побеждены.

Брек прислушался к спокойному гудению ахронных интеграторов. При сложившихся условиях новый автовизор мог обеспечить сорок процентов попаданий. Даже если пушки Тони стреляют совершенно точно, у Астарха все равно остается преимущество два к одному.

— Минус две...

Две минуты! Брек посмотрел на свой украшенный драгоценными камнями ручной хронометр. На мгновение у него мелькнуло странное чувство. Эти часы показались ему чужими. А ведь он их носил уже двадцать лет.

Циферблат слегка светился. Он вспомнил, как Тони и Элора подарили ему эти часы — в тот день, когда он покинул университет и улетел в Астрофон. Слишком роскошный подарок. Ведь денег у них обоих было немного.

Он подумал о том, догадывался ли когда-нибудь Тони о его любви к Элоре. Наверное, было к лучшему, что она всегда отвергала его ухаживания. Тень ревности никогда не омрачала их дружбы.

— Минус одна...

Он не допустит этого! Брек снова бросил на экран взгляд, на этот раз почти гневный. И по-прежнему в серебре щелочных облаков ему чудились лица Тони и Элоры. Его не оставляло странное чувство — ему ка-

залось, что он снова ощущает легкое прикосновение пальцев Элоры, касающихся его руки, когда она надевала ему часы.

И вдруг черные пятнышки на экране перестали быть для него целыми. Брек глубоко, прерывисто вздохнул. В конце концов он был землянином. Двадцать лет он получал щедрое жалование от Астрарха, и все же эти часы были самой драгоценной его собственностью.

Его серые глаза гневно сузились. Без автовизора флот Астрарха блуждал бы вслепую в натриевых облаках. Какой бы ахронный измеритель расстояния ни применял Тони Гримм, он мог легко сбить корабли противника.

Брек вздрогнул. Разумеется, он идет на верную смерть. Но в предстоящем бою это было не важно. Он знал, что примет смерть без сожаления.

— Ноль!

Ахронные интеграторы деловито жужжали; корабль содрогнулся от первого залпа своих пушек. Но тут же сжатые кулаки Брека опустились на тщательно смонтированную клавиатуру. Гудение автовизора стихло. Пушки смолкли.

Брек взял трубку телефона Астрарха.

— Я остановил автовизор. Включить его снова в течение этих двух минут совершенно невозможно.

Телефон звякнул и замолчал.

Корабль встряхнуло, огни погасли. Завыли сирены. Захлопали клапаны вентиляторов. Огни зажглись, потом снова погасли. Попаданий пока больше не было. В окутанной мраком большой каюте воцарилось безмолвие.

Только быстро, чуть слышно тикал хронометр.

Время тянулось бесконечно. Наконец, зажглись слабые аварийные огни. В каюту, спотыкаясь, вошел Астрарх, ошеломленный и бледный.

За ним следовал отряд космонавтов. Расстроенные злобные физиономии странно выделялись на фоне ярких мундиров. Столкнувшись лицом к лицу с их мстительной ненавистью, Брек похолодел, ему стало не по себе. Но Астрарх не позволил им проявить свою враждебность.

— Землянин наказал и себя вместе с нами, — сказал им потрясенный диктатор. — Вам почти ничего не придется добавить. И уж, конечно, торопиться здесь незачем.

Они с роптанием остановились у двери; Астрарх медленно подошел к Бреку.

— Мы разбиты, — прошептал он. — Ты уничтожил меня, Веронар. — Дрожащей рукой он провел по своему бледному, как восковая маска, лицу. — Все потеряно. «Уориор Куин» выведен из строя. Ни один из наших кораблей не может прийти к нам на помощь. Мы изжаримся заживо.

Его глубоко сидящие глаза с тоской уставились на Брека.

— За эти две минуты ты уничтожил Астрархию. Всего две минуты, — устало прошептал он. — Если бы можно было вернуть время...

— Да, — сказал Брек. — Я остановил автовизор. — Он вызывающе пожал плечами и встретил грозные взгляды солдат. — А они ничем не могут помочь?

— А ты разве можешь? — В глазах Астрарха мелькнула надежда. — Когда-то ты говорил мне, Веронар, что прошлое можно изменить. Тогда я не хотел

тебя слушать. Но теперь... попробуй все, что можешь. Ты мог бы избежать серьезных неприятностей, которые готовят тебе мои люди...

Космонавты тихо переговаривались между собой. Брек посмотрел на них и покачал головой.

— Я допустил ошибку, — неторопливо сказал он. — Не учел двустороннего характера времени. Но будущее — я теперь понял — так же реально, как и прошлое. Если не принимать во внимание знака изменения энтропии и потока сознания, невозможно отличить одно от другого. Будущее определяет прошлое, так же как прошлое определяет будущее. Можно выделить определяющий фактор и даже, применив достаточную энергию, вызвать местное отклонение геодезических линий. Но мировые линии закреплены в будущем так же твердо, как и в прошлом. Как бы мы ни перемещали факторы, окончательный результат всегда остается тем же.

Восковое лицо Аstrarха было безжалостно.

— Тогда ты осужден, Веронар.

Брек медленно улыбнулся.

— Не называй меня Веронаром, — тихо произнес он. — Я вовремя вспомнил о том, что я Уильям Уэбстер, землянин. Ты можешь убить меня любым способом. Но поражение Аstrarхии и освобождение Земли теперь запечатлены во времени — навеки.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ПРИШЕЛ СЛИШКОМ РАНО

Да, к старости человек узнаёт так много, что странным кажется, какая малость может его иногда удивить. Говорят, у миклагардского короля перед троном лежит зверь из чистого золота, который будто бы встанет на дыбы и рычит. Слышал я об этом от Эйлифа Эйриксона, что служил в королевской дружине, а ему, когда он не пьян, верить можно. Видел он и греческий огонь, горящий на воде.

Вот почему, жрец, я так легко верю твоим рассказам о Христе. Бывал я и в Англии, и в стране франков, видел — хорошо живет там народ. Должно быть, это очень могущественный бог, коли столько народов поклоняется ему... Ты как будто сказал, что каждому, кто перейдет в твою веру, дадут белую одежду? Я бы не прочь иметь такую. Только вот заплесневает она из-за наших проклятых исландских туманов, но ведь можно принести жертву домовым, и... Как? У вас этого не делают? Полно! Я готов даже поступиться куском доброй конины, хоть зубы у меня уже совсем не те... Ведь каждый разумный человек знает, сколько

неприятностей могут причинить домовые, если их не накормить досыта.

...Что ж, выпьем еще по чаше и поговорим. Нравится тебе мое пиво? Я сам его варю. А чаши эти я привез из Англии много лет назад. Тогда я был еще молод... Как идет время... Потом я вернулся сюда, получил в наследство от отца вот эту усадьбу и с тех пор уж никуда не уезжал. Плавать с викингами хорошо смолоду, а станешь постарше — начинаешь понимать, чем по-настоящему богат человек: богатство — это земля и скот.

Подкинь-ка топлива, Хьялти! Холодновато становится. Порой мне кажется, что зимы теперь куда суровее, чем в мои мальчишеские годы. Вот и Торбранд из Сэлмондейла тоже так считает, но, по его мнению, это боги сердятся за то, что многие из нас отвернулись от них. Нелегко тебе будет, жрец, обратить в свою веру Торбранда. Уж очень он упрям. Что до меня, то я человек сговорчивый и умею хотя бы слушать.

...И вот что еще. В одном ты неправ. Через два года не будет конца света. Уж это я знаю наверняка!

Ты спросишь меня откуда? Это длинная история, да и жуткая. Хорошо, что я уже стар и буду спокойно лежать в земле, задолго до того как наступит это великое завтра. Страшное будет время перед тем, как придут Великие Морозы *. Нет, что я говорю — перед тем, как архангел затрубит в боевой рог. Ведь и проповеди твои я слушаю потому, что знаю: Христос одержит верх над Тором. Скоро вся Исландия примет христианство, так уж лучше оказаться в стане победителей.

* Исландское поверье, адекватное христианскому «концу света», который «намечался» на 1000 год. — *Здесь и далее в рассказе примечания редакторов.*

Нет, все что я расскажу, мне не привиделось. А случилось это пять лет назад, и мои домочадцы и соседи могут клятвенно все подтвердить. Почти никто из них не верил тому, что рассказывал незнакомец. А я вот верю, хотя бы уже оттого, что лгун, по-моему, не способен причинить столько бед. Я люблю свою дочь, жрец, и когда все кончилось, нашел ей хорошего мужа. Она не возражала, но теперь сидит со своим мужем в усадьбе на мысу и не пришлет мне даже слова привета. Муж ее, как говорят многие, недоволен, что она так молчалива, печальна, потому он и проводит ночи с наложницей-ирландкой... Укорять его я не могу, но, сказать по совести, меня все это очень огорчает.

Так вот. Я уже порядком выпил и могу поведать тебе эту историю. Мне все равно, поверишь ты или нет. Эй, девушки! Наполните-ка нам чаши, не то в горле у меня пересохнет, прежде чем я закончу рассказ.

Случилось это в один прекрасный день, пять лет назад, в конце весны. В ту пору со мной и моей женой Рагнильдой оставалось лишь двое наших детей, которые еще не обзавелись собственной семьей: младший сын Хельги — ему исполнилось тогда семнадцать зим — и восемнадцатилетняя Торгунна. Дочь моя считалась красивой. Много женихов приходило сюда, но она всем отказывала, а я не из тех, кто станет силой принуждать дочь к повиновению. Что касается Хельги, так он всегда отличался проворством и умел неплохо работать, хоть и был безрасуден по молодости лет. Сейчас-то он в Норвегии, в дружине короля Олафа. Кроме нас четверых, в доме было около десятка слуг: двое рабов-ирландцев, две служанки,

помогавшие по дому, и шесть керлов*. Хозяйство немалое!

Ты еще не видел, как расположены мои владения? В трех километрах к западу находится залив, а примерно в восьми километрах к югу, возле Рейкьявика, — несколько рыбацких дворов. По направлению к Лонг Ёкуль местность повышается; земля у меня холмистая. Зато покосы на ней хороши, а на берегу можно найти плáвник. Я даже выстроил навес для хранения леса и сарай для лодок.

Так вот, с вечера накануне того дня разыгрался шторм, и утром мы с Хельги отправились на поиски плавника. Тебе, норвежцу, не понять, как ценится дерево у нас в Исландии — ведь здесь растет только мелкий кустарник. Нам приходится привозить лес из других стран. В старину, бывало, поджигали дома кровных врагов, но мы считаем такой поступок страшным злодеянием, хотя это и теперь иногда случается...

Я жил в мире со своими соседями, поэтому мы взяли с собой немного оружия: я — топор, Хельги — меч, а у двух керлов, что нас сопровождали, были копья. После ночной бури день стоял ясный, и лучи солнца весело играли в высокой мокрой траве. Я смотрел на свои сочные луга, на сытых овец и коров с лоснящимися боками, на дым, поднимающийся из отверстия в крыше, и думал о том, что жизнь прожита не зря. Когда усадьба скрылась за холмом и мы приблизились к воде, тихий западный ветерок стал теребить волосы моего Хельги. Удивительно, как ясно вижу я сейчас все, что случилось в тот день, хотя, конечно, этот день

* Керл — в древней Исландии вольный крестьянин, не имевший собственного хозяйства. Керлы часто нанимались в батраки.

и должен был больше врезаться в мою память, нежели любой другой.

Мы спустились к морю. Оно с грохотом билось о камни, и бело-серые волны виднелись до самого края света. Несколько чаек с криком метались над нами: наше появление отпугнуло их от рыбы, прибитой штормом к берегу, где было полно плавника и лежал даже целый сосновый ствол... Наверное, в ту ночь потонуло груженное бревнами судно. находка была ценной, но мне, как человеку осторожному, следовало совершить жертвоприношение, дабы не опасаться бедствий, которые может наслать дух владельца леса.

Мы потащили это бревно под навес, как вдруг Хельги вскрикнул. Я схватился за топор и посмотрел туда, куда указывал сын. Кровной вражды у нас в ту пору не было ни с кем, но ведь нередко в наших местах появляются всякие бродяги.

Однако этот человек выглядел вполне безобидно. И вправду, пока он, спотыкаясь, шел к нам по сырому песку, я заметил, что он совсем безоружен, и не мог понять, откуда он взялся. Это был рослый здоровяк в очень странной одежде: куртка, штаны и башмаки похожи были на наши, но какого-то нелепого покроя, а на икрах вместо перетянутых крест-накрест ремешков были какие-то чулки из твердой кожи. Не доводилось мне видеть и такого шлема: почти квадратный, он прикрывал шею, а нос оставался открытым — стрелки не было. Держался этот шлем на голове при помощи кожаного ремешка, и, верите ли, он был сделан из одного цельного куска, только не похожего на металл.

Подойдя немного ближе, незнакомец торопливо и неуклюже побежал в нашу сторону, размахивая руками и что-то выкрикивая. Слова его больше походили

на собачий лай, чем на любой из языков — а я их слыхивал немало. Он был бритый, темные волосы коротко подстрижены, и я решил, что незнакомец, должно быть, франк. Этот человек был молод и хорош собой — голубоглазый, с правильными чертами, и хотя сложения он был отменного, по цвету его кожи я определил, что бóльшую часть жизни он провел под крышей.

— Может, он с потонувшего корабля? — спросил Хельги.

— Посмотри на его одежду, — возразил я, — она у него сухая и чистая. Видно, он не так давно странствует, даже бородой не оброс! Но что-то я не слышал, что у нас в округе гостит какой-либо чужестранец.

Мы опустили оружие, а он подбежал к нам и остановился, судорожно переводя дыхание. Я увидел, что его куртка и рубашка не зашнурованы, а скреплены какими-то косточками и сшиты из плотной материи. На шее у него висела засунутая под куртку узкая полоска ткани. Все эти одеяния были коричневатых оттенков. Башмаки его тоже выглядели нелепо, но были сшиты на славу. На плотной куртке в разных местах крепились кусочки меди, на каждом рукаве — по три светлых полосы и черная лента с такими же белыми буквами, что и на шлеме. Это были не руны, а настоящие римские буквы «MP» *. Опясывал его широкий ремень, на котором сбоку в ножнах висел маленький, похожий на дубинку, металлический предмет, а с другого боку — обыкновенная дубинка.

— Он, наверное, колдун, — пробормотал мой керл Сигурд. — Иначе к чему все эти амулеты?

* Military Police — военная полиция (англ.).

— Может, для красоты или от дурного глаза, — успокоил его я. И, обратившись к незнакомцу, сказал: — Я Оспак Уольфсон из Хилстеда. А кто ты такой?

Грудь его тяжело вздымалась, взгляд был безумным. Он, должно быть, прибежал издалека. Потом он застонал и, закрыв лицо руками, опустился на землю.

— Он, наверное, болен, лучше отведем его домой, — предложил Хельги.

Глаза Хельги сияли — нам так редко удается видеть новые лица.

— Нет... нет... — поднял голову незнакомец. — Дайте мне минутку передохнуть...

Говорил он по-норвежски довольно бегло, но произносил слова так, что его трудно было понять. Кроме того, он вставлял в свою речь много чужеземных слов, которых я не знаю.

— Может, это викинги высадились? — вмешался мой второй керл Грим и сжал в руке копьё.

— Где же это видно, чтобы викинги появлялись в Исландии? — усмехнулся я. — Спокон веку не было такого.

Незнакомец затряс головой, словно приходя в себя после удара. Чуть пошатываясь, он поднялся на ноги.

— Что случилось? — спросил он. — Что случилось с городом?

— С каким городом? — удивленно спросил я.

— С Рейкьявиком! — простонал незнакомец. — Где он?

— В пяти километрах к югу, откуда ты пришел, если только ты не имеешь в виду фьорд, — ответил я.

— Нет! Там осталась лишь отмель с несколькими жалкими лачугами да...

— Берегись, если Ялмар Широконосый услышит, как ты отзываешься о его усадьбе, — предупредил я.

— Но там был город! — вскричал он. Взгляд его снова стал безумным. — Я переходил улицу, когда раздался взрыв, все стало рушиться, я очутился на берегу, а город исчез!

— Он спятил, — отступая на шаг, сказал Сигурд. — Осторожней! Если у него изо рта пойдет пена, значит, он берсёрк*.

— Кто вы? — пробормотал незнакомец. — Почему вы все в такой одежде? Зачем вам эти копыя?

— Нет, не похож он на безумца, — заметил Хельги. — Он просто перепуган и растерян. Не иначе как с ним что-то стряслось!

— На нем — проклятье богов, не хочу я стоять рядом с ним! — взвизгнул Сигурд и бросился бежать.

— Вернись! — закричал я. — Стой, не то я проломлю твою вшивую голову!

Сигурд остановился — у него не было родни, которая могла бы за него отомстить, — но к нам не подошел. Тем временем незнакомец успокоился настолько, что по крайней мере обрел способность членораздельно говорить.

— Это была водородная бомба, да? — спросил он. — Разве началась война?

Он и потом часто повторял слова «водородная бомба», вот я и запомнил их, хоть и не ведаю, что они значат. Кажется, что-то вроде греческого огня. Что же касается войны, то я не понял, о какой войне идет речь.

— Вчера вечером разыгралась сильная буря, — добавил я. — Ты говоришь, что слышал грохот. Быть

* Берсёрк — свирепый воин, приходящий в иступление и одержимый припадками безумия. Древние скандинавы верили в неуязвимость берсерка.

может, Тор* ударил своим молотом и перенес тебя сюда.

— Куда это сюда? — спросил он.

Теперь, когда первый испуг прошел, голос его звучал ровнее прежнего.

— Я тебе уже говорил. Это Хилстед в Исландии.

— Но я и был в Исландии, — пробормотал он. — В Рейкьявике... Что произошло? Наверное, все уничтожено водородной бомбой, пока я был без сознания?

— Ничего не уничтожено, — возразил я.

— Быть может, он говорит о пожаре в Олафсвике месяц назад? — предположил Хельги.

— Нет, нет! — Он закрыл лицо руками, но спустя минуту снова взглянул на нас и произнес: — Послушайте. Я Джеральд Робертс, сержант военной базы Соединенных Штатов в Исландии. Я был в Рейкьявике в тот момент, когда в меня ударила молния или что-то другое. Очутившись вдруг на берегу моря, я испугался и побежал. Вот и все. А теперь объясните мне, как добраться обратно до базы.

Я почти слово в слово передаю тебе, жрец, все, что он сказал. Мы, конечно, не поняли и половины его слов, а потому заставили его повторить их несколько раз и объяснить, что они значат. Но даже тогда мы уразумели только, что он из какой-то страны, называемой Соединенными Штатами Америки, что находится эта страна, по его словам, к западу от Гренландии и что он вместе с другими своими соотечественниками прибыл в Исландию, чтобы защищать наш народ от врагов. Он не лжет, думал я, скорее, просто ошибается

* Тор — в скандинавской мифологии бог-громовержец, вооруженный каменным топором; покровитель земледельца.

или все это ему пригрезилось. Грим готов был уложить его на месте за то, что он считает нас глупцами, способными поверить его рассказам, но я-то видел: незнакомец говорит то, что думает.

Когда ему удалось втолковать нам все это, он почти совсем пришел в себя.

— Послушайте, — начал он тоном чересчур рассудительным для рехнувшегося, — давайте попробуем добраться до истины вместе. Разве вы не слышали о войне? Ничего такого, что бы... Ладно, слушайте. Мои соотечественники впервые прибыли в Исландию, чтобы охранять ее от немцев. Вы знаете, когда это было?

Хельги покачал головой.

— Я-то знаю, что такого никогда не было, — ответил он. — А кто эти немцы? Если только не старые колдуны...

— Он говорит об ирландских монахах, — объяснил я. — Тут жило несколько монахов, но когда пришли норвежцы, их выгнали. Это было... хм... лет сто с чем-нибудь назад. Твой народ помогал этим монахам?

— Да я о них и знать не знаю! — воскликнул он, как-то странно всхлипнув. — Вы... Разве вы, исландцы, пришли не из Норвегии?

— Ну да, лет сто назад, — терпеливо растолковывал ему я. — А после этого король Харальд Светловосый завоевал все норвежские земли и...

— Сто лет назад! — прошептал он, и я увидел, как лицо его побледнело. — Какой же сейчас год?

Мы уставились на него в изумлении.

— Второй год после великой охоты на лосося, — пытался вразумить его я.

— Какой год с рождества Христова, спрашиваю я? — прохрипел он, с мольбой глядя на нас.

— А, значит, ты христианин? Хм, дай-ка подумать... Однажды в Англии мне довелось беседовать с епископом. Мы с него взяли выкуп, а потом отпустили, так он сказал... Подожди-ка... Он вроде сказал, что ваш Христос жил тысячу лет назад или, быть может, чуть поменьше.

— Тысячу...

Незнакомец затряс головой, и что-то ушло из него, ибо глаза у него вдруг остекленели. Мне приходилось видеть стекло, я ведь говорил тебе, что побывал во многих странах... Вот так он и стоял, а когда мы повели его к усадьбе, шел покорно, как малое дитя.

Ты своими глазами видишь, жрец, что жена моя Рагнильда, хоть она уже и не молода, до сих пор хороша собой, а Торгунна пошла в нее.

Она была... Нет, и нынче она высока и стройна, а на голове у нее целая копна золотистых волос. По обычаю наших девушек она носила их распущенными по плечам. У нее были голубые глаза, чуть удлиненное лицо и алые губы. И к тому же веселый, добрый нрав, поэтому все мужчины были влюблены в нее, а Сверри Сноррасон даже в викинги ушел, когда она отказала ему, и погиб. Но ни у кого не хватило ума понять, что она так и не была счастлива...

Мы привели домой этого Джеральда Сэмсона — на мой вопрос он ответил, что его отца звали Сэм, — оставив Сигурда и Грима на берегу собирать плавник. Есть люди, которые, побоявшись колдовства, не рискнули бы привести к себе в дом христианина, но я человек не суеверный, а Хельги просто сходит с ума, когда видит что-нибудь новое. Пока мы шли полями, наш гость брел, спотыкаясь, как слепой, но едва миновали ворота, он сразу словно очнулся: обежал взглядом все

дворовые постройки от конюшен и сараев до коптильни, пивоварни, кухни, бани, капища и самого дома. А в дверях дома как раз стояла Торгунна.

На мгновение их взгляды встретились, и я увидел, что она покраснела, но тогда я над этим не задумался. Когда мы, разгоняя собак, шли по двору, наши башмаки громко стучали по плитняку. Двое моих рабов, бросив чистить конюшни, вытаращили на нас глаза, пока я не заставил их вернуться к работе, заметив, что бездельника никогда не поздно принести в жертву. (Вы, христиане, не используете это право; честно говоря, я сам тоже никогда не принес бы в жертву человеческую жизнь, но вы даже не представляете, как помогает само напоминание об этом!)

Мы вошли в дом, я назвал домочадцам имя незнакомца, поведал им, где мы его нашли. Рагнильда послала служанок разжечь огонь в очаге и принести пива, а я тем временем усадил Джеральда на самое почетное место и сел рядом с ним. Торгунна поднесла каждому из нас рог с пивом.

Пригубив напиток, Джеральд поморщился. Я даже обиделся, потому что мое пиво слывет лучшим в округе, и спросил, что ему не понравилось. Он грубовато засмеялся и ответил, что нет, мол, пиво неплохое, но он привык к такому, которое пенится и не очень кислое.

— А где такое варят? — недоверчиво спросил я.

— Везде. И в Исландии тоже. Нет... — Он невидящим взглядом смотрел перед собой. — Скажем... в Винланде.

— А где этот Винланд? — спросил я.

— На западе, откуда я приехал. Я думал, вам известно... Подождите. — Он опять покачал головой. —

Быть может, я сумею кое-что понять. Вы когда-нибудь слышали о человеке по имени Лейф Эйриксон? *

— Нет, — ответил я.

Много позднее мне пришло в голову, что именно эти слова доказывают истинность его истории, ибо теперь викинг Лейф Эйриксон известен всем; с большим доверием я ныне слушаю и рассказы о странах, которые видел Бьярни Херюльфсон **.

— А о его отце — Эйрике Рыжем, слышали? — спросил Джеральд.

— Слышал, — ответил я. — Видимо, ты говоришь про норвежца, который, убив человека, бежал из своей страны в Исландию, а потом и отсюда по той же причине; он сейчас живет вместе с другими в Гренландии.

— Тогда значит... это незадолго до путешествия Лейфа, — пробормотал он. — Конец десятого века.

— Постой, — вмешался Хельги, — мы терпеливо слушали тебя, но сейчас не время для шуток. Придержим их до пиров и похмелья. Скажи нам ясно и просто, откуда ты и каким путем сюда добрался.

Джеральд закрыл лицо руками.

— Оставь его, Хельги, — сказала Торгунна. — Разве ты не видишь, что у него горе?

Гость поднял голову и взглянул на нее, как побитая собака, когда ее погладят. В комнате было сумрачно — в окна под потолком еще падал дневной свет, поэтому

* Лейф Эйриксон, или, как его прозвали, Лейф-Счастливец, — скандинавский викинг, совершивший на исходе X века плавание к берегам Американского континента. В открытой им стране рос дикий виноград, и потому она была названа Винланд.

** Бьярни Херюльфсон — норвежский викинг. В 985 г., когда он держал путь в Гренландию, ветром и течением его отнесло к далекой лесистой земле, которую историки отождествляют с материком Северной Америки.

свечи пока не зажигали. Тем не менее я заметил, что оба они покраснели.

Глубоко вздохнув, Джеральд начал что-то искать в карманах — а у него чуть ли не вся одежда состояла из карманов. Он достал пергаментную коробочку, вынул из нее маленькую белую палочку и вставил себе в рот. Затем достал другую коробку, а из нее — деревянную палочку, провел ею по коробке, и на конце палочки вспыхнуло пламя. Этим огоньком он поджег палочку во рту и вдохнул дым.

Мы смотрели на него во все глаза.

— Это христианский обряд? — спросил Хельги.

— Нет... не совсем. — Губы его скривились в улыбку; в ней было немало разочарования и горечи. — А я-то думал, что вы удивитесь, даже испугаетесь.

— Мы и вправду видим это впервые, — признался я, — но ведь исландцы не из пугливых. Огненные палочки могут нам пригодиться. Ты приехал, чтобы торговать ими?

— Нет, вряд ли. — Он вздохнул. Дым, который он вобрал в себя, как ни удивительно, по-видимому, придал ему силы, в то время как из-за дыма в нашем помещении поначалу гость закашлялся, и у него выступили слезы на глазах. — Дело в том... Вы не поверите мне. Я сам не могу себе поверить.

Мы ждали. Торгуна застыла, чуть подавшись вперед; рот ее был полуоткрыт.

— Удар молнии... — Джеральд утомленно кивнул головой. — Во время грозы я очутился на улице, и молния, должно быть, ударила в меня, да так, как это бывает лишь один раз за многие тысячелетия. Удар этот отбросил меня в прошлые времена.

— Это были его слова, жрец. Я не понял их и сказал ему об этом.

— Понять действительно трудно, — согласился он. — Дай бог, чтобы мне это только приснилось. Но если это сон, придется потерпеть, пока я не проснусь... Так вот. Родился я в тысяча девятьсот тридцать втором году от рождества Христова, в расположенной на западе стране, которую вы еще не открыли. На двадцать третьем году жизни, вместе с войсками из моей страны, я прибыл в Исландию. В меня ударила молния — и вот... вот девятисотый с чем-то год от рождества Христова, и тем не менее я здесь — ведь осталась еще почти тысяча лет *до моего рождения* — а я здесь!

Мы молчали. Стукнув об пол молотом, я приложил к губам рог и долго пил из него. Одна из служанок захныкала, но Рагнильда, хоть и шепотом, так сурово одернула ее, что услышал и я:

— Тише! Бедняга не в своем уме, но он не причинит нам вреда.

Я был согласен с нею, хотя последние ее слова и вызывали у меня кое-какие сомнения. Устами человека безумного могут говорить боги, а богам не всегда следует доверять. Кроме того, безумец может стать берсерком, а если на нем лежит тяжкое проклятие, оно может перейти и на нас.

Он сидел, глядя прямо перед собой, а я, погрузившись в размышления, поймал на себе несколько блох и раздавил их. Заметив это, Джеральд со страхом спросил, много ли у нас здесь блох.

— Конечно, много, — ответила Торгунна. — А у тебя разве нет?

— Нет. — Он криво улыбнулся. — Пока нет.

— Ах! — вздохнула она. — Значит, ты болен.

Она рассуждала вполне здраво. Я понимал ее мысль, как понимали ее и Рагнильда и Хельги. Раз человек так болен, что на нем даже нет блох, значит, естественно, он должен заговариваться. Я было забеспокоился, не перейдет ли это на нас, но потом решил, что вряд ли. У него ведь что-то с головой, возможно, от удара, который ему нанесли. Во всяком случае, раз дело происходит на земле, а не в небесах, мы сумеем с ним справиться.

Как гóди, то есть как старейшине, который приносит жертвы, мне было невыгодно прогонять незнакомца. Более того, если он сумеет раздобыть побольше этих огненных палочек, можно будет наладить выгодную торговлю. Поэтому я велел Джеральду ложиться спать. Он было запротестовал, но мы силой уложили его в постель, где он, утомившись за день, вскоре уснул. Торгунна сказала, что присмотрит за ним.

На следующий день в благодарность за найденный лес и дабы уберечь себя от проклятия, которое могло лежать на Джеральде, я решил принести в жертву лошадь. Конечно, я выбрал старую и ни на что не годную. А кроме того, мы давно уже не лакомились свежим мясом. Джеральд весь день в задумчивости бродил по двору, но, входя в дом, чтобы поужинать, я услышал, что он и моя дочь смеются.

— Тебе, видно, лучше, — заметил я.

— Да... Ведь могло быть и хуже. — Заметив, что керлы положили на козлы доску, которая служила столом, Джеральд сел возле меня. Служанки внесли еду.

— Меня всегда привлекали времена викингов, — сказал гость, — делать же кое-что я умею.

— Что ж, — ответил я, — коли у тебя нет своего дома, можешь жить у нас.

— Я умею работать, — перебил он меня. — Вам не придется кормить меня даром.

И я понял, что он действительно пришел издалека, ибо какой вождь станет батрачить на чужой земле? И все же вел он себя с непринужденностью, свойственной людям знатного происхождения, а по виду его было заметно, что он привык к хорошей еде. Правда, явился Джеральд без даров, но я не придавал этому значения; в конце концов он потерпел кораблекрушение.

— Быть может, тебе удастся вернуться обратно в свои Соединенные Штаты, — сказал Хельги. — Снарядим корабль, и я тоже охотно посмотрю это королевство.

— Нет, — мрачно возразил Джеральд, — такой страны нет. Пока нет.

— Значит, ты продолжаешь утверждать, что пришел из завтра? — проворчал Сигурд. — Сумасшедший. Передай-ка мне лучше свинину.

— Продолжаю, — упрямылся Джеральд. Теперь он был совершенно спокоен. — И могу это доказать.

— Не понимаю, где научился ты, пришелец из дальних краев, говорить на нашем языке, — заметил я.

Я ни за что не назову человека в глаза лжецом, разве только тогда, когда мы мирно похвалиемся друг перед другом, но...

— В моей стране в мое время будут говорить по-иному, — ответил он, — а вот в Исландии язык мало изменился с древних времен, и я научился ему по приезде сюда.

— Хотя ты и христианин, — сказал я, — но уж придется тебе потерпеть, когда мы нынче вечером будем совершать жертвоприношение.

— Мне все равно, — ответил он. — Боюсь, я никогда не был особенно ревностным христианином, и мне хотелось бы посмотреть на ваш обряд. А как вы это делаете?

Я объяснил ему, как на глазах у бога наношу лошади молотом удар по голове, потом перерезаю ей горло и ветками ивы разбрызгиваю кровь. Затем мы раздываем тушу и пируем на славу. Он поспешно произнес:

— Вот теперь я и смогу доказать, кто я такой. У меня есть оружие, которое убьет лошадь... вспышкой молнии.

— А что это такое? — заинтересовался я.

Мы все столпились вокруг Джеральда, когда он вытащил из ножен кривую металлическую дубинку и показал ее нам. Меня, правда, взяло сомнение: лезвия у нее не было, и на вид она годилась, пожалуй, только для того, чтобы ударить по голове, но я понял, что сработал ее удивительно искусный мастер.

— Ладно, давай попробуем, — согласился я.

Он показал нам все, что было у него в карманах: несколько необычайно круглых монет с удивительно четкой надписью, маленький ключ, палочку с грифелем внутри, чтобы писать, и плоский кошелек, в котором было множество бумаг с какими-то знаками. Когда он торжественно заверил нас, что некоторые из них деньги, то все, даже Торгунна, расхохотались. Но лучше всего был нож: лезвие его пряталось в рукоятку. Увидев, как я обрадовался ножу, он подарил его мне — большая щедрость со стороны человека, потер-

певшего кораблекрушение. Я сказал, что взамен дам ему одежду и добрый топор и жить он может у нас столько, сколько захочет.

Нет, сейчас у меня нет этого ножа. Ты еще узнаешь почему. А жаль — это был отличный нож, хоть и совсем небольшой.

— А кем ты был до того, как стрела войны поразила твою страну? — спросил Хельги. — Купцом?

— Нет, — ответил Джеральд. — Я был... инженером... то есть я собирался им стать. Инженер строит дома, мосты, делает разные рабочие инструменты, прокладывает дороги... Это больше, чем просто мастеровой. Поэтому я и считаю, что здесь мои знания могут очень пригодиться. — В глазах его я снова увидел лихорадочный блеск. — Дайте мне время, и я стану королем!

— У нас в Исландии нет королей, — проворчал я. — Наши деды пришли сюда, чтобы избавиться от королей. У нас есть Тинг*, где мы разбираем споры и принимаем законы, но каждый человек имеет право добиваться справедливости собственными силами.

— А если обидчик не согласен подчиниться? — спросил Джеральд.

— Тогда мы вспоминаем про кровную месть, — ответил Хельги и принялся рассказывать об убийствах, совершенных за последнее время. Глаза его горели. Джеральд смятенно вертел в руках пистолет. Так он называл свою дубинку, исторгавшую огонь.

* Тинг — в скандинавской Исландии сходка, на которой решались все спорные вопросы в границах округа, в отличие от ежегодного Альтинга, собрания «самых умных людей страны».

— На тебе богатая одежда, — мягко заметила Торгунна. — Наверное, у твоей родни много земли.

— Нет, — ответил он. — Наш... наш король дает такую одежду каждому своему воину. Что же до моей семьи, то у нас нет земли, а живем мы в доме, в котором живет еще много семей.

Я и сам не люблю кичиться своим богатством, но он, этот человек, деливший со мной на правах старшего почетное место у очага, подумалось мне, нарочно приbedняется, говоря, что у него нет земли. Торгунна поспешила погасить мой гнев.

— У тебя еще будет своя усадьба, — сказала она.

Стемнело, и мы отправились к месту, где свершаются жертвоприношения. Керлы развели перед капищем костер, и, когда я отворил дверь, деревянный Один, казалось, прямо прыгнул нам навстречу *. Джеральд шепнул моей дочери, что наш бог вырезан очень грубо, а так как Одина вырезал мой отец, я еще больше рассердился на Джеральда. Некоторым людям недоступно понимание истинного искусства.

Тем не менее я позволил гостю помочь мне подвести лошадь к каменному алтарю. Взяв в руки сосуд, куда собирают кровь, я заметил, что теперь он, если хочет, может убить лошадь. Джеральд достал свой пистолет, вложил его в ухо лошади и что-то нажал. Раздался грохот, лошадь вздрогнула и упала, а в голове у нее оказалась дыра. Мозг был испорчен — вот какое грубое оружие! Затем я уловил резкий, горьковатый запах — так пахнет возле вулкана. Мы все подпрыгнули,

* Один — в мифологии древних скандинавов верховный бог, создатель рода человеческого и всего сущего, воин, мудрец и судья, а также покровитель мореплавания и торговли.

одна из женщин вскрикнула, а Джеральд с гордостью огляделся по сторонам. Опомившись, я поспешил окончить жертвоприношение. Джеральд не пожелал, чтобы его обрызгали кровью, но ведь в конце концов он был христианин. Супа из конины и конского мяса он тоже поел самую малость.

Потом Хельги долго расспрашивал его о пистолете, а он объяснял, что из пистолета можно убить человека с такого расстояния, какое пролетает стрела, но что будто бы в этом нет никакого колдовства, просто надо научиться кое-чему, чего мы еще не знаем. А поскольку мне уже доводилось слышать о греческом огне, то я ему поверил. Пистолет мог быть очень полезен в бою — в этом мне потом пришлось убедиться. Но нам не имело смысла делать такой же: железо стоит дорого, да и много месяцев пройдет, прежде чем удастся сработать хотя бы один.

Больше всего меня беспокоил сам Джеральд.

На следующее утро я услышал, как он рассказывал Торгунне разные глупости о своей стране: о домах, высоких, как горы, о повозках, что ездят без лошадей и летают по воздуху. В городе, где он живет, говорил он, тысячу раз по восемь или девять тысяч жителей, и называется этот город Нью-Йорвик или что-то в этом роде. Я, как и мои соседи, не прочь послушать хорошую выдумку, но это уж было чересчур, а потому, рассердившись, я велел ему идти со мной искать отбившийся от стада скот.

После того как мы целый день проблуждали в холмах, я убедился, что Джеральд не способен даже отличить, где у коровы зад, а где перед. Раз мы почти

натолкнулись на заблудившийся скот, но чужеземец, ничего не соображая, пересек тропу прямо под носом у животных; они ушли, а нам пришлось начинать все сначала. Еле сдерживаясь, но все же учтиво я спросил его, умеет ли он доить коров, стричь овец, косить и молотить. Нет, ответил Джеральд, он никогда не жил на ферме.

— Жаль, — заметил я, — ибо в Исландии этим занимаются все, кроме разбойников.

От моих слов он вспыхнул.

— Я умею делать многое другое, — возразил он. — Дайте мне инструменты, и я покажу вам неплохую работу по металлу.

— Что ж, это достойное занятие, — с радостью отозвался я, — и ты можешь оказать нам большую услугу. У меня сломан меч, а у нескольких копий погнуто острие; неплохо и подковать заново всех лошадей.

Тогда я не очень обратил внимание на то, что он, по его словам, ни разу не пробовал подковать лошадь.

Беседуя, мы возвратились домой. На пороге нас встретила рассерженная Торгунна.

— Так не принимают гостя, отец! — возмутилась она. — Заставляешь его работать, словно он простой керл.

Джеральд улыбнулся.

— Я рад работе, — ответил он. — Мне нужно... что-нибудь такое, что бы меня подбодрило. И, кроме того, я хочу хоть немного отплатить вам за вашу доброту.

Я снова почувствовал расположение к нему и сказал, что мы, мол, не виноваты в том, что у них в Соединенных Штатах совсем другие обычаи. Завтра он может начать работу в кузнице, я буду платить ему, но считать его мы будем равным себе, поскольку искус-

ные мастера у нас в почете. После этих слов наши слуги стали косо поглядывать на него.

В этот вечер Джеральд всю развлекал нас рассказами о своем доме; правдивы они были или нет, но слушали мы их с интересом. Однако настоящего лоска у него не было: он не умел сложить даже двух стихотворных строк! Необразованные и отсталые люди, видно, живут в этих Соединенных Штатах! Он объявил, что в его обязанности входило поддержание порядка в войске. Хельги был несказанно удивлен и заявил, что Джеральд, должно быть, очень храбрый человек, раз не боится обижать других людей, но тот ответил, что солдаты подчинялись ему из страха перед королем. Когда Джеральд добавил, что молодые люди обязаны находиться на военной службе в течение двух лет и что они могут быть призваны даже во время сбора урожая, я заметил, что ему повезло, раз он выбрался из страны, которой правит такой безжалостный властелин.

— Нет, — задумчиво проговорил он, — мы люди свободные и говорим, что нам захочется.

— Но делать, что захочется, по-видимому, не можете, — заметил Хельги.

— Что ж, — отозвался Джеральд, — разумеется, мы не можем, например, убить человека только за то, что он нас оскорбил.

— Даже если он убил твоего родственника? — спросил Хельги.

— Даже в этом случае. Король... Король мстит за всех нас.

— Твои рассказы хороши, — усмехнулся я, — только здесь ты споткнулся. Как может один король выследить всех убийц, уж не говоря о том, чтобы им

отомстить? Тогда у него даже не хватит времени родить наследника.

Раздался такой хохот, что гость не смог мне ответить.

На следующий день Джеральд в сопровождении раба, который должен был раздувать мехи, отправился в кузницу. Я же целые сутки пробыл в Рейкьявике у Яльмара Широконосого, ездил договариваться насчет покупки овец. Я пригласил Яльмара к нам погостить на денек, и мы прискакали в усадьбу вместе с ним и его сыном Кетилем, рыжеволосым двадцатилетним молодцом угрюмого нрава, которому в свое время тоже отказала наша Торгунна.

Джеральда я застал в зале, где он с мрачным видом сидел на скамье. На нем была одежда, которую я ему подарил — его собственная была вся прожжена искрами и запачкана пеплом. Чего иного следовало ожидать от этого глупца? Он о чем-то тихонько беседовал с моей дочерью.

— Ну, — спросил я еще с порога, — как работалось?

Мой керл Грим захихикал.

— Сломал наконецники у двух копий, а пожар нам удалось погасить: не то сгорела бы вся кузня.

— Как? — воскликнул я. — Ты ведь сказал, что умеешь ковать?

Джеральд встал и вызывающе взглянул на меня.

— Дома у меня были другие инструменты, причем лучшего качества, — ответил он. — Здесь у вас все не так.

Оказалось, он раздул слишком сильный огонь, а молот его бил куда угодно, но только не туда, куда

нужно. Он испортил сталь, не зная, как ее закаляют. Кузнечному делу, разумеется, учатся годами, но ему следовало бы признаться, что он и в подмастерьях-то не был.

— В таком случае, — резко обратился я к нему, — чем же ты будешь зарабатывать себе на хлеб?

Меня сердило, что я предстал в глупом свете перед Яльмаром и Кетилем, которым столько нарасказал о чужеземце.

— Это известно только Одину, — отозвался Грим. — Я поехал с ним верхом пасти коз и убедился, что никогда в жизни не видывал более неловкого всадника. Я спрашивал его, умеет ли он прясть или ткать; нет, ответил он.

— Мужчине не задают таких вопросов! — вспыхнула Торгунна. — Убить бы ему тебя за это!

— Пусть убивает, — засмеялся Грим. — Только позволь мне договорить. Я думал, что мы починим мост через ров. И что же? Пилой он еле-еле орудовал, зато чуть не отрезал себе ногу стругом.

— Мы не пользуемся такими инструментами, говорю я тебе!

Джеральд сжал кулаки и, казалось, готов был заплакать.

Я пригласил гостей сесть.

— Разделатъ свиную тушу и закоптить ее ты тоже, наверное, не сумеешь? — спросил я.

— Нет, — чуть слышно донесся ответ.

— Тогда... что же ты умеешь?

— Я... — слова застряли у него в глотке.

— Ты был воином, — напомнила ему Торгунна.

— Да, я был воином! — подтвердил он, и лицо его просветлело.

— В Исландии от этого мало проку, коли больше ничего не умеешь, — проворчал я, — хотя, быть может, если тебе удастся пробраться на восток, там какой-нибудь ярл * охотно возьмет тебя в свою дружину.

В глубине души, откровенно говоря, я сомневался в этом, ибо воин при дворе должен держать себя так, чтобы оказывать честь своему господину. Но мне было жаль его огорчать.

Кетилю Яльмарсону явно не нравилось, что Торгунна не отходит от Джеральда да еще заступает за него.

— Да ты и драться-то, наверно, не умеешь, — прерзительно усмехнувшись, вмешался он.

— Этому-то меня хорошо учили, — мрачно отозвался Джеральд.

— Хочешь побороться со мною? — спросил Кетиль.

— Давай! — буркнул Джеральд.

Жрец, что такое человек, если как следует вдуматься? С годами жизнь все менее и менее представляется мне разделенной только на хорошее и плохое, на черное и белое, какой рисуешь ее ты; мы все — лишь существа серого цвета. Этот ни на что не годный парень, который даже не замахнулся топором, чтобы достойно ответить на вопрос, умеет ли он выполнять женскую работу, этот неотесанный увалень вышел с Кетилем Яльмарсоном во двор и там три раза кряду уложил его на обе лопатки. Он как-то по-особому захватывал Кетиля, когда тот лез на него... Заметив, что Кетиль в ярости готов убить нашего гостя, я приказал им остановиться, похвалил обоих и подал им по чаше пива. Но весь остаток вечера Кетиль просидел на скамье в мрачной задумчивости.

* Ярл (*др.-сканд.*) — независимый от короля (конунга) феодал. Отсюда английское слово «earl» — «граф».

Джеральд рассказал, что можно сделать оружие, похожее на его пистолет. Оно будет размером больше пушки, как он ее назвал, и сможет потопить корабль и рассеять войско. Только ему нужна помощь кузнецов и различные материалы. Древесный уголь был у нас под руками, серу, наверное, можно найти возле вулкана, но что такое селитра?

Теперь уж, не веря ему на слово, я подробно расспросил его, как он все это сделает. Знает ли он, из какой смеси получается порох? Нет, признался он. Какой величины должна быть пушка? Когда он ответил мне, что самое малое величиной с человека, я расхохотался и спросил, каким образом можно отлить такой большой предмет, даже если мы сумеем собрать столько железа? И этого он не знал.

— У вас нет орудий, чтобы сделать орудия, необходимые для изготовления орудий, — пояснил он. Что он хотел этим сказать, я не понял. — Видит бог, мне не под силу в одиночку преодолеть тысячу лет истории.

Он достал последнюю из курительных палочек и зажег ее. Хельги как-то попробовал сделать затажку, его потом тошнило, но он по-прежнему тянулся к Джеральду. А теперь мой сын предложил взять шлюп и утром отправиться в Айс Фьорд, где мне надо было собрать арендную плату. Яльмар и Кетиль охотно согласились принять участие в поездке. Торгунна так слезно умоляла взять с собой и ее, что я согласился.

— Ну, теперь жди беды, — пробурчал Сигурд. — Кто не знает, что женщина на корабле — к несчастью. Не любят этого тролли.

— А каким же образом твой отец когда-то доставил женщин сюда, на наш остров? — усмехнулся я.

Эх, послушаться бы мне его! Мудрецом его назвать нельзя, но он знал, что говорил.

В то время я был совладельцем судна, которое ходило в Норвегию менять шерсть на лес. Дело это приносило прибыль, пока наше судно не встретилось с викингками во время беспорядков, когда Олаф Тригвасон сверг ярла Хаакона. Есть воры, убийцы, ради денег готовые на все. Вешать их надо, этих презренных разбойников, покушающихся на кошелек честного купца. Будь у них мужество или честность, они отправились бы в Ирландию — там полным-полно всяких грабителей.

Так или иначе, а корабль наш ушел в чужие страны. Но у меня оставалось три ладьи, и мы взяли одну из них. Кроме меня, Торгунны и Хельги, в путь отправились Яльмар с Кетилем, Грим и Джеральд. Я видел, как он скривился, ступив в холодную воду, когда мы спускали ладью, а затем, сняв башмаки и чулки, растирал ноги. В свое время он очень удивился, узнав, что у нас есть баня — наверное, он принимал нас за дикарей — но все же оставался по-женски брезгливым и вскоре пересел подальше от наших ног.

Ветер был попутный, мы поставили парус. Джеральд пытался нам помочь, но, разумеется, не мог отличить фал от шкота и все перепутал. Грим ворчал на него, а Кетиль злобно смеялся. Когда мы наконец пошли полным ходом, Джеральд пересел ко мне на корму.

Долго он сидел в задумчивости, а потом робко заметил:

— А у нас оснастка и руль лучше... будет лучше. С их помощью можно идти навстречу ветру.

— Ага, наш морской волк, видать, снова решил охотливить нас советом, — ухмыльнулся Кетиль.

— Помолчи, — резко остановила его Торгунна. — Пусть Джеральд говорит.

Джеральд с благодарностью взглянул на нее, да и мне самому хотелось послушать.

— Это нетрудно сделать, — сказал он. — Я сам ходил на таких ладьях и неплохо их знаю. Во-первых, парус должен быть не прямоугольным, свисающим с нок-рея, как у вас, поперек ладьи, а треугольным. Короткую сторону паруса принайтевте к рею, подвижно соединенному с мачтой на высоте в половину человеческого роста от борта. Кроме того, кормовое весло у вас не на месте. Его надо поместить ниже транцевой доски, чтоб оно было целиком под водой, а управлять длинным румпелем.

Он рассказывал с увлечением, рисуя указательным пальцем на плаще Торгунны, где и что нужно расположить.

— С помощью такого паруса, руля и кия, уходящего в воду на большую глубину, скажем в рост человека для судна такого размера, ладья смело пойдет наперерез ветру. А между мачтой и носом можно натянуть еще один косо́й парус, поменьше.

Что ж, жрец, признаюсь, мысль эта достойна внимания, и если бы я не боялся несчастья — ведь все, связанное с этим человеком, приносило несчастье, — быть может, я и воспользовался бы ею. Но были в ней и явные просчеты, на которые я ему благообразно указал.

— Прежде всего и хуже всего то, — ответил я, — что из-за этого руля и острого киля нельзя вытаскивать судно на берег или ходить по мелководью. Возможно, там, откуда ты пришел, есть много мест для причала, но здесь судно пристаёт, где потребуется, а в случае нападения его спускают на воду. Во-вторых, эту твою мачту трудно будет убрать, когда спадет ветер и придется взяться за весла. Наконец, твой треугольный парус нелегко превратить в шатер, чтобы спать в открытом море.

— Судно будет стоять на рейде, а вы подойдете к берегу в шлюпке, — ответил он. — Кроме того, можно построить каюты.

— Каюты мешают гребцам, — возразил я, — если только, разумеется, судно не чересчур широкое по траверзу или если гребцы не сидят ниже палубы, как рабы на галерах Миклагарда; ведь свободные люди не станут терпеть такое мучение!

— А разве весла обязательно нужны? — спросил он, словно малое дитя.

Раздался могучий взрыв хохота. Даже чайки, парившие за кормой, где смутно темнел берег, и те принялись оглашать воздух пронзительными криками.

— Неужели там, откуда ты пришел, и ветры подчиняются человеку? — фыркнул Яльмар. — А что делать, если на море уже несколько дней полный штиль и запас пищи на исходе?

— Можно построить такое судно, на котором хватит места для провизии сразу на много недель, — ответил Джеральд.

— Если ты богат, как король, тогда можно, — отозвался Хельги. — Однако такое королевское судно, стоит ему лишь попасть в штиль, сразу окажется беспо-

мощным и быстро станет добычей первого же викинга из тех, что шныряют вдоль побережья от наших мест до Йомсборга. А если оставить судно на якоре и разбить на берегу лагерь, то где ты найдешь убежище и как сможешь защищаться, коли тебя заметят враги?

Джеральд ничего не сумел возразить. Тогда Торгунна тихо сказала:

— Некоторым людям не по душе новое. А мне кажется, это — прекрасная мысль.

Он устало улыбнулся ей и, собравшись с духом, принялся объяснять, как можно, даже при облачности, определить, где находится север. Есть камни, объяснил он, которые, если их подвесить на веревочке, всегда указывают на север. Я мягко ответил ему, что это очень интересно, но нужно иметь такие камни, или, быть может, если он знает, где такой камень можно достать, я попрошу торговца разыскать его для меня. Но этого он не знал и надолго замолчал. Кетиль открыл было рот, но Торгунна окинула его таким колючим взглядом, что он не сказал ни слова; однако всем видом он показывал, что считает Джеральда страшным лжецом.

Спустя некоторое время ветер стал встречным. Мы убрали парус и взялись за весла. Джеральд помогал охотно и энергично, но очень уж неумело, а руки его оказались такими нежными, что вскоре все были в крови. Я предложил ему немного отдохнуть, но он упорно сидел на веслах.

Глядя, как он мерно раскачивается взад и вперед под тоскливый скрип уключин — весло в том месте, где он его держал, было красным и влажным от крови, — я думал о нем. Все, за что он ни брался, что сумел бы шутя сделать любой мужчина, Джеральд делал

из рук вон плохо — так казалось мне тогда, ибо я не ведал будущего. Не по душе мне было и то, что Торгунна нередко останавливает на нем свой взгляд. Без земли, без денег, совершенно беспомощный, он никак не годился в мужа моей дочери. И все же он мне нравился. Правду ли он рассказывал или все это было порождением безумия, я чувствовал, что он не лжет: нечто необычное было и в его появлении здесь. Я заметил на подбородке у него порезы от бритвы, которую я одолжил ему; он сказал, что не умеет обращаться с такой бритвой и что лучше уж ему отпустить бороду. Он изо всех сил старался быть полезным. Любопытно, думалось мне, как бы вел себя я, если б очутился один в его колдовской стране, а между мной и моим домом лежала бы целая вечность.

Быть может, такая же жалость тронула и сердце Торгунны. Женщины — странные существа, жрец, и ты, который не имеешь дела с ними, вероятно, не в силах понять их так же, как и я, который спал, наверное, не меньше чем с полусотней женщин в шести различных странах. Порой мне кажется, они сами себя не понимают. Рождение, жизнь и смерть — это великие таинства, которые никому не дано познать, но женщины стоят к ним ближе, чем мужчина.

Лобовой ветер усилился, под низкими свинцовыми тучами море стало серо-стальным и заволновалось. Мы еле-еле шли вперед. На закате, выбившись из сил, мы были вынуждены войти в маленький необитаемый залив и устроить что-то вроде лагеря на берегу.

Мы взяли с собой дрова и трут. И тут Джеральд, хоть он чуть не падал от усталости, оказался на высоте, ибо его палочки разожгли костер скорее, нежели сталь и кремень. Торгунна принялась стряпать ужин.

Ладья плохо загораживала нас от пронизывающей до костей стужи. Плащ Торгунны крыльями метался по ветру, а волосы ее развевались над языками пламени. Стояла пора светлых ночей, когда небо окутано темно-голубой дымкой, море похоже на измятый лист металла, а берег едва приподымается над царством туманов. Мы, мужчины, завернувшись в плащи, грели у костра озябшие руки и молчали.

Надо чем-то развеселить людей, решил я, и приказал откупорить бочонок моего лучшего, самого крепкого пива. Не иначе как злая Норна подсказала мне сделать это, но куда уйдешь от судьбы? Лишь только, разбрызгивая во все стороны сало, зашипела на огне баранья нога, как мы еще сильнее ощутили пустоту в наших желудках, и пиво быстро ударило нам в голову. Я, помню, принялся читать предсмертную песнь Рейнара Волосатого и делал это только потому, что мне хотелось ее читать.

Торгунна подошла к тому месту, где Джеральд не сел, а скорее рухнул на землю. Я заметил, что она слегка провела рукой по его волосам; не ускользнуло это и от Кетиля Яльмарсона.

— А в твоей стране разве не читают стихов? — спросила она.

— Не так, как здесь, — ответил он, подняв на нее взгляд, и секунду они, не отрываясь, глядели друг другу в глаза. — Мы больше поем, чем читаем стихи. Вот была бы со мной моя гитара... Это инструмент такой, вроде арфы.

— А, так ты — ирландский бард! — догадался Яльмар Широконосый.

Не понимаю даже, почему я так хорошо запомнил слова, которые Джеральд с улыбкой произнес

на своем языке. Но они мне запомнились, хотя я и не понял их значения: *Only on me mither's side, begorra* *. Наверное, это было какое-то заклинание.

— Спой нам что-нибудь, — попросила Торгунна.

— Сейчас, только подумаю, — ответил он. — Ведь мне надо переложить песню на норвежский язык, чтобы вы ее поняли.

Чуть помедлив, глядя во мрак студеной ночи, он запел. Песня его мне понравилась. Звучала она примерно так:

«Покидаешь ты нашу долину,
И в глазах, что полны огня,
Ты с собою уносишь солнце,
Озарившее жизнь для меня!» **

Только это я и запомнил да еще то, что песня дальше была не очень скромной.

Когда он кончил петь, Яльмар и Грим поднялись посмотреть, не готово ли мясо. В глазах моей дочери я увидел слезы.

— Очень славная песня! — сказала она.

Кетиль сидел выпрямившись. Отсветы пламени беспорядочно металась по его лицу.

— Наконец-то мы дознались, что умеет делать этот молодчик, — произнес он, и голос его зазвучал грубо: — сидеть-посиживать да напевать песенки девочкам. Этим пусть он и служит тебе, Оспак.

Торгунна побледнела, а Хельги схватился за меч. У Джеральда, увидел я, потемнело лицо, и он хрипло проговорил:

* Один из предков моей матери, бродяга... (искаж. англ.).

** Перевел В. Бетаки.

— Ты не имеешь права так говорить. Возьми свои слова обратно.

Кетиль встал.

— Нет, — ответил он. — Я не буду просить извинения у бездельника, живущего нахлебником у честного хозяина.

Он пришел в ярость, однако у него хватило ума не трогать мою семью и оскорбить только Джеральда. Иначе ему и его отцу пришлось бы иметь дело с нами четырьмя. Тем временем Джеральд тоже встал и, сжав кулаки, спросил:

— Ты готов в стороне решить наш спор?

— С радостью!

Кетиль повернулся и, пройдя несколько шагов по берегу, достал из шлюпки свой щит. Джеральд последовал за ним. Стоявшая неподвижно Торгунна, на лице которой был написан неподдельный страх, вдруг схватила его топор и бросилась вслед за ним.

— Ты идешь без оружия? — крикнула она.

Джеральд остановился и непонимающе взглянул на нее.

— Мне это не нужно, — пробормотал он. — Кулаки...

Полный самоненятия Кетиль выпрямился, обнажил меч и сказал:

— Ты, конечно, умеешь сражаться только так, как сражаются рабы на твоей земле. Поэтому, если ты попросишь у меня прощения, я буду считать дело улаженным.

Джеральд стоял ссутулившись. Он пристально, как слепой, смотрел на Торгунну, словно спрашивая у нее, что ему делать. Она подала ему топор.

— Значит, ты хочешь, чтобы я его убил? — прошептал он.

— Да, — был ее ответ.

И я понял, что она его любит, иначе почему она так не желала допустить его позора?

Хельги подал ему шлем. Он надел его, взял топор и пошел навстречу Кетилю.

— Недоброе дело! — заметил Яльмар. — Ты на стороне чужеземца, Оспак?

— Нет, — ответил я. — Он мне не кровный и даже не названный брат. Эта ссора меня не касается.

— Вот и хорошо, — обрадовался Яльмар. — А то мне вовсе не хочется ссориться с тобой, приятель. Ты всегда был добрым соседом.

Мы вместе прошли вперед и очертили площадку для противников. Торгунна попросила меня одолжить Джеральду меч, чтобы он тоже мог пользоваться щитом, но он, как-то странно поглядев на меня, сказал, что предпочитает держать в руках топор. Он и Кетиль стали друг против друга, и бой начался.

Это не был обычный хольмганг* с определенными правилами и порядком наносимых ударов, где первое появление крови означает победу. Нет, эти двое бились насмерть. Кетиль бросился вперед, и меч в его руке со свистом полоснул воздух, а Джеральд отпрыгнул назад, неуклюже размахивая топором. Топор со звоном отскочил от щита Кетиля. Юноша усмехнулся и полоснул мечом по ногам Джеральда. Я видел, как на его штанах выступили пятна крови.

* Хольмганг (исл.) — поединок.

Это было убийство с самого начала. Джеральд, видно, никогда не держал в руках топора. Один раз он даже нанес удар не острием топора, а плашмя. Кетиль давно зарубил бы его, если бы меч у него не притупился от удара по шлему и Джеральд не сумел тотчас вскочить на ноги. Тем не менее он уже шатался от десятка ран.

— Прекратите! — крикнула Торгунна и кинулась к ним.

Хельги схватил ее за руки и силой заставил вернуться на место, но она так вырывалась и билась, что пришлось Гриму прийти Хельги на помощь. Я увидел, что мой сын огорчен, а на лице керла играет злобная улыбка.

Джеральд повернулся взглянуть на Торгунну. Клинок Кетилия, скользя, полоснул Джеральда по левой руке, и он выронил топор. Кетиль зарычал, готовясь его прикончить. Тогда Джеральд вытащил пистолет. Вспышка, звук, похожий на короткий лай. Кетиль упал, судорожно вытянулся и застыл. У него разнесло нижнюю челюсть и затылок.

Наступило долгое молчание; были слышны лишь вой ветра да грохот волн.

Затем вперед вышел Яльмар; лицо его было искажено горем, но держался он с достоинством. Опустившись на колени, он закрыл сыну глаза, тем самым как бы говоря, что за ним остается право мести.

— Это колдовство. Тебя следует объявить вне закона.

— Никакого колдовства тут нет, — глухо отозвался Джеральд. — Это... это как стрела из лука. У меня не было выбора. Ведь я же предлагал ему биться на кулаках.

Я стал между ними, сказав, что это дело должен решать Тинг, но что, я надеюсь, Яльмар согласится принять выкуп за убитого сына.

— Но ведь я убил его, спасая свою жизнь, — возразил Джеральд.

— Все равно, выкуп должен быть уплачен, если только родители Кетили согласятся его принять, — объяснил я. — А за такое оружие, думаю, придется заплатить вдвое больше, но это уж решит Тинг.

У Яльмара было много сыновей, Джеральд же не принадлежал к враждебной ему семье, и поэтому, я чувствовал, Яльмар не откажется от выкупа. Сдержанно усмехнувшись, он, однако, спросил, где человек, у которого нет денег, достанет столько серебра.

Сохраняя ледяное спокойствие, Торгунна сделала шаг вперед и заявила, что мы заплатим выкуп. Я открыл было рот, но, увидев ее глаза, только кивнул головой в знак согласия.

— Да, — подтвердил я, — во имя сохранения мира.

— Значит, ты хочешь принять участие в этой ссоре? — спросил Яльмар.

— Нет, — ответил я. — Этот человек мне не родня. Но разве я не могу, если пожелаю, сделать ему подарок в виде денег, а он использует их, как ему заблагорассудится?

Яльмар улыбнулся. Горе таилось в уголках его глаз, но на меня он смотрел взглядом старого друга.

— Этот человек, наверное, скоро станет твоим зятем, Оспак, — предположил он. — Судя по всему, так и случится. Тогда он действительно будет членом твоей семьи. А твое желание помочь ему сейчас поставит тебя на его сторону.

— И что же? — тихо спросил Хельги.

— А то, что хоть я и ценю твою дружбу, но у меня есть сыновья, которые плохо встретят весть о смерти их брата. Они захотят отомстить Джеральду Сэмсону, пусть даже ради чести своего имени, и таким образом наши дома перестанут дружить, а за одним убийством последует другое. Так часто случалось прежде. — Яльмар вздохнул. — Я-то не хочу ссориться с тобой, Оспак, но если ты примешь сторону убийцы, все будет по-другому.

Я на минуту задумался, представив себе Хельги на земле с раскроенным черепом и других моих сыновей, вынужденных покинуть свои дома и выйти на бой из-за человека, которого они никогда в жизни не видели, подумал о том, что впредь, отправляясь на берег за плавником, мы должны будем постоянно надевать кольчуги, а ложась спать, бояться, как бы утром не увидеть, что дом окружают вооруженные люди.

— Да, — заметил я, — ты прав, Яльмар. Я беру свое предложение назад. Это дело должны решать с ним вы одни.

И мы пожали друг другу руки.

Торгунна, тихо вскрикнув, бросилась к Джеральду. Он прижал ее к себе.

— Что это значит? — тихо спросил он.

— Я больше не могу держать тебя у нас в доме, — ответил я, — но ты найдешь приют у кого-нибудь из крестьян. Яльмар — человек, уважающий законы, и не обидит тебя, пока Тинг не решит твою судьбу. А это будет не раньше середины лета. Быть может, до той поры тебе удастся выбраться из Исландии.

— Такому бездельнику, как я? — горько усмехнулся он в ответ.

Торгунна вырвалась из его рук и, пылая гневом, закричала, что я трус, клятвопреступник и все такое прочее. Я дал ей выговориться, а потом, положив руки ей на плечи, сказал:

— Только ради нашего дома. Дом и семья священны. Мужчины умирают, женщины плачут, но пока существует род, наши имена будут помнить. Разве ты имеешь право ради своей прихоти требовать смерти десятка людей?

Долго стояла она молча, и каков был бы ее ответ, я и по сей день не знаю. Но тут заговорил Джеральд.

— Да, — произнес он. — Наверное, ты прав, Ос-пак... прав по законам вашего века. Это не мой век.

Он пожал руку мне, затем Хельги, скользнул губами по щеке Торгунны, повернулся и зашагал во мрак.

Потом, как я слышал, он обрабатывал землю у Торвальда Хольсона, арендатора Хэмпбек Фелла, но не рассказал ему о том, что произошло. Должно быть, Джеральд надеялся, что о нем забудут, а тем временем он сумеет пробраться на восток. Но, разумеется, пошли слухи. Я помню, как он хвастал, что в Соединенных Штатах люди могут разговаривать друг с другом с разных концов земли. Видя, как мы живем в своих уединенных усадьбах, он и представить себе не мог, как быстро у нас разносятся слухи. Сын Торвальда Хрольф, придя о чем-то поговорить с Брэндом — Тюлений Сапог, конечно, упомянул о чужеземце, и скоро вся западная часть Острова была посвящена в эту историю.

Знай Джеральд, что ему следует в первой же усадьбе, где он остановился, рассказать о случившемся, он был бы в безопасности, по крайней мере до созыва Тинга, ибо Яльмар и его сыновья — люди рассудитель-

ные и никогда не убьют человека, который находится под охраной закона. А он хранил все в тайне, и это, превращая его в убийцу, ставило чужеземца вне закона. Яльмар со своей родней подъехал к Хэмпбек Феллу и, окликнув Джеральда, приказал ему выйти из дома. С помощью пистолета Джеральд прорвался в холмы. Враги последовали за ним. Несколько человек были ранены, один убит, и за эту смерть тоже предстояло отомстить. Джеральд, наверное, думал, что необычность его оружия лишит их присутствия духа. Он, вероятно, не знал, что каждый умирает только тогда, когда ему предназначено, не раньше и не позже, поэтому нет смысла бояться смерти.

В конце концов, когда его окружили, пистолет вдруг почему-то смолк. Тогда он схватил меч убитого и так мужественно оборонялся, что Ульф Яльмарсон хромает до сих пор. Он вел себя храбро, это признали даже его враги. Они, наверно, все колдуны там, в Соединенных Штатах, но отваги им не занимать.

Когда с ним было покончено, труп его приволокли назад. И чтобы дух его не бродил по домам — ведь он, наверное, тоже был колдун, — тело сожгли, и все его имущество положили на костер вместе с ним. Тогда-то я и потерял нож, который он мне подарил. Курган, где покоится его прах, находится вон там, возле болота, к северу отсюда, и люди обходят это место стороной, хотя дух его ни разу не появлялся. А теперь, после стольких событий, о нем все больше начинают забывать...

Вот и вся история, жрец, все, что я видел и слышал. Большинство людей считают, что Джеральд Сэмсон был безумцем, но сам я верю: он действительно пришел к нам из другого века, и проклятие его было в том, что он пришел слишком рано. Нельзя снимать урожай,

пока жатва не созрела. А я гляжу в будущее, в то самое будущее, что наступит через тысячу лет, когда люди будут летать по воздуху, ездить в повозках без лошадей и уничтожать одним ударом целые города, и думаю о тогдашней Исландии и о молодых людях из Соединенных Штатов, которые придут в нашу страну в тот год, когда нам будет грозить конец света. Быть может, кто-нибудь из них, бродя по вересковым полянам, увидит курган и подумает: какой древний воин похоронен в нем? И быть может, ему даже захочется перенестись в те далекие времена, когда жил он и когда люди были свободны...

ТРАВМИРОВАННЫЙ

Адрес: Центр,
Контора 41
Адресат: Ревизор Миглиз
Отправитель: Подрядчик Кариеномен
Предмет: Метагалактика «Аттала»

Дорогой ревизор Миглиз!

Настоящим извещаю Вас, что мною завершены подрядные работы по договору № 13371А. В секторе космоса, известном под шифром «Аттала», я создал 1 (одну) метагалактику, состоящую из 549 миллиардов галактик, со стандартным распределением созвездий, переменных и новых звезд и т. п. См. прилагаемые расчеты.

Внешние пределы метагалактики «Аттала» обозначены на прилагаемой карте.

В качестве главного проектировщика от своего имени, а также от имени всей фирмы выражаю уверенность, что нами создано прочное сооружение, равно как произведение, представляющее незаурядную художественную ценность.

Милости просим произвести инспекцию.

Ввиду выполнения мною в срок договорных обязательств ожидаю условленного вознаграждения.

С уважением

Кариеномен

Приложение: Расчеты конструкций, 1
Карта метagalактики «Аттала», 1

* * *

Адрес: Штаб строительства
334132, доб. 12

Адресат: Подрядчик Кариеномен

Отправитель: Ревизор Миглиз

Предмет: Метagalактика «Аттала»

Дорогой Кариеномен!

Мы осмотрели Вашу работу и соответственно задержали выплату вознаграждения. Художественная ценности! Может быть, и так. Однако не забыли ли Вы о первоочередной задаче строительства?

Могу Вам напомнить — последовательность и еще раз последовательность.

При осмотре наши инспекторы обнаружили значительное количество немотивированных явлений, имеющих место даже вокруг центра Метagalактики, то есть в зоне, которую, казалось бы, надлежало застроить наиболее добросовестно. Так продолжаться не может. Хорошо еще, что данная зона необитаема.

Однако это не все. Не будете ли Вы любезны объяснить созданные Вами пространственные феномены? Какого черта Вы встроили в Метagalактику красное смещение? Я ознакомился с Вашей объяснительной

запиской, и, по-моему, она абсолютно бессмысленна. Как же отнесутся к такому явлению планетарные наблюдатели?

Художественность замысла не может служить оправданием.

Далее, что за атомы Вы применяете? Не пытаетесь ли Вы экономить, подсовывая всякую заваль? Значительный процент атомов неустойчив! Они распадаются при малейшем прикосновении и даже без всякого прикосновения. Потрудитесь изыскать какой-нибудь иной способ зажигания солнц.

Прилагаем документ, где подытожены замечания наших инспекторов. Пока недоделки не будут устранены, о платежах не может быть и речи.

Только что мне доложили о другом серьезном упущении. Очевидно, Вы не слишком тщательно рассчитали силы деформации пространственной ткани. На периферии одной из Ваших галактик обнаружена трещина во времени. В данный момент она невелика, но может увеличиться. Предлагаю заняться ею без промедления, пока Вам не пришлось заново перестраивать одну-две галактики.

Один из обитателей планеты, попавший в эту трещину, уже получил травму: его там заклинило исключительно по Вашей небрежности. Предлагаю Вам исправить упущение, пока этот обитатель еще не выведен из нормальной цепи причин и следствий и не сыплет парадоксами направо и налево.

В случае необходимости свяжитесь с ним лично.

Кроме того, мне стало известно, что на некоторых из ваших планет имеют место немотивированные явления: летающие коровы, ходячие горы, призраки и т. п.; все эти явления перечислены в протоколе жалоб.

Мы не намерены мириться с подобными безобразиями, Кариеномен. Во вновь создаваемых галактиках парадокс строжайше запрещен, ибо парадокс — это неизбежный предвестник хаоса.

Травмой займитесь безотлагательно. Неясно, успели ли травмированный осознать, что с ним произошло.

Миглиз

Приложение: заверенная копия протокола жалоб — 1.

* * *

Кей Масрин уложила в чемодан последнюю блузку и с помощью мужа закрыла его.

— Вот так, — сказал Джек Масрин, прикидывая на руку вес битком набитого чемодана. — Прощайся со своим владением. — Супруги окинули взглядом меблированную комнату, где прожили последний год.

— Прощай, владение, — пробормотала Кей. — Как бы не опоздать на поезд.

— Времени еще много. — Масрин направился к двери. — А со Счастливым попрощаемся? — Так они прозвали своего домохозяина, мистера Гарфа, оттого что тот улыбался раз в месяц — получая с них квартирную плату *. Разумеется, сразу же после этого губы хозяина снова сжимались, как обычно, в прямую черту.

* Английская поговорка гласит, что счастливые люди редко улыбаются. — *Прим. перев.*

— Не надо, — возразила Кей, оправляя сшитый на заказ костюм. — Еще, чего доброго, он пожелает нам удачи, и что же тогда с нами станется?

— Ты совершенно права, — поддержал ее Масрин. — Не стоит начинать новую жизнь с благословенный Счастливи́чика. Пусть уж лучше меня проклянет Эндорская ведьма.

Масрин вышел на лестничную площадку; Кей последовала за ним. Он глянул вниз, на площадку первого этажа, занес ногу на ступеньку и внезапно остановился.

— Что случилось? — поинтересовалась Кей.

— Мы ничего не забыли? — нахмурившись, в свою очередь спросил Масрин.

— Я обшарила все ящики и под кроватью тоже посмотрела. Пойдем, не то опоздаем.

Масрин снова глянул вниз. Что-то его тревожило. Он попытался быстро сообразить, в чем дело. Конечно, денег у них практически не осталось. Однако в прошлом он никогда не волновался из-за таких пустяков. А теперь он наконец-то нашел себе место преподавателя — неважно, что в Айове. После целого года работы в книжном магазине ему повезло. Теперь все будет хорошо. К чему тревожиться?

Он спустился на одну ступеньку и снова остановился. Странное ощущение не проходило, а усиливалось. Будто существует что-то такое, чего не следует делать. Масрин обернулся к жене.

— Неужто тебе так не хочется уезжать? — спросила Кей. — Пойдем же, не то Счастливи́чик сдерет с нас плату еще за один месяц. А денег у нас, как ни странно, нет.

Масрин все еще колебался. Обогнав мужа, Кей легко сбегала по ступенькам.

— Видишь? — шутливо подзадоривала она его с площадки первого этажа. — Это легко. Решайся. Подойди, деточка, к своей мамочке.

Масрин вполголоса выругался и начал спускаться по лестнице. Странное ощущение усилилось.

Он шагнул на восьмую ступеньку и...

Он стоял на равнине, поросшей травой. Переход свершился именно так, просто и мгновенно.

Масрин ахнул и заморгал. В руке его все еще был чемодан. Но где стены из нештукатуренного песчаника? Где Кей? Где, если на то пошло, Нью-Йорк?

Вдали виднелась невысокая синяя гора. Поблизости был маленький лесок. Под деревьями стояли люди — человек десять или около того.

Потрясенный Масрин впал в странное оцепенение. Он отметил почти нехотя, что люди эти коренасты, смуглы, с развитой мускулатурой. На них были набедренные повязки; они сжимали в руках отполированные дубинки, украшенные затейливой резьбой.

Люди следили за ним, и Масрин пришел к выводу, что неизвестно еще, кто кого больше изумил.

Но вот один из загадочных людей что-то пробормотал, и они стали надвигаться на Масрина. В него полетела дубинка, но попала в чемодан и отскочила.

Оцепенение развеялось. Масрин повернулся, бросил чемодан и побежал, как борзая. Кто-то с силой ударил Масрина дубинкой по спине, едва не свалив его с ног. Он оказался перед каким-то холмом и понесся вверх по склону, а вокруг него роились стрелы.

Пробежав несколько метров вверх, он обнаружил, что опять вернулся в Нью-Йорк.

Он одним духом вбежал на верхнюю площадку лестницы и, не успев вовремя остановиться, с размаху налетел на стену. Кей все еще стояла на площадке первого этажа, запрокинув голову. Увидев мужа, она вздрогнула, но ничего не сказала.

Масрин посмотрел на жену и на знакомые мрачные стены из розовато-лилового песчаника.

Дикарей не было.

— Что случилось? — помертвевшими губами прошептала Кей, поднимаясь по лестнице.

— А что ты видела? — спросил Масрин. Он еще не успел полностью почувствовать случившееся. В голове его бурлили идеи, теории, выводы.

Кей колебалась, покусывая нижнюю губу. «Ты спустился на несколько ступенек и вдруг исчез. Я перестала тебя видеть. Стояла там и все смотрела, смотрела... А потом я услышала шум, и ты снова появился на лестнице. Бегом».

Супруги вернулись домой, оставив дверь открытой. Кей сразу же села на кровать. Масрин бродил по комнате, переводя дыхание. Ему приходили на ум все новые и новые идеи, и он с трудом успевал их анализировать.

— Ты мне не поверишь, — произнес он наконец.

— Почему же? Попробуй объяснить мне!

Он рассказал ей про дикарей.

— Мог бы сказать, что побывал на Марсе, — отозвалась Кей. — Я бы и этому поверила. Я ведь своими глазами видела, как ты исчез!

— А чемодан! — внезапно воскликнул Масрин, вспомнив, как бросил его на бегу.

— Да бог с ним, с чемоданом, — отмахнулась Кей.

— Надо вернуться, — настаивал Масрин.

— Нет!

— Во что бы то ни стало. Послушай, дорогая, совершенно ясно, что произошло. Я провалился в какую-то трещину во времени, которая отбросила меня в прошлое. Судя по тому, какой комитет организовал мне торжественную встречу, я, должно быть, приземлился где-то в доисторической эпохе. Мне непременно нужно вернуться за чемоданом.

— Почему? — спросила Кей.

— Потому что я не могу допустить, чтобы случился парадокс. — Масрина даже не удивило, откуда он это знает. Свойственное ему самомнение избавило его от раздумий над тем, как у него могла зародиться столь причудливая идея.

— Сама посуди, — продолжал он, — мой чемодан попадает в прошлое. В этот чемодан я уложил электрическую бритву, несколько пар брюк на молниях, пластиковую щетку для волос, нейлоновую рубашку и десять-пятнадцать книг — некоторые из них изданы в 1951 году. Там лежат даже «Обычаи Запада» — монография Эттисона о западной цивилизации с 1490 года до наших дней.

Содержимое этого чемодана может дать дикарям толчок к изменению хода истории. А теперь предположим, что какие-то предметы попадут в руки к европейцам, после того как те откроют Америку. Как это повлияет на настоящее?

— Не знаю, — откликнулась Кей. — Да и тебе это неизвестно.

— Мне-то, положим, известно, — сказал Масрин. Все было кристально ясно. Его поразила неспособность жены к логическому мышлению.

— Будем рассуждать так, — снова заговорил Масрин. — Историю делают мелочи. Настоящее состоит из огромного числа ничтожно малых факторов, которые сформировались в прошлом. Если ввести в прошлое еще один фактор, то в настоящем неминуемо будет получен иной результат. Однако настоящее есть настоящее, изменить его невозможно. Вот тебе и парадокс. А никаких парадоксов быть не должно!

— Почему не должно? — спросила Кей.

Масрин нахмурился. Способная девчонка, а так плохо улавливает его мысль.

— Ты уж поверь мне на слово, — отчеканил он. — В логически построенной Вселенной парадокс не допускается. Кем не допускается? Ага, вот и ответ.

— Я представляю себе, — продолжал Масрин, — что во Вселенной должен существовать некий универсальный регулирующий принцип. Все законы природы — яркое воплощение этого принципа. Он не терпит парадоксов, потому что... потому что... — Масрин понимал, что ответ имеет какое-то отношение к первозданному хаосу, но не знал, какое и почему.

— Как бы там ни было, этот принцип не терпит парадоксов.

— Где ты набрался таких мыслей? — изумилась Кей. Никогда она не слыхала от Джека подобных слов.

— Они у меня появились очень давно, — ответил Масрин, искренне веря в то, что говорит. — Просто не было повода высказаться. Так или иначе, я возвращаюсь за чемоданом.

Он вышел на площадку в сопровождении Кей.

— Извини, что не могу принести тебе оттуда подарки, — бодро произнес Масрин. — К сожалению, они тоже привели бы к парадоксу. В прошлом все принимало участие в формировании настоящего. Устранить хоть что-нибудь — все равно что изъять из уравнения одно неизвестное. Результат будет совсем другим.

Он стал спускаться по лестнице.

На восьмой ступени он опять исчез.

* * *

Снова очутился он в доисторической Америке. Дикари сгрудились вокруг чемодана, всего в нескольких метрах от Масрина. «Еще не открывали», с облегчением заметил он. Разумеется, чемодан и сам по себе — изделие довольно парадоксальное. Однако, вероятно, представление о чемодане — как и о самом Масрине — впоследствии изгладится из людской памяти, переосмысленное мифами и легендами. Времени свойственна известная гибкость.

Глядя на дикарей, Масрин не мог решить, кто же это — предшественники индейцев или самостоятельная, рано вымершая раса. Он ломал себе голову, принимают ли его за врага или за распространенную разновидность злого духа.

Масрин устремился вперед, оттолкнул двоих дикарей и схватил свой чемодан. Он бросился назад, обжег вокруг невысокого холма и остановился.

Как и прежде, он находился в прошлом.

«Где же, во имя хаоса, эта дыра во времени?» — подумал Масрин, не замечая необычности употребленного выражения. За ним гнались дикари, постепенно

окружая холм. Масрин почти нашел ответ на собственный вопрос, но, как только мимо просвистела стрела, у него тут же все вылетело из головы. Он понесся во весь дух, усердно перебирая длинными ногами и стараясь бежать так, чтобы холм оставался между ним и индейцами. Позади него шлепнулась дубинка.

Где дыра во времени? Что, если куда-то переместилась? По лицу его струился пот. Очередная дубинка содрала кожу с его руки, и он обогнул склон холма, отчаянно разыскивая убежище.

Тут его нагнали три приземистых дикаря.

В тот миг, когда они замахнулись дубинками, Масрин бросился на землю, и туземцы, споткнувшись об его тело, полетели кувырком. Но тут подбежали остальные, и он вскочил на ноги.

Вверх! Эта мысль появилась внезапно, молнией прорезав все его существо, охваченное страхом. Вверх!

Масрин бросился бежать вверх по холму в полной уверенности, что ему не добраться до вершины живым...

...И вернулся в меблированный дом, все еще судорожно сжимая ручку чемодана.

— Ты ранен, милый? — Кей обвила руками его шею. — Что случилось?

В голове у Масрина оставалась лишь одна разумная мысль. Он не мог припомнить доисторическое племя, которое отделяло бы дубинки так искусно, как эти дикари. То было почти уникальное искусство, и он жалел, что нельзя прихватить одну из дубинок для музея.

Потом он оглядел розовато-лиловые стены, ожидая, что из них выпрыгнут дикари. Или, может быть, эти низкорослые люди прячутся в чемодане? Он попытался

пого процента неустойчивых атомов в освещении и энергоснабжении.

Что касается трещины во времени, то это всего лишь незначительный просчет в потоке длительности, ничего общего не имеющий с пространственной тканью, которая, уверяю Вас, первосортна.

Как Вы указывали, существует индивидуум, травмированный трещиной, что несколько затрудняет ремонт. Я связался с упомянутым индивидуумом (разумеется, косвенно), и мне в какой-то мере удалось внушить ему представление о том, как ограничена его роль во всей этой истории.

Если он не станет углублять трещину своими путешествиями во времени, зашить ее будет легко. Тем не менее, сейчас я не уверен, что эта операция вообще возможна. Мой контакт с травмированным весьма ненадежен, и похоже, что субъект испытывает сильные воздействия со стороны, побуждающие его к перемещениям.

Я мог бы, бесспорно, произвести выдирку и в конечном счете, возможно, так и поступлю. Кстати говоря, если эта штука выйдет из повиновения, я буду вынужден произвести выдирку всей планеты. Надеюсь, что до этого не дойдет, ибо тогда придется расчищать весь сектор космоса, где находятся наши наблюдатели, а это в свою очередь повлекло бы за собой необходимость перестройки всей галактики.

Однако надеюсь, что к тому времени, когда я снова напишу Вам, вопрос будет улажен.

Центр метагалактики покорибился вследствие того, что неизвестные рабочие оставили открытым люк для сбрасывания отходов. В настоящее время люк закрыт.

По отношению к таким явлениям, как ходячие горы и т. п., принимаются обычные меры.

Оплата моей работы еще не произведена.

С уважением
Кариеномен

Приложение 1. Объяснительная записка по красному смещению на 5541 листе

2. Заявление о неустойчивых атомах на 7689 листах

Адрес: Штаб строительства
334 132, доб. 12

Адресат: Подрядчик Кариеномен

Отправитель: Ревизор Миглиз

Предмет: Метагалактика «Аттала»

Кариеномен!

Вам заплатят после того, как Вы представите логически обоснованную и прилично выполненную работу. Ваши заявления прочту тогда, когда у меня появится свободное время, если это вообще произойдет. Займитесь трещиной, пока она еще не прорвала пространственную ткань.

Миглиз

* * *

Полчаса спустя Масрин не только пришел в себя, но и успокоился. Кей положила ему компресс на багровый синяк у локтя. Масрин принялся мерять шагами комнату. Теперь он полностью овладел собой, и у него появились новые мысли.

— Прошлое внизу, — сказал он, обращаясь не столько к Кей, сколько к самому себе. — Я говорю не о первом этаже. Однако, передвигаясь в том направле-

нии, я прохожу через дыру во времени. Типичный случай смещения сочлененной многомерности.

— Что это значит? — спросила Кей, не сводя с мужа широко раскрытых глаз.

— Ты уж поверь мне на слово, — ответил Масрин. — Мне нельзя спускаться.

Объяснить более толково ему не удавалось. Не хватало слов, в которые можно было бы облечь новые концепции.

— А подниматься можно? — спросила совершенно сбита с толку Кей.

— Не знаю. По-моему, если я поднимусь, то попаду в будущее.

— Ох, я этого не выдержу, — заныла Кей. — Что с тобой творится? Как ты отсюда выберешься? Как спуститься по этой заколдованной лестнице?

— Вы еще здесь? — прокаркал из-за двери мистер Гарф. Масрин впустил его в комнату.

— Очевидно, мы пробудем здесь еще некоторое время, — сказал он домовладельцу.

— Ничего подобного, — возразил Гарф. — Я уже сдал эту комнату новым жильцам.

Счастливчик был невысокий костлявый человек с продолговатым черепом и тонкими, как паутина, губами. Вкрадчивой поступью он вошел в комнату и стал озираться, ища следы повреждений, причиненных его собственности. Одна из странностей мистера Гарфа заключалась в том, что он твердо верил, будто самые порочные люди способны на самые ужасающие преступления.

— Когда въезжают новые жильцы? — спросил Масрин.

— Сегодня днем. И я хочу, чтобы вы заблаговременно выехали.

— Нельзя ли нам как-нибудь договориться? — спросил Масрин. Его поразила безвыходность положения. Спуститься вниз он не может. Если Гарф силой заставит его сделать это, Масрин попадет в доисторический Нью-Йорк, где его наверняка поджидают с нетерпением.

Опять-таки возникает всеобъемлющая проблема парадокса!

— Мне плохо, — произнесла Кей сдавленным голосом, — я пока еще не могу ехать.

— Отчего вам плохо? Если вы больны, я вызову скорую помощь, — сказал Гарф, подозрительно оглядывая комнату в поисках бактерий бубонной чумы.

— Я с радостью внесу двойную плату, если вы позволите нам задержаться здесь еще ненадолго, — предложил Масрин.

Гарф почесал затылок и пристально посмотрел на Масрина. Вытерев нос тыльной стороной ладони, он спросил: «А где деньги?»

Масрин вспомнил, что у него, кроме билетов на поезд, осталось около десяти долларов. Сразу же по приезде в колледж они с Кей намеревались просить аванс.

— Прожились, — констатировал Гарф. — Вы, кажется, получили работу в каком-то училище?

— Получил, — подтвердила преданная Кей.

— В таком случае отчего бы вам не отправиться туда и не убраться из моего дома? — спросил Гарф.

Масрины промолчали. Гарф бросил на них взгляд, исполненный гнева.

— Все это очень подозрительно. Убирайтесь-ка по добру-поздорову до полудня, не то я вызову полицию.

— Пойдите, — заметил Масрин. — Мы заплатили вам по сегодняшней день. До полуночи эта комната — наша.

Гарф устался на жильцов и в раздумье снова вытер нос.

— Чтоб ни одной минуты дольше, — предупредил он и ушел, громко топая.

* * *

Как только Гарф вышел, Кей поспешно закрыла за ним дверь.

— Милый, — сказала она, — может быть, пригласить каких-нибудь ученых и рассказать им о том, что случилось? Я уверена, что они что-нибудь придумали бы на первых порах, пока... Как долго нам придется здесь пробыть?

— Пока не заделают трещину, — ответил Масрин. — Но никому нельзя ничего рассказывать, тем более ученым.

— А почему? — спросила Кей.

— Понимаешь, главное, как я уже говорил, избежать парадокса. Это означает, что мне надо убрать руки прочь и от прошлого, и от будущего. Правильно?

— Если ты так говоришь, значит — правильно.

— Мы вызовем бригаду ученых, и что получится? Они, естественно, будут настроены скептически. Они захотят увидеть своими глазами, как я это делаю. Я покажу. Они тут же приведут коллег. Все увидят, как я исчезаю. Пойми, не будет никаких доказательств,

что я попал в прошлое. Они узнают лишь, что, спускаясь по лестнице, я исчезаю.

Вызовут фотографов, желая убедиться, что я не мистифицирую ученых. Потом потребуют доказательств. Захотят, чтобы я принес им чей-нибудь скальп или резную дубинку. Газеты поднимут шумиху. И уже где-нибудь я неминуемо создам парадокс. А знаешь, что тогда будет?

— Нет, и ты тоже не знаешь.

— Я знаю, — твердо сказал Масрин. — Коль скоро будет создан парадокс, его носитель, то есть тот, кто его создал, — исчезнет. Раз и навсегда. Этот случай будет занесен в книги как еще одна неразгаданная тайна. Таким образом, парадокс разрешится наилегчайшим путем — устранением парадоксального элемента.

— Если ты считаешь, что тебе грозит опасность, мы, конечно, не станем приглашать ученых. Хотя жаль, что я никак в толк не возьму, к чему ты клонишь. Из того, что ты наговорил, я ничего не поняла. — Она подошла к окну и выглянула на улицу. Перед нею расстился Нью-Йорк, а где-то за ним лежала Айова, куда они должны были ехать. Кей посмотрела на часы. Поезд уже ушел.

— Позвони в колледж, — попросил Масрин. — Сообщить, что я задержусь на несколько дней.

— А хватит ли нескольких дней? — спросила Кей. — Как ты в конце концов отсюда выберешься?

— Да ведь дыра во времени не вечна, — авторитетно ответил Масрин. — Она затянется... если только я перестану в нее соваться.

— Но мы можем пробыть здесь только до полуночи. Что будет потом?

— Не знаю, — сказал Масрин. — Остается только надеяться, что ее починят еще до полуночи.

* * *

Адрес: Центр,
Контора 41
Адресат: Ревизор Миглиз
Отправитель: Подрядчик Карненомен
Предмет: Метагалактика «Морстт»

Дорогой сэр!

Прилагаю заявку на работу по созданию новой метагалактики в секторе, которому присвоен шифр «Морстт». Если в последнее время Вы следили за дискуссиями в художественных кругах, то, полагаю, должны знать, что использование неустойчивых атомов объявлено «первым крупным успехом творческого строительства с тех пор, как был изобретен регулируемый поток времени». См. прилагаемые рецензии.

Мое мастерство заслужило множество лестных отзывов.

Большая часть несообразностей в метагалактике «Атала» исправлена (позволю себе заметить, что имеются в виду естественные несообразности). Продолжаю работать с человеком, который травмирован трещиной во времени. Он охотно содействует этому, по крайней мере настолько, насколько это возможно при различных посторонних влияниях.

На сегодняшний день положение таково: я сшил края трещины, и теперь они должны срастись. Надеюсь, индивидуум останется в неподвижном состоянии, так как мне вовсе не хочется выдирать кого бы то ни было и что бы то ни было. В конце концов, каждый

человек, каждая планета, каждая звездная система, как они ни ничтожны, являются неотъемлемой деталью в моем проекте метагалактики.

По крайней мере, в художественном отношении.

Прошу Вас провести осмотр вторично. Обратите внимание на очертания галактик вокруг центра метагалактики. Это прекрасная греза, которая навсегда запечатлется в Вашем сознании.

Прошу рассмотреть заявку на строительство метагалактики «Морстт» с учетом моих прежних заслуг.

По-прежнему ожидаю выплаты вознаграждения за метагалактику «Аттала».

С уважением

Кариеномен

Приложение: 1. Заявка на строительство метагалактики «Морстт»

2. Рецензии на метагалактику «Аттала», 3 шт.

* * *

— Уже без четверти двенадцать, дорогой, — нервно сказала Кей. — Как ты думаешь, можно сейчас идти?

— Подождем еще несколько минут, — ответил Масрин. Он слышал, как на площадке за дверью, крадучись, появился Гарф, движимый нетерпеливым ожиданием полуночи.

Масрин смотрел на часы и отсчитывал секунды.

Без пяти минут двенадцать он решил, что с тем же успехом можно и попытаться. Если дыра и теперь не заделана, то лишние пять минут ничего не изменят.

Он поставил чемодан на туалетный столик и придвинул стул.

— Что ты делаешь? — спросила Кей.

— У меня что-то нет настроения связываться с лестницей на ночь глядя, — пояснил Масрин. — С историческими индейцами и днем-то шутки плохи. Попробую лучше подняться вверх.

Жена бросила на него взгляд из-под ресниц, красноречиво говорящий: «Теперь я точно знаю, что ты спятив». .

— Дело вовсе не в лестнице, — еще раз объяснил Масрин. — Дело в самом действии, в подъеме и спуске. Критическая дистанция, по-моему, составляет полтора метра. Вот эта мебель вполне подойдет.

Пока взволнованная Кей молча сжимала руки, Масрин влез на стул и занес ногу на столик. Потом стал на столик обеими ногами и выпрямился.

— Кажется, все в порядке, — заявил он, чуть покачиваясь. — Попробую еще повыше.

Он вскарабкался на чемодан.

И исчез.

Был день, и Масрин находился в городе. Однако город ничуть не походил на Нью-Йорк. Он был так красив, что дух захватывало — так красив, что Масрин задержал дыхание, боясь нарушить его хрупкое совершенство.

Город был полон стройных башен и домов. И, конечно, людей. Но что это за люди, подумал Масрин, позволив себе, наконец, вздохнуть.

Кожа у них была голубого цвета. Зеленые лучи зеленоватого солнца заливали весь город.

Масрин втянул в себя воздух и захлебнулся. Судорожно вздохнув опять, он почувствовал, что потерял

равновесие. В городе совсем не было воздуха! Во всяком случае, такого, какой пригоден для дыхания. Он искал позади себя ступеньку, споткнулся и упал...

...на пол своей комнаты, хрипя и корчась.

* * *

Через несколько мгновений к нему вернулась способность дышать. Он услышал, что Гарф стучит в дверь, и, шатаясь, поднялся на ноги. Надо было срочно что-то придумать. Масрин знал Гарфа; теперь этот тип, скорее всего, уверен, что Масрин возглавляет Мафию. Если они не выедут, Гарф вызовет полицию. А это в конечном итоге приведет к...

Горло нестерпимо горело после того, как Масрин побывал в будущем. Однако, сказал он себе, удивляться тут нечему. Он совершил основательный прыжок вперед во времени. Состав земной атмосферы, должно быть, постепенно изменялся, и люди к ней приспособились. Для него же такая атмосфера — все равно что яд.

— Послушай-ка, — обратился он к Кей. — У меня возникла другая идея. Возможна альтернатива: либо под доисторическим слоем лежит другой, еще более ранний слой, либо доисторический слой представляет собой лишь временную прерывность, а под ним тот же самый, нынешний Нью-Йорк. Тебе ясно?

— Нет.

— Я попытаюсь проникнуть под доисторический слой. Может быть, это даст мне возможность попасть на первый этаж. Во всяком случае, хуже не будет.

Кей думала, стоит ли углубляться на несколько тысячелетий в прошлое, чтобы пройти несколько мет-

ров. Однако она ничего не ответила. Масрин открыл дверь и в сопровождении Кей вышел на лестницу.

— Пожелай мне удачи, — сказал он.

— Черта лысого, а не удачи, — откликнулся с площадки мистер Гарф. — Убирайтесь-ка отсюда на все четыре стороны.

Масрин стремглав пустился бежать вниз по лестнице.

В доисторическом Нью-Йорке все еще стояло утро, а дикари по-прежнему поджидали Масрина. По его подсчетам, с тех пор как он показался перед ними в последний раз, здесь прошло не больше получаса. Почему это так, некогда было выяснять.

Он застал дикарей врасплох и успел отбежать метров на двадцать, прежде чем его заметили. Дикари устремились за ним вдогонку. Масрин стал искать какую-нибудь впадину в земле. Чтобы уйти от преследования, надо было спуститься вниз на полтора метра.

Отыскав в земле какую-то расщелину, он прыгнул туда.

И очутился в воде. Не просто на поверхности воды, а глубоко под водой. Давление было чудовищным, и Масрин не видел над собой солнечного света.

Должно быть, он попал в тот век, когда эта часть суши служила дном Атлантического океана.

Масрин отчаянно заработал руками и ногами. Казались, барабанные перепонки вот-вот лопнут. Он выплыл на поверхность и... снова стоял на равнине; с него ручьями стекала вода.

На сей раз дикари решили, что с них достаточно. Они взглянули на существо, материализовавшееся пе-

ред ними из ничего, испустили крик ужаса и бросились врассыпную.

Масрин устало подошел к холму и, взобравшись на его вершину, вернулся в стены из камня-песчаника.

Кей глядела на него во все глаза. У Гарфа отвисла челюсть. Масрин слабо улыбнулся.

— Мистер Гарф, — предложил он, — не зайдете ли вы в комнату? Я хочу вам кое-что сказать.

* * *

Адрес: Центр,

Контора 41

Адресат: Ревизор Миглиз

Отправитель: Подрядчик Кариеномен

Предмет: Метагалактика «Морстт»

Дорогой сэръ!

Ваш ответ на мою заявку касательно работы по созданию метагалактики «Морстт» мне непонятен. Более того, я полагаю, что нецензурным выражениям не место в деловой переписке.

Если Вы потрудитесь ознакомиться с моей последней работой в «Аттале», то увидите, что в общем и целом это прекрасное творение, которое сыграет немаловажную роль в подавлении первозданного хаоса.

Единственная мелочь, которую еще предстоит уладить, — это травмированный. Боюсь, что придется прибегнуть к выдирке.

Трещина отлично затягивалась, пока он не ворвался в нее снова, разорвав более чем когда бы то ни было. До сих пор парадоксы не имели места, но я предпочитаю, что теперь они наверняка произойдут.

Если травмированный не в состоянии воздействовать на свое непосредственное окружение (и взяться за это дело безотлагательно), я приму необходимые меры. Парадокс недопустим.

Считаю своим долгом ходатайствовать о пересмотре моей заявки на строительство метагалактики «Морстт».

Надеюсь, Вы простите, что я опять обращаю Ваше внимание на эту мелочь, но оплата все еще не произведена.

С уважением

Кариеномен

* * *

— Теперь вы все знаете, мистер Гарф, — закончил Масрин час спустя. — Я понимаю, что это кажется сверхъестественным; но ведь вы же своими глазами видели, как я исчез.

— Это-то я видел, — признал Гарф.

Масрин вышел в ванную развесить мокрую одежду.

— Да, — процедил Гарф, — пожалуй, вы и вправду исчезали, если на то пошло.

— Безусловно.

— И вы не хотите, чтобы о вашей сделке с дьяволом прознали ученые?

— Нет! Я же вам объяснил про парадокс и...

— Дайте подумать, — попросил Гарф. Он энергично высморкался. — Вы говорите, у них резные дубинки. Не сгодились бы одна такая дубинка для музея? Вы говорили, будто они ни на что не похожи.

— Что? — переспросил Масрин, выходя из ванной. — Послушайте, я не могу даже прикоснуться к этому бараклу. Это повлечет...

— Конечно, — задумчиво произнес Гарф, — я мог бы вместо того вызвать газетчиков. И ученых. Может, я бы выколотил кругленькую сумму из всей этой чертовщины.

— Вы этого не сделаете! — вскричала Кей, которая помнила только то, что слышала от мужа: случится нечто ужасное.

— Да успокойтесь, — сказал Гарф. — Все, что мне от вас нужно, — это одна-две дубинки. Из-за такого пустяка беды не будет. Можете запросто требовать со своего дьявола...

— Дьявол тут ни при чем, — возразил Масрин. — Вы не представляете себе, какую роль в истории могла сыграть одна из этих дубинок. А вдруг захваченной мною дубинкой, если бы я ее не трогал, был бы убит человек, который, оставшись в живых, объединил бы этих людей, и европейцы встретились бы с индейцами Северной Америки, сплоченными в единую нацию? Подумайте, как это изменило бы...

— Не втирайте мне очки, — заявил Гарф. — Принесете вы дубинку или нет?

— Ведь я вам все объяснил, — устало ответил Масрин.

— Довольно морочить мне голову всякими парадоксами. Все равно я в них ничего не смыслю. Но ручку за дубинку я бы разделил с вами пополам.

— Нет.

— Ну ладно же. Еще увидимся. — Гарф взялся за дверную ручку.

— Погодите.

— Да? — тонкий паучий рот Гарфа тотчас же искривился в подобие улыбки. Масрин перебирал все варианты, пытаясь выбрать меньшее из зол. Если он

принесет с собой дубинку, парадокс вполне возможен, так как будет зачеркнуто все, что совершила эта дубинка в прошлом. Однако если ее не принести, Гарф созовет газетчиков и ученых. Им нетрудно будет установить, правду ли говорит Гарф — стоит только свести Масрина вниз по лестнице; впрочем, точно так же поступила бы с ним и полиция. Он исчезнет, и тогда...

Если расширится круг людей, посвященных в тайну, парадокс станет неизбежным. Вполне вероятно, что будет изъята вся Земля. Это Масрин знал твердо, хоть и не понимал почему.

Так или иначе, он погиб. Однако ему показалось, что принести дубинку — это простейшее решение.

— Принесу, — заявил Масрин. Он вышел на лестницу в сопровождении Кей и Гарфа. Кей схватила его за руку.

— Не делай этого, — попросила она.

— Больше ничего не остается. — У него мелькнула мысль, не убить ли Гарфа. Но в результате он лишь попадет на электрический стул. Правда, можно убить Гарфа, перенести труп в прошлое и там захоронить.

Однако труп человека из двадцатого века в доисторической Америке, как ни кинь, представляет собой парадокс. А что, если его кто-нибудь выроет? Кроме того, Масрин был неспособен на убийство.

Он поцеловал жену и сошел вниз.

На равнине нигде не было видно дикарей, хотя Масрину казалось, что он чувствует на себе их внимательные взгляды. На земле валялись две дубинки, те, что его задели; должно быть, теперь они превратились в табу, решил Масрин и поднял одну из них, ожидая, что с минуты на минуту еще одна дубинка раздробит ему череп. Однако равнина безмолвствовала.

— Молодчага! — одобрил его Гарф. — Давай сюда! — Масрин вручил ему дубинку, подошел к Кей и обнял ее одной рукой за плечи. Теперь это настоящий парадокс — все равно как если бы он, еще не родившись, убил своего прапрадеда.

— Прелестная вещица, — сказал Гарф, любуясь дубинкой при свете электрической лампочки. — Считайте, что за квартиру уплачено до конца месяца...

Дубинка исчезла из его рук.

И сам он исчез.

Кей лишилась чувств.

Масрин отнес ее на кровать и сбрызнул лицо водой.

— Что случилось? — спросила она.

— Не знаю, — ответил Масрин, внезапно почувствовавший, что он крайне озадачен всем происшедшим. — Я знаю только одно: мы останемся здесь еще по меньшей мере на две недели. Даже если придется сидеть на одних бобах.

* * *

Адрес: Центр,

Контора 41

Адресат: Ревизор Миглиз

Отправитель: Подрядчик Кариеномен

Предмет: Метагалактика «Морстт»

Сэр!

Предложенная Вами работа по ремонту поврежденных звезд является оскорблением для моей фирмы и меня лично. Мы отказываемся. Разрешите сослаться на мои прошлые труды, перечисленные в прилагаемой мною брошюре. Как Вы осмелились предложить подоб-

ное холуйское занятие одной из крупнейших фирм Центра?

Мне хотелось бы еще раз войти с ходатайством о предоставлении мне работы над метагалактикой «Морстт».

Что касается метагалактики «Аттала», то работа полностью закончена, и более совершенного творения по эту сторону хаоса Вы нигде не найдете. Тот сектор — подлинное чудо.

Травмированный перестал быть таковым. Я вынужден был прибегнуть к выдирке. Однако я выдрал не самого травмированного. У меня появилась возможность устранить один из внешних факторов, оказывавших на него воздействие. Теперь травмированный может развиваться нормально.

Полагаю, Вы согласитесь, что это было сработано недурно и к тому же с находчивостью, характерной для всех моих трудов в целом.

Мое решение было таково: к чему выдирать хорошего человека, когда можно сохранить ему жизнь, убрав вместо него мерзавца?

Повторяю, жду Вашей инспекции. Прошу повторно рассмотреть вопрос о метагалактике «Морстт».

Вознаграждение все еще не выплачено!

С уважением

Кариеномен

Приложение: брошюра, 9978 листов.

Ш О К

Когда Грегг, подняв глаза от книги, увидел, что сквозь стену к нему в квартиру лезет какой-то человек, он на мгновение подумал, что сошел с ума. С такими явлениями обычно не сталкиваются ученые-физики средних лет, подчинившие свою жизнь определенному распорядку. А все-таки в стене сейчас было отверстие, и в эту дыру протискивалось какое-то полуголое существо с ненормально увеличенным черепом.

— Кто вы такой, черт побери? — спросил Грегг, когда к нему вернулся дар речи.

Человек говорил на каком-то странном английском языке: слова сливались, интонации звучали необычно, но понять его все-таки было можно.

— Я — важная персона, — объявил он, покачивая плечами и грудью. — Моя персона сейчас в 1953 году, а?.. а моя важность... у-у-у!

Он сделал судорожное усилие и, протиснувшись в отверстие, тяжело дыша, пополз по ковру.

— А стачно меня зажало. Дыра еще недостаточно расширилась. Повсегда.

В этих словах был какой-то смысл, но не очень ясный. Лицо Мэннинга Грегга, с крупными чертами, напоминающими львиные, помрачнело. Он протянул руку, схватил тяжелую книгу и встал.

— Я Хэлисон, — объявил незнакомец, поправляя свою тогу. — Это, вероятно, 1953 год. Нечудо одинако.

— Что?

— Смысловые трудности языка, — сказал Хэлисон. — Я живу в будущем... примерно за несколько тысяч лет вперед, в будущем. В вашем будущем.

Грегг пристально посмотрел на отверстие в стене.

— Но ведь вы говорите по-английски.

— Выучил его в 1970 году. Я не впервые путешествую в прошлое. Уже много раз бывал в нем. Ищу одну вещь. Что-то важное, urgently важное. Я использую силу мысли, чтобы деформировать фэррон пространства и времени, вот отверстие и открывается. Не можете ли вы одолжить мне одежду?

Все еще держа в руке книгу, Грегг подошел к стене и заглянул в круглую брешь, в которую могло пройти тело художавого человека. Он смог увидеть лишь голую голубую стену, по-видимому, на расстоянии нескольких метров. Смежная квартира? Невероятно.

— Отверстие потом станет больше, — объявил Хэлисон. — Ночью оно открыто, днем закрыто. Я должен вернуться к четвергу. По четвергам ко мне приходит Рэнил-Менс. А сейчас могу я попросить у вас одежду? Мне нужно найти одну вещь... Я ищу ее во времени уже долгие веколетия. Прошу вас!

Он все еще сидел на корточках на полу. Грегг не сводил глаз со своего необыкновенного посетителя. Хэлисон, конечно, не принадлежал к числу homo sapiens образца 1953 года. У него было очень румяное ли-

цо с острыми чертами, огромные блестящие глаза, ненормально развитый и совершенно лысый череп. На руках у него было по шести пальцев, а пальцы на ногах срослись вместе. И он беспрерывно трясся от нервной дрожи, как будто обмен веществ у него никуда не годился.

— Боже милостивый! — воскликнул Грегг, вдруг сообразив что-то. — А это не розыгрыш? Нет? — Он повысил голос.

— Розыгрыш, розыгрыш. Это что, новецкий голлаундов рече? Важная персона что-то напутала? Трудно догадаться, что нужно сказать в новом для тебя мире другой эпохи. Мне очень жаль, но вы не имеете представления о степени развития нашей культуры. Нам трудно спуститься до вашего уровня. После вашего столетия цивилизация пошла вперед быстро, быстро. Но времени у меня мало. После поговорим, а сейчас необходимо, чтобы вы одолжили мне одежду.

Грегг ощутил, как вдоль его позвоночника пробежал какой-то неприятный холодок.

— Хорошо, только... подождите. Если это не какое-то...

— Простите, — перебил его Хэлисон. — Я ищу одну вещь; очень спешу. Скоро вернусь. Во всяком случае, к четвергу, мне нужно видеть Рэнил-Менса. От него я набираюсь мудрости. А теперь простите преладно.

Он прикоснулся ко лбу Грегга.

— Говорите немного медленнее, пож... — пробормотал физик.

Хэлисон исчез.

Грегг повернулся кругом, оглядывая комнату. Ничего. Разве что дыра в стене увеличилась вдвое. Что за дьявольщина!

Он посмотрел на часы. Они показывали ровно восемь. А ведь только что было около семи. Значит, целый час прошел с тех пор, как Хэлисон протянул руку и коснулся его лба!

Если это гипноз, то он действовал чертовски сильно.

Грегг не спеша достал сигарету и закурил. Затянувшись, он поглядел на отверстие в стене и стал размышлять. Посетитель из будущего, каково? Ну, что ж, посмотрим...

Вдруг сообразив что-то, он пошел в спальню и обнаружил, что исчез один из его костюмов — из коричневого твида, от Гарриса. Не хватало рубашки, галстука и пары ботинок. Но дыра в стене опровергала его предположение о том, что это была умно организованная кража. К тому же и бумажник Грегга остался при нем, в кармане его брюк.

Он снова заглянул в дыру и по-прежнему не увидел ничего, кроме голубой стены. Очевидно, эта стена не имела отношения к смежной квартире, принадлежавшей Томми Мак Ферсону, стареющему повесе, который бросил посещать ночные клубы, чтобы по совету своего врача предаться более спокойным занятиям. Но Грегг все-таки вышел на площадку и нажал кнопку электрического звонка возле двери Мак Ферсона.

— Послушайте, Мак, — сказал он, когда перед ним появилось круглое бледное лицо и заспанные глаза заморгали из-под старательно выкрашенных в каштановый цвет волос. — Вы заняты? Я бы хотел зайти к вам на минутку.

Мак Ферсон с завистью покосился на сигарету Грегга.

— Конечно. Будьте как дома. Я просматривал кое-какие инкунабулы, которые мне прислал мой агент из

Филадельфии, и мечтал о том, чтобы выпить. Хотите виски с содовой?

— Если вы составите мне компанию.

— Кабы я мог, — проворчал Мак Ферсон. — Но мне еще рано умирать. Так что же случилось?

Он пошел за Греггом в кухню и стал наблюдать, как тот внимательно осматривает стену.

— Муравьи?

— У меня в стене образовалась дыра, — пояснил Грегг. — Однако же она не проходит насквозь.

Это доказывало, что отверстие определенно «сбилось с пути». Оно должно было выйти или в кухню Мак Ферсона, или... куда-то совсем уж в другое место.

— Дыра в стене? Откуда она взялась?

— Я вам покажу.

— Не такой уж я любопытный, — заметил Мак Ферсон. — Позвоните домовладельцу. Быть может, он заинтересуется.

Грегг нахмурился.

— Для меня это важно, Мак. Я бы хотел, чтобы вы взглянули. Это... забавно. И я желал бы иметь свидетеля.

— Или дыра есть, или ее нет, — просто сказал Мак Ферсон. — А ваши великолепные мозги случайно не задурманены алкоголем? Как бы я хотел, чтобы это произошло с моими!

Он тоскливо посмотрел на портативный бар.

— Вы мне ничем не можете помочь, — заметил Грегг. — Но все-таки вы лучше, чем никто. Пошли!

Он потащил упиравшегося Мак Ферсона к себе в квартиру и показал ему дыру. Мак подошел к ней, бормоча что-то о зеркале, и заглянул в отверстие. Он тихонько свистнул. Потом просунул туда руку, вытя-

нул ее, насколько было возможно, и попытался дотронуться до голубой стены. Ему это не удалось.

— Дыра увеличилась, — спокойно проговорил Грегг, — даже по сравнению с тем, какой она была несколько минут назад. Вы тоже это заметили?

Мак Ферсон отыскал стул.

— Давайте выпьем, — проворчал он. — Мне это необходимо. Ради такого случая нельзя не выпить. Только немного, — добавил он, в последнюю минуту вспомнив об осторожности.

Грегг смешал в двух бокалах виски с содовой и подал один из них Мак Ферсону. За выпивкой он рассказал обо всем происшедшем. Мак не знал, что и думать.

— Из будущего? Рад, что это случилось не со мной. Я бы тут же отдал концы.

— Все совершенно логично, — пояснял Грегг, главным образом самому себе. — Этот малый, Хэлисон, конечно, не может быть человеком, живущим в 1953 году.

— Он, наверное, выглядит, как помесь Пого* с Карловым**.

— Послушайте, ведь вы-то не выглядите, как неандерталец или пилтдаунский человек, нет? У Хэлисона такой череп... наверно, у него потрясающий мозг. Ну, коэффициент умственной одаренности.

— Какой во всем этом толк, если он не пожелал разговаривать с вами? — резонно заметил Мак Ферсон.

Грегг почему-то почувствовал, что к его лицу медленно подступает теплая волна.

* Пого — колдун, герой произведений американской литературы для детей. — *Прим. перев.*

** Борис Карлов — американский киноактер, прославившийся исполнением ролей мистических злодеев. — *Прим. перев.*

— Я, наверное, показался ему чем-то вроде человекообразной обезьяны, — уныло заметил он. — Я с трудом понимал его — и не удивительно. Но он еще вернется.

— В четверг? А кто этот Рэнилпэнтс?

— Рэнил-Менс, — поправил его Грегг. — Я думаю, его друг. Может быть, учитель. Хэлисон сказал, что набирается от него мудрости. Наверное, Рэнил-Менс — профессор какого-нибудь университета будущего. Я не совсем способен рассуждать здраво. Вы представляете себе значение всего этого, а, Мак?

— Не очень-то мне это интересно, — ответил Мак Ферсон, пробуя свое виски. — Меня что-то страх одолевает.

— А вы прогоните его силой разума, — посоветовал Грегг. — Я так собираюсь это сделать. — Он снова посмотрел на стену. — Дыра здорово увеличилась. Интересно, смогу я пролезть в нее?

Он подошел к самому отверстию. Голубая стена все еще была на прежнем месте, и немного ниже уровня серого ковра Грегга виднелся голубой пол. Приятная, чуть терпкая струя воздуха проникала в комнату из неведомого мира, странным образом подбадривая физика.

— Лучше не лазайте, — предупредил Мак Ферсон. — Вдруг дыра закроется за вами.

Вместо ответа Грегг исчез в кухне и вернулся с куском тонкой веревки. Он обвязал ею себя вокруг пояса, подал другой конец Мак Ферсону и бросил свою сигарету в пепельницу.

— Она не закроется, пока не вернется Хэлисон. Или, во всяком случае, закроется не слишком быстро. Я надеюсь. А все-таки крикните мне, Мак, если

увидите, что она начинает закрываться. Я сразу же нырну обратно.

— Сумасшедший, безумец! — сказал Мак Ферсон.

Грегг переступил порог будущего — при этом губы его довольно сильно побелели. Отверстие уже достигло почти полутора метров в диаметре, его нижний край был на полметра выше уровня ковра. Греггу пришлось нагнуться. Потом он выпрямился, вспомнил, что нужно перевести дух, и посмотрел назад, в дыру, на бледное лицо Мак Ферсона.

— Все о'кэй, — объявил он.

— Ну, что там?

Грегг прижался к голубой стене. Под ногами его был мягкий пол. Круг диаметром в полтора метра был словно вырезанный из стены диск, словно мольберт, висящий в воздухе, или кадр из кинофильма. Грегг мог видеть в нем Мак Ферсона и свою комнату.

Но сам находился теперь в другой комнате, просторной, освещенной прохладным лучистым светом и совершенно не похожей на все, что ему приходилось видеть до сих пор.

Прежде всего его внимание привлекли окна, овальные высокие отверстия в голубых стенах, прозрачные в центре, ближе к краям полупрозрачные и у самых краев лазурно-матовые. Сквозь них он увидел огни, движущиеся разноцветные огни. Он шагнул вперед и, не решаясь идти дальше, посмотрел назад, где его ждал Мак Ферсон.

— На что это похоже?

— Сейчас посмотрим, — сказал Грегг и обошел отверстие. С этой стороны оно было невидимо. Возможно, световые лучи огибали его. Грегг не смог бы этого объяснить. Слегка испуганный, он быстро вернулся,

чтобы снова взглянуть на Мак Ферсона, и, успокоившись, стал продолжать свои исследования.

Комната была примерно в восемьдесят квадратных метров, потолок высокий, в форме купола; источник света сначала было трудно обнаружить. Все в комнате слегка светилось. «Поглощение солнечных лучей, — подумал Грегг, — вроде светящейся краски». Это казалось рациональным.

Собственно, смотреть было не на что. Низкие диваны, мягкие удобные пастелевых тонов кресла, по-видимому, какого-то специального назначения, и несколько каучуковых столиков. Четырехугольный стекловидный блок величиной с маленький саквояж, сделанный из какого-то пластика, стоял на голубом полу. Грегг не мог понять его назначения. Когда он осторожно поднял его, в нем заиграли фосфоресцирующие краски.

На одном из столиков лежала книга, и Грегг сунул ее в карман как раз в тот момент, когда Мак Ферсон окликнул его.

— Мэннинг? Ну, как там, о'кэй?

— Да, подождите минутку.

Где же тут двери? Грегг криво усмехнулся. Он был слегка обескуражен тем, что у него нет даже самых основных технических знаний, необходимых в этом неведомом мире. Двери могли открываться от давления, от света, от звука. Или даже от запаха, откуда он мог это знать? Быстрый осмотр ничего не подсказал. Но его тревожила дыра. Если она вдруг закроется...

«Ну, что ж, ничего страшного не случится, — подумал Грегг. — Этот мир будущего населен человеческими существами, в достаточной мере похожими на нас. И у них хватит ума, чтобы отправить человека в его собственную эпоху, — доказательством этому служило

самое появление Хэлисона». И все-таки Грегг предпочитал иметь открытый путь к отступлению.

Он подошел к ближайшему окну и посмотрел в него. За несколько тысячелетий созвездия на пурпурном небе слегка изменились, но не слишком. Здесь и там мелькали радужные огни. Это летели самолеты. Внизу неясно виднелись темные массы зданий, окутанные мглой. Луны не было. Несколько башен поднималось до уровня этого окна, и Грегг мог различить округлые очертания их верхушек.

Один из огней метнулся к нему. Прежде чем Грегг успел отпрянуть от окна, он заметил маленький кораблик, — антигравитация, подумал Грегг, — с юношей и девушкой в открытой кабине. У корабля не было ни пропеллера, ни крыльев. Парочка напоминала Хэлисона — такие же большие черепа и острые черты лица, хотя у обоих на голове были волосы. Одежда их тоже походила на тогу.

И все-таки они не казались странными. Не было такого ощущения, будто они с другой планеты. Девушка смеялась, и, несмотря на то, что у нее был выпуклый лоб и худощавое лицо, Грегг подумал, что она необыкновенно привлекательна. Конечно, этот народ никому не мог причинить вреда. Неясный страх перед холодной жестокостью бесчеловечной суперрасы стал постепенно исчезать.

Они пронеслись мимо, на расстоянии не более шести метров, глядя прямо на Грегга... и не видя его. Удивленный физик протянул руку, чтобы дотронуться до гладкой, чуть теплой поверхности стекла. Странно!

Но окна других зданий были темные. Они, вероятно, пропускали свет только в одну сторону, чтобы не мешать уединению людей у себя дома. Изнутри можно

было смотреть в окно, но снаружи ничего не было видно.

— Мэннинг?

Грегг торопливо обернулся, закрутил вокруг себя веревку и вернулся к дыре. Его встретила нахмуренная физиономия Мак Ферсона.

— Я бы хотел, чтобы вы вернулись. У меня нервы не выдерживают.

— Хорошо, — любезно ответил Грегг и пролез в дыру. — Но там не опасно. Я стащил книжку. Вот вам настоящая инкунабула будущего.

Мак Ферсон взял книгу, но раскрыл ее не сразу. Его тусклые глаза были устремлены на Грегга.

— Что вы там видели?

Грегг стал рассказывать во всех подробностях.

— Вы знаете, по-видимому, это просто замечательно! Тоненький ломтик будущего. Когда я был там, внутри, все это не казалось мне таким странным, но теперь это меня поражает. А виски-то мое стало совсем теплым. Выпьем еще?

— Нет. Впрочем, ладно. Немного.

Пока Грегг ходил на кухню, Мак Ферсон рассматривал книгу. Потом он взглянул на дыру. «Она стала немного шире, — подумал он. — Немного. Вероятно, она почти достигла своего максимального размера».

Грегг вернулся.

— Можете прочесть? Нет? Ну, что же, я этого и ожидал. Хэлисон сказал, что ему нужно изучить наш язык. Интересно, что он ищет... в прошлом?

— Интересно, кто этот Рэнил-Менс.

— Хотел бы я с ним встретиться, — заметил Грегг. — Слава богу, у меня есть кое-какие знания. Если бы Хэлисон... или кто-нибудь другой... объяснил

мне некоторые вещи, я бы, наверно, мог постигнуть основы техники будущего. Вот было бы здорово, Мак!

— Если только он согласится.

— Ведь вы его не видели, — сказал Грегг. — Он был настроен дружески, хотя и загипнотизировал меня. А это что такое?

Он схватил книгу и начал рассматривать картинку.

— Осьминог, — подсказал Мак Ферсон.

— Карта. Интересно. Она выглядит совсем как структурная формула, но я никогда не встречал такого вещества. Как бы я хотел прочесть эти чертовы завитушки! Они похожи на комбинацию бирманского и питмэновского письма. Даже система цифр отличается от арабской. Да здесь целая сокровищница, а ключа к ней нет!

— Гм-м-м. Возможно. Все-таки мне кажется, что это немного опасно.

Грегг взглянул на Мак Ферсона.

— Не думаю. Нет никаких причин ожидать неприятностей. Это был бы сюжет для дешевого бульварного романа.

— А что такое жизнь, как не бульварный роман? — угрюмо спросил Мак Ферсон, порядочно захмелевший — он уже успел отвыкнуть от спиртного.

— Это просто вы смотрите на нее под таким углом зрения. И в соответствии с этим и живете. — Грегг говорил недовольным тоном, главным образом потому, что не выносил безнадежной философии Мак Ферсона, которую тот периодически проповедовал. — Попробуйте для разнообразия рассуждать логически. Человечество идет вперед, несмотря на диктаторов и профессиональных политиканов. Промышленная революция ускоряет социальные изменения. Биологическая мутация

тесно с ними связана. Она прогрессирует. За последующие пятьсот лет мы пройдем такой же путь, какой прошли за последние десять тысяч. Это как лавина, низвергающаяся с горы.

— Ну, и что же?

— А то, что в будущем настанет царство логики, — пояснил Грегг, — и не хладнокровной бесчеловечной логики. Логике человеческой, которая принимает во внимание эмоции и психологию. То есть будет принимать. Там обойдутся без Великого Мозга, стремящегося завоевать миры или поработить остатки человечества. Этакое мы уже видели. Хэлисон... хотел поговорить со мной, но он тогда очень торопился. Он сказал, что все объяснит потом.

— Я знаю только одно: что в стене есть дыра, — заметил Мак Ферсон. — Такое обычно не случается. А теперь случилось. Жаль, что я подвыпил.

— Таким способом вы поддерживаете свой эмоциональный баланс, — произнес Грегг. — А я предпочитаю делать это, следуя математическим законам. Решаю уравнение, исходя из имеющихся данных. Индуктивный метод дает немного, но позволяет судить о том, каким потрясающим должно быть целое. Совершенный мир будущего...

— Откуда вы знаете?

Грегг замялся.

— Ну, мне так показалось. Через несколько тысячелетий человечество сможет применять технику достаточно широко и будет учитывать все тонкости. И в теории, и на практике. Но самое лучшее, что люди от этого не станут зазнаваться. Это просто не будет им свойственно. Во всяком случае, Хэлисон не зазнавался.

— Дыра больше не увеличивается, — заметил Мак Ферсон. — Я это вижу по пятнышку на обоях.

— Но и не уменьшается, — неуверенно проговорил Грегг. — Хотел бы я знать, как там открываются двери. Сам я не могу разобраться в этой чертовщине.

— Выпейте-ка еще. Должно помочь.

Но это не очень помогло. Грегг не отважился снова пролезть в дыру, боясь, что она может неожиданно закрыться, и, сидя с Мак Ферсоном, курил, пил виски и разговаривал. Медленно проходила ночь. Время от времени они снова принимались разглядывать книгу, но она им ни о чем не говорила.

Хэлисон не появлялся. В три часа утра отверстие начало уменьшаться. Грегг вспомнил, что сказал человек из будущего: брешь будет открыта ночью и закрыта днем. Вероятно, она опять откроется. Если же нет, значит, он прозевал случай, выпадающий один раз за сто человеческих жизней.

Через полчаса дыра совершенно закрылась, не оставив никакого следа на обоях. Мак Ферсон, смотря перед собой остекленевшим взором, вернулся домой. Грегг запер книгу в ящик письменного стола и лег в постель, чтобы поспать несколько часов, прежде чем беспокойство поднимет его на ноги.

На другой день, одеваясь, Грегг позвонил в Хэверхилскую исследовательскую лабораторию — сообщить, что сегодня он не придет на работу. Он хотел быть дома на случай, если появится Хэлисон. Но Хэлисон не пришел. Грегг провел все утро, бросая в пепельницу недокуренные сигареты и перелистывая книгу. После полудня он отправил ее с посыльным в университет

профессору Кортнею, приложив короткую записку с просьбой сообщить сведения об этом языке. Кортней, который собаку съел на языках, позвонил и сказал, что он в недоумении.

Разумеется, его разбирало любопытство. Греггу пришлось пережить несколько неприятных минут, пока он не отделался от профессора. В следующий раз Грегг решил быть осторожнее. Ему вовсе не хотелось разглашать свою тайну всему свету. Даже и Мак Ферсону... Ну, тут уж ничего не поделаешь. Ведь открытие принадлежит Мэннингу Греггу, и это только справедливо, если он будет иметь на него все права.

Эгоизм Грегга был совершенно бескорыстным. Если бы он проанализировал его причины, то понял бы, что его существо жаждало интеллектуального опьянения — самый подходящий термин для такого случая. Грегг и вправду обладал необыкновенно острым умом, и ему доставляло глубокую радость применять его на деле. Он мог испытывать настоящее опьянение, разрабатывая технические проблемы, и получал при этом такое же удовольствие, как инженер при взгляде на красиво выполненный чертеж или пианист, разбирающий сложную композицию. Он любил все совершенное. И теперь, если он будет обладать ключом от совершенного мира будущего...

Разумеется, он не был так уж уверен в совершенстве этого мира, но постепенно его уверенность крепла. Особенно после того, как в шесть тридцать вечера отверстие начало медленно открываться.

На этот раз Грегг сунулся в дыру, едва лишь она увеличилась настолько, что он смог пролезть в нее. У него в запасе была уйма времени. Сколько он ни искал дверей, он так и не нашел их, но сделал другое

открытие: голубые стены оказались в действительности дверцами огромных шкафов, наполненных необыкновенными предметами. Прежде всего, конечно, книгами — но он не мог прочесть ни одной. Из-за некоторых чертежей он буквально претерпел танталовы муки: они были ему почти понятны, он почти мог подогнать их под свой образ мышления — и все-таки не совсем. Раскрашенные картинки в трех измерениях смутными проблесками чарующе намекали ему на жизнь в будущем. Ему казалось, что это счастливая жизнь.

Шкафы...

В них хранились чертовски интересные вещи. Все они, без сомнения, были очень хорошо известны Хэлсону, но Грегг не знал, что делать, например, с куклой высотой больше полуметра, созданной по образу и подобию человека будущего, которая декламировала на неведомом языке что-то похожее на стихи. Насколько он мог понять, рифмы были замечательные, а ритм — сложный, необыкновенный — оказывал определенное эмоциональное воздействие даже на незнакомом языке.

В шкафах были и каучуковые прозрачные блоки с движущимися огоньками внутри, и металлические конструкции (в одной из них Грегг узнал модель солнечной системы), и садик, выращенный гидропонным способом; он мог изменять цвет, как хамелеон, и фигурки из пластика, возможно изображавшие мифических животных; соединяясь, они могли производить других животных — гибриды или биологические разновидности (поразительная демонстрация чистой генетики); все это и еще многое, многое другое! У Грегга закружилась голова. Он подошел к окну, чтобы немного прийти в себя.

Радужные огни все еще мерцали во мраке. Глубоко внизу Грегг заметил прерывистые вспышки лучистого света — будто взрывались осветительные ракеты. На мгновение он замер: у него мелькнула мысль о войне. Но еще одна вспышка, фонтаном поднявшаяся вверх, успокоила его. Вытянув шею, он смог разглядеть крошечные фигурки, принимавшие разные позы и танцевавшие в воздухе среди бушующего моря красок — что-то вроде балета в состоянии невесомости. Нет, это был совершенный мир.

Вдруг его охватило непреодолимое желание вырваться из этой безмолвной комнаты в сверкающую радостную суматоху за окнами. Но он не мог понять, как открываются окна. И не нашел кнопок, управляющих дверями. Грегг вспомнил, как нелегко было обнаружить скрытые кнопки, при помощи которых открывались шкафы.

Он со злорадством подумал о старом Даффи из Нэверхилла и о том, что бы тот стал делать, если бы увидел все это. Ну да ладно, к черту Даффи. Пусть потом пьет весь мир, но сейчас Грегг хотел сделать то, что заслужил, — первым вне себя от восторга хлебнуть из этой бутылки с чудесным вином.

Он надеялся, что кто-нибудь войдет в эту комнату, к Хэлисону, может быть, Рэнил-Менс. Сначала Грегг, возможно, поймет не все, — если только посетитель не изучал архаический английский язык, что было маловероятно, — но потом уж он как-нибудь преодолет трудности. Только бы Рэнил-Менс появился и показал ему, как работают приборы, спрятанные в шкафах! Это ведь золотые россыпи для физика!

Однако никто так и не появился, и Грегг, нагруженный трофеями, возвратился в свою эпоху, где

обнаружил Мак Ферсона. Откинувшись в кресле, тот пил виски с содовой и скептически поглядывал на дыру.

— Как вы попали в квартиру? — спросил Грегг.

— Очень просто, — ответил Мак Ферсон. — Дверь была открыта. В комнате стоял Хэлисон, и мне захотелось выяснить, в чем дело. Он вполне реальный, все в порядке.

В его бокале звенели кубики льда.

— Хэлисон был здесь? Мак, какая...

— Не расстраивайтесь. Я вошел и спросил его, кто он такой. — Хэлисон, — ответил он. — Я просто зашел на минутку, или что-то в этом роде. — Грегг хочет вас видеть, — сказал я. — Пока у меня нет времени, — ответил он. — Я ищущу одну вещь. Вернусь в четверг, чтобы поговорить с Рэнни-Менсом. Тогда и скажу Греггу все, что он хочет знать. Я могу рассказать ему о многом... я ведь отношусь к категории гениев. — То, что он говорил, было довольно двусмысленно, но я каким-то образом умудрился все понять. После этого он вышел. Я побежал за ним, закричал: «Где Грегг?» — Он помазал рукой, показав... на отверстие, и побежал вниз по лестнице. Я просунул голову в дыру, увидел вас и почувствовал себя как-то странно. Тогда я приготовил виски с содовой и сел, чтобы подождать вас. От этого малого у меня мороз по коже подирает.

Грегг положил свою ношу на диван.

— Вот проклятие! Значит, я прозевал его. Ну, ничего, он еще вернется, это единственное утешение. Почему, черт побери, у вас от него мороз по коже подирает?

— Он совсем не похож на нас, — просто сказал Мак Ферсон.

— Ничто человеческое нам не чуждо. Вы же не можете утверждать, что он не человеческое существо.

— Конечно, человеческое, а как же, но это совсем другой вид человеческого. Даже его глаза. Он смотрит, будто насквозь пронизывает, будто видит тебя в четвертом измерении.

— Может быть, и видит, — рассуждал Грегг. — Я бы хотел... гм-м-м. Он скажет мне все, что я хочу знать, а? За это стоит выпить. Вот повезло-то! И он действительно гений, даже для своего века. Я думаю, только гений мог устроить эту шутку с пространством и временем.

— Это его мир, Мэннинг, а не ваш, — спокойно заметил Мак Ферсон. — Я бы на вашем месте не совался туда. Грегг засмеялся, глаза его ярко заблестели.

— При других обстоятельствах я согласился бы с вами. Но теперь я уже знаю кое-что об этом мире. По картинкам в книжках, например. Это, несомненно, совершенный мир. Только пока еще он за пределами моего понимания. Эти люди ушли далеко вперед во всех отношениях, Мак. Сомневаюсь, сможем ли мы понять там все. Но я же не совсем умственно отсталый. Я буду учиться. Мой опыт поможет мне. Я все-таки техник и физик.

— Ну и прекрасно. Поступайте, как вам нравится. Я сейчас напился потому, что сидел и все время смотрел на эту дыру в стене и боялся, не захлопнется ли она навсегда.

— Чепуха, — сказал Грегг.

Мак Ферсон встал, покачиваясь.

— Пойду лягу. Позовите меня, если я зачем-нибудь вам понадобится. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Мак. Да, послушайте. Вы никому обо всем этом не говорили, а?

— Нет, и не собирался. А глаза Хэлисона испугали меня, хотя в них и было что-то дружелюбное. Человек и сверхчеловек. Б-р-р!

Мак Ферсон выплыл из передней, окутанный парами виски. Грегг усмехнулся и старательно запер за ним дверь.

Кем бы ни был Хэлисон, но сверхчеловеком он быть не мог. Эволюция не привела его к этой крайности, или, может быть, *homo sapiens* и не мог путем эволюции превратиться в *homo superior*. Многие в человеке будущего казались таинственным, например его загадочные поиски в глубинах времени... но в четверг — Грегг на это надеялся — можно будет получить ответ хотя бы на некоторые из вопросов. Только бы ему дотерпеть до четверга!

На следующий день, во вторник, Грегг опять не пошел на работу. Он провел много времени, размышляя над предметами, принесенными из будущего, и находя в этом какое-то слабое утешение.

Он ждал до тех пор, пока его не начал мучить голод. Тогда Грегг решил выйти, чтобы купить за углом сэндвич. Но тут же передумал и пошел напротив, через улицу, в грязную закусочную, откуда можно было наблюдать за его домом.

Он увидел, как в дом вошел Хэлисон.

С полным ртом, чуть не подавившись, Грегг бросил официанту горсть монет и вылетел из закусочной. Он едва не споткнулся о ступеньку и удержался на ногах лишь благодаря тому, что крепко вцепился в удивленного швейцара. Лифт...

Грегг проклинал его медленный ход. Дверь квартиры была открыта. Из нее выходил Хэлисон.

— Премильно хэлло, — приветствовал его Хэлисон. — Я забегал за чистой рубашкой.

— Подождите, — с отчаянием сказал Грегг. — Я хочу поговорить с вами.

— Пока еще некогда. Я до сих пор ищу полеон энтар... еще не нашел...

— Хэлисон! Когда вы поговорите со мной?

— В ночь со среды. Завтра. Я должен буду вернуться, чтобы в четверг увидеть Рэнил-Менса. А он, кстати, еще умнее меня.

— А дыра не закроется совсем?

— Конеш нет. До тех пор пока поступает сила мысли. Она закроется не раньше, чем занито примерно через две недели.

— Я боялся, что останусь на другой стороне, как в ловушке.

— Слуги-роботы каждый день приносят пищу; вы бы не проголодались. Вы можете вернуться этой ночью, когда отверстие опять откроется поленто. Безопасно. В моем мире никто не приносит вреда другим. Помогать и лечить для общего блага... Плохой перевод. От вашего языка... разит сакраментом.

— Но...

Хэлисон выскользнул за дверь, как призрак, и уже спускался по лестнице. Грегг помчался за ним, но тот легко оставил его позади. Помрачнев, он вернулся к себе. А все-таки завтра ночью...

Завтра ночью!

Ладно, сейчас он, во всяком случае, может потратить время на хороший обед. Утешенный этой мыслью, Грегг пошел в свой любимый ресторан и съел телячий

эскалоп. Потом он встретился с Мак Ферсоном и передал ему свой разговор с Хэлисоном. Мак Ферсон выслушал его без особой радости.

— Никто в его мире не приносит вреда другим, — процитировал Грегг.

— Все равно... не знаю. А все-таки я боюсь.

— Я пролезу туда опять и посмотрю, что там еще есть интересного.

Грегг так и сделал. Он даже не подождал, пока дыра станет достаточно широкой, и бросился головой вперед. При этом он оттолкнулся от стены и стукнулся лбом о стол, но так как стол был из довольно упругого материала, это не имело значения. У будущего были свои удобства.

Эта ночь была повторением предыдущей. Грегг сгорал от любопытства. Его окружали тайны культуры, далеко обогнавшей его собственную, и ключ к этим тайнам был так близко, что Грегг почти мог ощутить его кончиками пальцев. Ждать теперь стало совсем уж нелегко.

Но ему приходилось ждать. Он до сих пор не разгадал, как открывалась дверь, и забыл спросить об этом Хэлисона. Если здесь и существовали телефон или телевизор, то они были запрятаны в каком-то тайнике, и Грегг не мог их обнаружить. Ну, да ладно.

В среду Грегг пошел на работу, но вернулся домой рано и не находил себе места от нетерпения. Ненадолго заглянул Мак Ферсон. Но Грегг выпроводил его: ему не хотелось разговоров втроем. Он начал записывать на бумаге вопросы, которые собирался задать Хэлисону.

В шесть тридцать пять отверстие начало открываться.

В полночь Грегг места себе не находил от нетерпения. В два часа он разбудил Мак Ферсона и попросил, чтобы тот с ним выпил.

— Он забыл про меня, — беззвучно проговорил Грегг, закурив сигарету и тут же бросив ее в пепельницу. — Или с ним что-нибудь случилось. Проклятие!

— Времени у вас сколько угодно, — проворчал Мак Ферсон. — Не расстраивайтесь. Я-то надеюсь, что он не появится.

Они ждали долго. Отверстие начало медленно суживаться. Грегг в сердцах бубнил монотонные проклятия. Зазвонил телефон. Грегг ответил и после короткого разговора положил трубку. Когда он повернулся к Мак Ферсону, лицо у него было расстроенное.

— Хэлисон убит. На него наехал грузовик. В кармане его пиджака нашли мою визитную карточку.

— Откуда вы знаете, что это Хэлисон?

— Мне его описали. Подумайте, Мак, как не повезло! И нужно же было этому... чтоб его... ходить по улицам, лезть под грузовик. Черти бы его разорвали!

— На то была воля провидения, — тихонько сказал Мак Ферсон, но Грегг его все-таки услышал.

— Остается все же Рэнил-Менс.

— Еще неизвестно, кто он такой.

— Конечно, друг Хэлисона! — Грегг говорил резким тоном. — Завтра — в четверг — он придет в квартиру Хэлисона. Вот вам первая возможность вступить в контакт с человеком из того мира, Мак. Я ведь был там еще этой ночью. И не мог выйти из его комнаты. Не мог найти дверей. Но если я буду там завтра, когда придет Рэнил-Менс...

— А что если отверстие больше не откроется?

— Хэлисон сказал, что откроется. Это вполне логично. Энергия мысли, как и всякая другая, должна тратиться постепенно, если только она не выключена. А смерть Хэлисона, очевидно, не выключила ее.

Грегг кивнул в сторону отверстия, которое медленно закрывалось.

— Говоря словами пророка, отойди от зла, — предупредил Мак Ферсон.

Он вышел и приготовил себе бокал почти не разбавленного шотландского виски. По спине его струйкой пополз холодный, расслабляющий страх.

Они еще немного поговорили, не решив ничего определенного. В конце концов, Грегг полез в дыру, потом выглянул из нее, как портрет из круглой рамы.

— Пока все идет хорошо, — объявил он. — Завтра увидимся, Мак. И я смогу рассказать вам многое.

Мак Ферсон сжал кулаки, так что ногти впились ему в ладони.

— Не лучше ли вам передумать? Я бы хотел...

Грегг усмехнулся.

— Не выйдет. Я мальчик, который на этот раз хочет получить ответы на свои вопросы. И наконец, зарубите себе на носу, Мак, что никакой опасности здесь нет.

— О'кэй.

— Дайте мне бокал. На той стороне нет виски... спасибо. Желаю счастья!

— Желаю счастья! — повторил Мак Ферсон.

Он сидел и ждал. Отверстие сужалось.

— Через минуту будет слишком поздно, Мэннинг.

— И сейчас уже слишком поздно. Скоро увидимся, дружище. Завтра в шесть тридцать. И может быть, я приведу с собой Рэнил-Менса.

Грег поднял бокал. Отверстие постепенно уменьшилось до размеров десятицентовой монеты. И исчезло.

Мак Ферсон не шевелился. Он сидел на месте и ждал. Он был во власти страха, холодного, безотчетного и неодолимого, хотя, разумеется, противоречащего всякой логике.

И тогда, не оборачиваясь, он почувствовал, что в комнате кто-то есть.

В поле его зрения появился Хэлисон.

— Безназванно опоздал, — объяснил он. — Ну, ладно, вернусь завтра ночью. Жаль только, что пропущу Рэнил-Менса.

Пары алкоголя, казалось, вихрем закружились в голове Мак Ферсона.

— Грузовик, — проговорил он. — Грузовик. Несчастный случай...

Хэлисон пожал плечами.

— У меня совсем иной обмен веществ. И со мной часто бывает столбняк. От нервного шока я как раз и пришел в это септольное состояние. Я проснулся в этом... как его?.. морге, объяснил там приблизительно, что со мной произошло, и прибежал сюда. Но слишком поздно. Я до сих пор не нашел того, что искал.

— А что же вы искали? — спросил Мак Ферсон.

— Я ищу Хэлисона, — пояснил Хэлисон, — потому что он был потерян в прошлом, а Хэлисон не может вновь обрести свою целостность, пока я не найду его. Я работал много, много, и однажды Хэлисон ускользнул и ушел в прошлое. И вот теперь я должен искать.

Мак Ферсон похолодел как ледышка: он понял, чем объяснялось странное выражение глаз Хэлисона.

— Рэнил-Менс, — проговорил он. Значит... о господи!

Хэлисон протянул дрожащую шестипалую руку.

— Убийно. Так вы знаете, что они сказали. Но они ошибались. Я был изолирован, для лечения. Это тоже было неправильно, но это дало мне время открыть дверь в прошлое и искать Хэлисона там, где он потерялся. Слуги-роботы давали мне пищу, и меня оставили в покое, который был мне полностью необходим. Но игрушки, те, что они положили ко мне в комнату, не были мне нужны, и я ими почти не пользовался.

— Игрушки...

— Зан, зан, зан. Далекно тайничный... но слова ведь меняются. Даже для гения этот способ очень мучительный. Я не то, что они думают. Рэнил-Менс понимал. Рэнил-Менс — это робот. Все наши врачи — роботы, обученные в совершенстве выполнять свои обязанности. Но вначале было тяжело. Лечение... зан, зан, зан, зан, зан, зан. Нужен сильный мозг, чтобы выдерживать лечение, которое Рэнил-Менс применял ко мне каждую неделю. Даже для меня, гения, это было... зан, зан, зан, зан, и они, быть может, хватили через край, вихревым способом навсегда изгоняя из меня побочные сигналы...

— Что же это было? — спросил Мак Ферсон. — Что это было, черт вас побери?

— Нет, — внезапно повалившись на ковер и закрыв лицо руками, проговорил Хэлисон. — Финтакольевое и... нет, нет...

Мак Ферсон подался вперед; он весь покрылся потом; рюмка выскользнула у него из пальцев.

— Что?!

Хэлисон поднял на него блестящие невидящие глаза.

— Лечение шоком от безумия, — сказал он. — Ноевое, ужасное, долгое, долгое, бесконечно долгое лечение, которое Рэнил-Менс применял ко мне раз в неделю, но теперь я не против этого лечения, и оно мне нравится, и Рэнил-Менс будет применять его к Греггу вместо меня, зан, зан, зан и вихревым способом...

Все теперь стало на свое место. Мягкая мебель, отсутствие дверей, окна, которые не открывались, игрушки.

Палата в больнице для умалишенных.

Чтобы помочь им и вылечить их.

Шокотерапия.

Хэлисон встал и пошел к открытой двери.

— Хэлисон! — позвал он.

Его шаги замерли в передней. Тихонько доносился его голос.

— Хэлисон в прошлом. Зан, зан, зан, а я должен найти Хэлисона, чтобы Хэлисон снова стал цельным. Хэлисон, зан, зан, зан...

В окна заглянули первые лучи солнца. Наступало утро четверга.

НЕОБЪЯТНЫЙ ДВОР

Хайрам Тэн проснулся и сел в постели.

Таузер лаял и скреб лапами пол.

— Цыц! — прикрикнул на него Тэн.

Нелепые уши Таузера поднялись торчком, а затем собака снова принялась лаять и царапать пол.

Тэн протер глаза, провел рукой по спутанным, давно не стриженным волосам. Потом снова лег и натянул на голову одеяло.

Но разве уснешь под этот лай?

— Ну, что с тобой? — сердито спросил он собаку.

— Гав, — ответил Таузер, продолжая скрести пол.

— Если тебе надо выйти, открой дверь. Ты ведь знаешь, как это делается. Первый раз, что ли? — сказал Тэн.

Таузер перестал лаять, уселся и стал смотреть, как хозяин встает с постели.

Тэн надел рубаху и брюки, но с ботинками возиться не стал.

Таузер проковылял в угол, приложился носом к плинтусу и принялся его шумно обнюхивать.

— Мышь? — спросил Тэн.

— Гав!.. — с чувством ответил Таузер.

— Что-то я не припомню, чтобы ты раньше поднимал столько шума из-за мышей, — озадаченно произнес Тэн. — Совсем уже спятил.

Стояло ясное летнее утро. Окно было раскрыто настежь, и солнце заливало комнату.

«Неплохой денек для рыбной ловли», — подумал Тэн, но тут же вспомнил, что ничего не выйдет. Надо ехать смотреть ясеневую кровать с пологом, о которой ему говорили по дороге на Вудмен. Похоже, что за нее заломят двойную цену. Вот так и получается — честным путем и доллара не заработаешь. Нынче все стали разбираться в старинных вещах.

Тэн встал с постели и вышел в гостиную.

— Пошли! — сказал он Таузеру.

Таузер медленно поднялся и двинулся за хозяином, по пути останавливаясь и обнюхивая все углы.

— И что тебя так беспокоит? — спросил Тэн.

«Может быть, крыса, — подумал он. — Дом постепенно разрушается».

Он открыл затянутую сеткой дверь и выпустил Таузера.

— Брось ты сегодня своего сурка, — посоветовал ему Тэн. — Гиблое дело. Все равно тебе его не достать.

Тэн обошел вокруг дома. Что-то произошло с вывеской, висевшей на столбе около подъездной дорожки: одна из цепей была снята с крюка, и табличка повисла.

Тэн пересек площадку и, ступая босыми ногами по траве, еще мокрой от росы, подошел к столбу, чтобы поправить вывеску. Она была невредима — видно, просто цепь соскочила с крюка. Может быть, здесь разгулялся ветер или какой-нибудь озорной мальчишка? Хотя вряд ли. Тэн был в прекрасных отношениях

с ребятами, и они не досаждали ему, как другим жителям поселка. Особенно доставалось от них Бейнкеру Стивенсу. Они его буквально изводили.

Тэн отошел немного назад, чтобы проверить, ровно ли висит табличка.

Наверху большими буквами было написано:

«МАСТЕР НА ВСЕ РУКИ»

а ниже помельче:

«чиню все подряд»

и еще пониже:

«Продажа старинных вещей.

Не хотите ли вы что-нибудь обменять?»

«Может, — подумал он, — следовало бы сделать две вывески: одну насчет мастерской, а вторую — об мене и продаже вещей». Он решил, что как-нибудь на досуге напишет два новых объявления и повесит их по обе стороны дорожки. Так будет эффектнее.

Тэн обернулся и посмотрел на дорогу, которая вела к Тернерс Вудс. «Великолепный вид, — подумал он. — Удивительно, что сохранился такой кусок леса на краю поселка. Надежное прибежище для птиц, сурков, кроликов и белок. Кроме того, в нем полно крепостей, построенных несколькими поколениями мальчишек из Уиллоу Бенда».

Можно не сомневаться, что в самом недалеком будущем какой-нибудь ловкий делец купит этот участок и понастроит здесь стандартные дома. «Когда это произойдет, — подумал Тэн, — большой кусок детства уйдет из моей жизни».

Из-за угла появился Таузер. Он двигался боком, ежеминутно останавливаясь и обнюхивая нижнюю часть тесовой обшивки дома: от любопытства уши у него стояли торчком.

— Ты, псина, совсем рехнулся, — сказал Тэн и направился к дому.

Шлепая босыми ногами, он прошел на кухню, налил в чайник воды и поставил на плиту. Затем он включил приемник, совершенно забыв, что тот не работает, и, только услышав шум, вспомнил и с раздражением выключил. «Так всегда бывает, — подумал он. — Другим чинишь всякий хлам, а на себя не хватает времени».

Тэн пошел в спальню, надел туфли и убрал постель.

Вернувшись, он увидел, что плита остыла. Сняв чайник, он двинул плиту ногой. Потом подержал над ней ладонь и тут же почувствовал тепло.

«Слава богу, работает», — подумал он.

Тэн знал, что рано или поздно ее придется разобрать. Возможно, где-то плохой контакт.

Он снова поставил чайник на плиту.

Снаружи послышался шум, и Тэн вышел на крыльцо узнать, что случилось.

Бизли, парень, который служил у Хортонов одновременно дворником, шофером, садовником и выполнял еще много других обязанностей, развернув на дорожке дребезжащий грузовик, подкатил к крыльцу. Рядом с ним в кабине восседала Эби Хортон, жена Генри Хортона, самого влиятельного жителя поселка, а в кузове, обвязанный веревками и наполовину укутанный в ослепительно полосатое, красно-розовое одеяло, стоял громадный телевизор. Он был хорошо знаком

Тэну. Уже лет десять, как этот телевизор вышел из моды, но все еще оставался самым дорогим из всех, что украшали дома жителей Уиллоу Бенда.

Эби выпрыгнула из грузовика. Это была энергичная, шумная женщина с властным голосом.

— Доброе утро, Хайрам, — сказала она. — Вы сможете починить мой телевизор?

— Я еще не видал вещи, которую не мог бы починить, — ответил Тэн, неприязненно оглядывая телевизор. Ему не раз приходилось его ремонтировать, и он знал, сколько предстоит возни.

— Боюсь, что починить его обойдется дороже, чем купить новый, — заметил он. — Вам и в самом деле нужно купить новый. Этот уже устарел и...

— Генри говорит то же самое, — резко перебила его Эби. — Он хочет купить один из этих новомодных цветных телевизоров. Но я не желаю расставаться с моим. Ведь здесь есть все — и радио, и проигрыватель, а кроме того, дерево и фасон подходят к моей мебели.

— Я знаю, — сказал Тэн.

Он уже не раз все это слышал.

«Бедняга Генри, — подумал он. — Что за жизнь? С утра он крутится на своем заводе счетных машин, и еще дома эта ведьма».

— Бизли, — приказала Эби голосом сержанта, проводящего учение, — полезай наверх и распакуй телевизор.

— Хорошо, мэм.

Бизли был высокий, неуклюжий парень с туповатым выражением лица.

— Смотри, осторожно. Не поцарапай его.

— Хорошо, мэм, — ответил Бизли.

— Я помогу тебе, — предложил Тэн.

Они вдвоем влезли в кузов и начали разматывать одеяло.

— Он тяжелый, — предупредила Эби. — Будьте осторожны.

— Хорошо, мэм, — сказал Бизли.

Телевизор и впрямь был очень тяжелым. Бизли и Тэн с трудом распеленали его и по черному ходу перенесли в подвал под лестницей.

Эби глазами хищной птицы следила за тем, чтобы они не поцарапали ценное дерево.

В подвале Тэн устроил мастерскую и одновременно выставку мебели. В одном углу стояли скамьи, станок, и весь пол был заставлен ящиками с гвоздями, проволокой, инструментами. В другом — разместилось собрание ветхих стульев, покосившиеся спинки кроватей, старинные высокие комоды и не менее древний низкий шкафчик, старый ящик для угля, железные каминные решетки и еще много всякого хлама, купленного по случаю.

Они осторожно опустили телевизор на пол. Эби следила за ними сверху.

— У вас новый потолок, Хайрам? — взволнованно спросила она. — Теперь здесь стало совсем хорошо.

— Что? — поинтересовался Тэн.

— Потолок, я сказала. Вы сделали потолок?

Тэн поднял голову и увидел, что над ним был потолок, которого он никогда не делал.

Он проглотил слюну и на минуту опустил голову. Когда он снова поднял глаза, ничего не изменилось — потолок был на месте.

— Это не панельная обшивка, — с восхищением отметила Эби. — Совсем не видно швов. Как вам это удалось, Хайрам?

Тэн снова проглотил слюну, прежде чем обрел дар речи.

— Как-то придумал, — произнес он слабым голосом.

— Вы должны прийти к нам и сделать то же самое у нас в подвале. У нас прекрасный подвал. Бизли сделал потолок в бильярдной, но вы сами знаете, чего стоит работа Бизли.

— Да, мэм, — виновато проговорил Бизли.

— Я вам тоже сделаю, когда будет время, — пообещал Тэн. Он готов был пообещать все что угодно, лишь бы поскорее их выводить.

— У вас было бы куда больше времени, если бы вы без конца не таскались по округе и не купали всякую рухлядь, которую вы зовете старинной мебелью, — сказала Эби ледяным тоном. — Вы еще можете надуть горожан, которые сюда приезжают, но не меня.

— На некоторых вещах я иногда зарабатываю кучу денег, — спокойно ответил Тэн.

— И теряете последнюю рубашку на всем остальном.

— У меня здесь есть старый фарфор. Это то, что вам нужно, — предложил Тэн. — Я нашел его несколько дней назад и заплатил недорого. Могу вам уступить.

— Я не собираюсь ничего покупать, — процедила Эби, поджав губы. Она повернулась и стала подниматься по лестнице.

— Она сегодня не в духе, — заметил Бизли. — Встала с левой ноги. Если заведется с утра, то уж на весь день. Когда она рано просыпается, то так всегда и бывает.

— Да не обращай на нее внимания, — посоветовал Тэн.

— Я пытаюсь, но это очень трудно. Тебе случайно не нужен помощник? Ты можешь мне платить совсем немного.

— К сожалению, не нужен, Бизли. Знаешь, старина, приходи как-нибудь вечером, сыграем в шашки.

— Приду, Хайрам. Знаешь, ты первый человек, который меня пригласил. Все остальные только кричат на меня или смеются надо мной.

Сверху донесся сердитый голос Эби.

— Где ты застрял, Бизли? Целую вечность готов стоять и чесать языком, а ковры еще не выбиты.

— Да, мэм, — сказал Бизли и стал подниматься по лестнице.

Уже сидя в грузовике, Эби громко спросила:

— Тэн, вы скоро почините телевизор? Без него как-то пусто в доме.

— В два счета сделаю, — откликнулся Тэн.

Он стоял и смотрел, как они отъезжали, потом оглянулся, ища Таузера, но пса нигде не было видно. «Снова сидит у норы в лесу за дорогой, — подумал Тэн. — Убежал голодный».

Когда Тэн вернулся на кухню, чайник прыгал на плите. Тэн насыпал в кофейник кофе и залил его кипятком. Потом спустился вниз.

Потолок был на месте. Тэн включил все лампы и, не сводя с него глаз, обошел подвал.

Потолок был сделан из какого-то блестящего белого материала, на вид полупрозрачного, просвечивающего

изнутри, но не насквозь. Самое удивительное, что на нем не было ни одного шва: обшивка аккуратно охватывала водопроводные трубы и весь свод.

Тэн встал на стул и постучал костяшками пальцев по перекрытию. Раздался звон, словно постучали по тонкому бокалу.

Он слез и долго стоял, качая головой. Все это было совершенно непонятно. Вчера он провозился здесь целый вечер, чинил садовую косилку Бейнкера Стивенса. И готов поклясться, что перекрытия не было.

Тэн порылся в ящике и нашел дрель, потом отыскал самое маленькое сверло и вставил его в патрон. Затем всунул вилку в розетку, снова взобрался на стул и приставил сверло к потолку. Жужжащая сталь скользнула по поверхности, не оставив на ней и следа. Он выключил дрель и внимательно осмотрел потолок. Ни одной царапины. Тэн снова пробовал сверлить, изо всех сил нажимая на дрель. Вдруг раздался треск — кончик сверла отскочил и ударился о стену.

Тэн спрыгнул со стула, нашел новое сверло, вставил его и стал медленно подниматься по лестнице, пытаясь обдумать все спокойно, но мысли путались. Если он, Тэн, еще не окончательно спятил, он мог чем угодно поклясться, что не делал этого потолка.

Вернувшись в гостиную, он отогнул конец старого выцветшего ковра, включил дрель и, став на колени, начал сверлить пол. Сверло легко прошло сквозь старый дубовый паркет и остановилось. Тэн надавил сильнее, но инструмент крутился на месте.

Но ведь под этим деревом ничего нет, ничего, что могло бы задержать сверло. Пройдя паркет, оно попадает в пустое пространство между балками.

Тэн выключил дрель и отложил ее в сторону. Потом пошел на кухню. Кофе уже вскипел. Но прежде чем налить себе, Тэн выдвинул ящик стенного шкафа и достал оттуда карманный фонарь. Затем вернулся в комнату и осветил высверленную в полу дыру. На дне ее что-то блеснуло.

Тэн снова вернулся в кухню, нашел вчерашние черствые пышки и налил в чашку кофе.

Сидя за кухонным столом и жуя пышки, Тэн пытался спокойно все обдумать. Он понимал, что сейчас бессилён что-либо сделать, даже если весь день будет ходить и гадать, что же произошло под лестницей. Его душа янки и бизнесмена восставала против такой бессмысленной траты времени. Нужно еще посмотреть ясеневую кровать с пологом, пока ее не зацапал какой-нибудь беспардонный городской маклер. Такая штука, если все сложится удачно, должна пойти по хорошей цене. Можно заработать кучу денег, если все делать с головой.

«Не исключено, — подумал Тэн, — что эту кровать удастся еще и обменять на что-нибудь. Получил же я в прошлом году настольный телевизор за пару коньков. Эти люди в Вудмене рады будут получить в обмен на кровать отремонтированный телевизор. Телевизор совсем как новый. А на этой кровати никто не спит. Вряд ли они догадываются об ее истинной стоимости».

Тэн торопливо доел пышку, выпил еще чашку кофе, потом сложил на тарелку остатки еды для Таузера и выставил ее за дверь. Затем спустился в подвал, достал телевизор и погрузил его в свой пикап. Подумав, он сунул в машину отремонтированное охотничье ружье, еще вполне пригодное для охоты, если не

стрелять из него большими зарядами, а также кое-какие мелочи для обмена.

Вернулся Тэн поздно: день был трудный, хотя закончился вполне удачно. В машине, помимо кровати с пологом, находились еще качалка, экран для камина, кипа старых журналов, старинная маслобойка, комод орехового дерева и кресло семнадцатого века, которое какой-то незадачливый реставратор покрыл слоем бледно-зеленой краски. За все это Тэн отдал телевизор, охотничье ружье и еще приплатил пять долларов. Но забавнее всего то, что там, в Вудмене, сейчас, очевидно, покатываются со смеху, вспоминая, как ловко они его надули.

Ему стало стыдно — они славные люди и так хорошо его приняли, даже оставили обедать. А потом сидели и разговаривали с ним, показывали ферму и приглашали заходить, если он будет в их краях.

На это ушел весь день, и Тэну было жаль времени. Но он тут же подумал, что, может быть, стоит убить день и заработать репутацию человека, который страдает разжижением мозгов и не понимает, что такое доллар. Это поможет ему когда-нибудь повернуть еще не одно дельце в этих местах.

Открыв заднюю дверь, он услышал громкие и ясные звуки. Телевизор... С чувством, близким к панике, Тэн спустился по лестнице в подвал. После того, как сегодня был продан настольный телевизор, внизу оставался только телевизор Эби, а он — уж это Тэн знал наверняка — не работал.

Это был действительно телевизор Эби. Он стоял на том же месте, куда они с Бизли поставили его

утром, и на экране виднелось... цветное изображение.

Цветное изображение!

Тэн остановился на нижней ступеньке и, чтобы не упасть, оперся о перила.

Экран прекрасно передавал цвет.

Тэн осторожно приблизился к телевизору, обошел его кругом. Кто-то снял заднюю стенку и прислонил ее к скамье. Внутри телевизора перемигивались веселые огоньки.

Тэн присел на корточки и стал разглядывать светящиеся детали. Все они были какие-то диковинные. Тэн много раз чинил этот телевизор и полагал, что знает, как он выглядит изнутри. Теперь все было по-другому, но что именно изменилось, Тэн не мог сказать.

На лестнице раздались тяжелые шаги, и дружелюбный голос пробасил:

— Хайрам, я вижу, вы уже починили телевизор.

Тэн выпрямился от неожиданности и застыл в напряженной позе, совершенно утратив дар речи.

Наверху, широко расставив ноги и весело улыбаясь, стоял Генри Хортон. Вид у него был довольный.

— Я говорил Эби, что вы еще не могли закончить ремонт. Но она велела мне зайти. Послушайте, Хайрам, это что — цвет? Как вам удалось это сделать, старина?

Тэн слабо улыбнулся.

— Я только что кончил возиться.

Генри, тяжело ступая, спустился с лестницы и остановился перед телевизором. Заложив руки за спину, он смотрел на экран властным взглядом человека, привыкшего отдавать приказания. Затем медленно покачал головой.

— Я бы никогда не подумал, что это возможно, — сказал он.

— Эби упомянула в разговоре, что вы хотите цветной.

— Да, конечно. Безусловно, я говорил. Но я не думал о моем старом телевизоре. Никак не ожидал, что его можно переделать на цветной. Как вам это удалось, Хайрам?

— Я не смогу вам точно сказать, — пробормотал Тэн.

И это было чистойшей правдой.

Под одной из скамеек Генри заметил бочонок с гвоздями, выкатил его и поставил перед своим допотопным телевизором. Потом осторожно опустился на бочонок и, усевшись поудобнее, с наслаждением стал смотреть на экран.

— Обычная история, — заметил он. — Вот есть такие люди, как вы, янки-ремесленники. Правда, они не так уж часто встречаются. Вечно возятся с чем-то, хватаются то за одно, то за другое, а потом вдруг глядишь — что-то придумали, хотя часто и сами толком не понимают, что и как у них получилось.

Он сидел на бочонке и смотрел на экран.

— Чудесная вещь, — продолжал он, — по цвету куда лучше, чем телевизоры, которые я несколько раз видел в Миннеаполисе. Скажу вам честно, Хайрам, ни один из них этому и в подметки не годится.

Тэн вытер лоб рукавом. Он весь взмок. Здесь, внизу, становилось жарковато.

Генри достал из кармана большую сигару и протянул ее Тэну.

— Нет, спасибо. Я не курю.

— Вероятно, умно делаете. Отвратительная привычка.

Хортон сунул сигару в рот и стал ее жевать.

— Каждому свое, — торжественно произнес он, — и когда требуется сделать этакое, вы именно тот человек, который нужен. Вы мыслите механическими и электронными схемами. А я в этом ни черта не понимаю. Сам занимаюсь счетными машинами, а ничего в них не смыслю. Я подбираю людей, которые знают в этом толк, а сам не умею распилить доску или вытащить гвоздь. Но я могу организовать дело. Помните, Хайрам, как все веселились, когда я начал строить завод?

— Помню. Во всяком случае, некоторые.

— Они неделями ходили, отворачивая физиономии, чтобы не расхохотаться. Разве не говорили: «О чем думает Генри, когда строит завод счетных машин здесь, в глуши? Не собирается ли он часом конкурировать с большими заводами на Востоке?» Замолчали они только тогда, когда я продал полторы дюжины приборов и получил заказы на два года вперед.

Генри вынул из кармана зажигалку и осторожно зажег сигару, не сводя глаз с экрана.

— Это дело может оказаться очень денежным, — рассудительно произнес он. — Любой телевизор можно приспособить, если немного его переделать. Коли вы эту развалину сделали цветной, значит, можно наладить любой телевизор. — Не выпуская изо рта сигары, он громко хмыкнул. — Если бы в «Радио корпорейшн» знали, что здесь происходит в эту минуту, они не выдержали бы и перерезали себе глотку.

— Но я и сам не знаю, как я это сделал, — сказал Тэн.

— Отлично, — обрадовался Генри. — Я завтра же возьму приемник на завод и дам его ребятам. Пусть разберутся, что вы тут наворотили.

Он вынул изо рта сигару и внимательно посмотрел на нее, потом сунул обратно.

— Как я уже вам говорил, Хайрам, разница между нами в том, что вы умеете делать что-то руками, но не используете своих возможностей. Я же в отличие от вас ничего не в состоянии сделать, но зато могу все устроить после того, как вещь готова. Вот увидите, стоит нам взяться за это дело, и вы будете утопать в долларах.

— Но я не знаю, должен ли...

— Не беспокойтесь. Предоставьте это мне. У меня есть завод и необходимые средства. Мы договоримся.

— Это очень любезно с вашей стороны, — машинально ответил Тэн.

— Ну, что вы? Не стоит говорить об этом, — снисходительно сказал Генри. — Это мне должно быть неудобно лезть в ваши дела, но когда пахнет большими деньгами, во мне просыпается хищник.

Он сидел на бочонке, курил и следил за цветным изображением.

— Знаете, Хайрам, — проговорил он. — Я часто думаю об одном деле, но все никак руки не доходят. У меня на заводе есть старая счетная машина. Мы все равно должны будем ее списать, чтобы освободить помещение. Это одна из наших ранних и неудачных экспериментальных моделей. Ясно, что сейчас она уже ничего не стоит. Это довольно сложная штука. И никто ничего из нее так и не смог сделать. Несколько раз мы пытались к ней подступиться, но, видно, так и не нашли верного решения. А может быть, и правильно

делали, да нет хорошего специалиста. Она и стоит в углу все эти годы. Давно бы надо выкинуть ее на свалку, но что-то мешало мне это сделать. И вот я подумал — не могли бы вы с ней повозиться?

— Не знаю, — ответил Тэн.

— Я не требую никаких обязательств, — великодушно заявил Генри. — Выйдет — хорошо. Возможно, что и вы ничего не сделаете, и, откровенно говоря, я был бы удивлен, если бы что-нибудь получилось. Но попытка не пытка. Вы можете, если понадобится, разобрать машину и использовать детали для ремонта. Там одного оборудования на несколько тысяч долларов. Вам могут пригодиться части.

— Да, это интересно, — без особой радости откликнулся Тэн.

— Вот и прекрасно, — весело подхватил Генри, вложив в это «прекрасно» весь запас недостающего Тэну энтузиазма. — Я завтра пришлю своих парней с грузовиком. Эта штука тяжелая, нужно много рабочих. Они помогут выгрузить машину и перенести ее в подвал.

Генри осторожно поднялся и стряхнул с колен пепел.

— А заодно попрошу ребят забрать и телевизор, — произнес он. — Скажу Эби, что вы его еще не починили. Если я притащу телевизор домой, она тут же в него вцепится.

Тэн видел, как Генри тяжело поднялся по ступенькам, затем хлопнула дверь.

Он стоял в темноте и смотрел, как Генри пересек двор вдовы Тейлор и исчез за соседним домом. Глубоко вдохнув свежий ночной воздух, он помотал

головой, надеясь, что хоть немного прояснится в мозгу. Но это не помогло — голова по-прежнему гудела. Слишком много событий за один день, слишком много — сперва потолок, а теперь телевизор. Может быть, когда он выпитися хорошенько, то будет в состоянии разобраться во всем.

Из-за угла вышел пес и, ковыляя, медленно взобрался по ступенькам и встал рядом с хозяином. С головы до кончика хвоста он весь был забрызган грязью.

— Видно, и у тебя тоже был хороший денек, — заметил Тэн. — Все как по-писаному — никакого сурка ты не поймал.

— Гав, — печально ответил Таузер.

— Ничем ты от нас не отличаешься. Точь-в-точь, как мы с Генри, да и все остальные тоже. Вот ищешь и думаешь, будто знаешь, что ты ищешь. А на самом деле и понятия не имеешь, за чем ты охотишься, — мрачно заключил Тэн.

Таузер вяло ударил хвостом по крыльцу. Тэн открыл дверь, посторонился и, пропустив пса вперед, вошел за ним следом.

Он пошарил в холодильнике и отыскал там пару ломтиков мяса, засохший кусок сыру и полкастрюли вареных макарон. Сварив кофе, Тэн разделил ужин с Таузером.

После еды Тэн спустился вниз и выключил телевизор. Затем достал лампу с рефлектором, вставил вилку в штепсельную розетку и осветил внутренность телевизора. Присев на корточки с лампой в руках, Тэн пытался понять, что же произошло с этой развалиной. Теперь она выглядела совсем по-другому, но определить, в чем заключалась разница, было нелегко. Что-то

произошло с лампами — они странным образом изогнулись. Кроме того, кто-то вставил в схему маленькие белые металлические кубики. Они, казалось, были расположены без всякой системы. Монтаж схемы тоже изменился, появились какие-то новые цепи. Чувствовалось, что все это было сделано наспех. Кому-то понадобилось как можно быстрее включить телевизор, и этот «кто-то» починил его на скорую руку.

«Кто-то, — подумал Тэн. — Но кто же этот «кто-то»?» Тэн обошел помещение, заглядывая во все углы, и вдруг почувствовал, как мурашки забегали у него по спине.

Шкафчик был снят со стены и придвинут к скамейке. Шурупы, которыми была привинчена крышка, лежали аккуратно в ряд на полу. Собрав телевизор на скорую руку, неизвестные мастера сделали все намного лучше, чем было прежде.

«Если это называется на скорую руку, можно себе представить, что бы они сделали, будь у них время», — подумал Тэн.

Но, конечно, у них не было времени. Они испугались, услышав его шаги, и не успели поставить крышку на место.

Тэн встал: ноги были как деревянные.

Утром потолок, а теперь телевизор Эби.

И потолок, коли вдуматься хорошенько, не был простым перекрытием. Еще одна прокладка, если эту штуку можно назвать прокладкой, сделанная из того же материала, оказалось, была положена под пол, там, где между балками было пустое пространство. Именно на эту вторую прокладку и наткнулся Тэн, когда пытался сверлить пол.

Интересно, всюду ли такая прокладка?

Было ясно только одно — в доме, кроме него и Таузера, находился кто-то посторонний.

Таузер услышал, учуял — ощутил его присутствие и потому так яростно царапал пол у двери, как будто перед ним была нора сурка.

Но теперь Тэн знал наверняка — это был не сурок.

Он убрал лампу и поднялся наверх.

Таузер лежал, свернувшись калачиком, на ковре у качалки и при виде хозяина приветливо застучал хвостом. Тэн остановился и посмотрел на пса. Таузер ответил ему сытым сонным взглядом, вздохнул и закрыл глаза.

Если утром Таузер что-то слышал или чуял, то сейчас ничто не тревожило его сон.

Тут Тэн вдруг вспомнил: днем он налил чайник, чтобы вскипятить воду для кофе, включил плиту, и впервые она зажглась без фокусов — ее даже не пришлось толкать ногой.

Он проснулся утром — кто-то сжал его ноги. Он испуганно сел. Но это был только Таузер, который ночью забрался к нему в постель и устроился в ногах. Пес тихонько заскулил, его задние лапы дернулись, как будто он во сне гнался за кроликом.

Тэн высвободил ноги и протянул руку за одеждой. Было еще рано, но он вспомнил, что вся мебель, привезенная накануне, так и осталась на грузовике. Нужно было стащить ее вниз и уже потом приступать к реставрации.

Таузер продолжал спать.

Тэн прошел на кухню и выглянул в окно. На крыльце у черного хода, скорчившись, сидел Бизли, «универсальный» слуга Хортонов.

Тэн открыл дверь, чтобы узнать, в чем дело.

— Я ушел от них, Хайрам, — сказал Бизли. — Она все время ругала меня. Я никак не мог ей угодить. Плюнул и ушел.

— Ну, заходи, — предложил Тэн. — Надеюсь, ты не откажешься от завтрака и кофе?

— Я все думаю, Хайрам, не остаться ли мне на несколько дней здесь у тебя, пока я не найду место.

— Там будет видно, — заметил Тэн. — Сначала давай позавтракаем.

Все это ему не нравилось, очень не нравилось. Через час прилетит Эби, устроит скандал и будет обвинять его в том, что он сманил Бизли. Ведь Бизли, несмотря на свою тупость, делал всю черную работу и безропотно сносил ругань и придирки. В поселке не найдется другого человека, который стал бы работать у Эби Хортон.

— Твоя матушка всегда угощала меня печеньем, — сказал Бизли. — Она была очень хорошая женщина, Хайрам.

— Это правда, — согласился Тэн.

— Моя мать говорила, что вся ваша семья — это настоящие люди, не чета тем, кто больше всех в поселке задирает нос. Она говорила, что вы были среди первых поселенцев. Это правда, Хайрам?

— Не самые первые, но этот дом стоит здесь почти сто лет. Мой отец любил говорить, что не было ночи, когда хотя бы один Тэн не ночевал под его крышей. Мне кажется, все это имело большое значение для отца.

— Должно быть, приятное чувство. Ты можешь гордиться своим домом, Хайрам.

— Не то слово. Я как-то очень сроднился с этим домом. Даже не могу представить себя в другом месте.

Тэн включил плиту, подошел к крану и налил в чайник воды. Потом он пнул ногой плиту, но спираль и без того начала краснеть.

«Второй раз подряд включаю, и она действует, — подумал Хайрам. — Сама исправилась».

— Какой у тебя шикарный приемник, Хайрам, — сказал Бизли.

— Он никуда не годится. Не работает. Все нет времени починить.

— А по-моему, работает, Хайрам. Я только включил, и он сразу же начал нагреваться.

— Нагреваться? А ну-ка пусти! — закричал Тэн.

Бизли не ошибся — из приемника послышалось легкое потрескивание, затем прорвался голос, который все усиливался по мере того, как нагревались лампы.

Слов он не мог разобрать.

— А по-какому они говорят? — спросил Бизли.

— Не знаю, — с отчаянием ответил Тэн.

Сначала телевизор, потом плита, а теперь приемник.

Он начал яростно крутить ручку, но стрелка не побежала, а поползла по шкале. В эфире быстро сменялись голоса, музыка.

Тэн подстроился к какой-то станции — говорили на незнакомом языке. И вдруг он словно прозрел: да это же всеволновый супер, один из тех, что рекламируют на обложках модных журналов, стоит перед ним на кухонном столе, на месте его дешевенького приемника.

Поднявшись, Тэн предложил Бизли:

— Поищи, может, поймаешь что-нибудь на английском, пока я поджарю яичницу.

Он включил вторую горелку, достал с полки сковородку, поставил ее на плиту и вынул из холодильника мясо и яйца.

Бизли поймал наконец какой-то джаз.

— Ну, как? — спросил он.

— Превосходно, — ответил Тэн.

Таузер вышел из спальни, зевая и потягиваясь. Он направился к двери, всем своим видом показывая, что хочет выйти. Выпуская его, Тэн посоветовал:

— На твоём месте я плюнул бы на сурка. Тебе придется обшарить весь лес, чтобы найти его.

— А он ищет не сурка, Хайрам, — заметил Бизли.

— Ну, кролика.

— И не кролика. Я вчера улизнул, когда Эби думала, что я выбиваю ковры. Из-за этого-то она и разошлась.

Тэн проворчал что-то, выливая яйца на сковородку.

— Так вот, я смылся и пошел на то место, где рыл Таузер. Я с ним поговорил, и он сказал мне, что это и не сурок, и не кролик, а что-то другое. Я залез в яму и помог ему копать. Он выкопал там какую-то штуку, похожую на старый бак. Кто-то зарыл ее здесь, в лесу.

— Таузер не мог откопать бак. Его интересуют только кролики и сурки.

— Он трудился всюю, — настаивал Бизли. — И был очень взволнован.

— Может быть, сурок выкопал себе нору под этим баком?

— Может, и так, — сказал Бизли.

Он покрутил приемник — послышалась дикая музыка, ее сопровождал голос комментатора.

Тэн разложил мясо и яичницу по тарелкам, поставил их на стол, налил по большой чашке кофе и стал намазывать гренки маслом.

— Ну, нажимай, Бизли, — предложил он.

— Я очень тебе благодарен, Хайрам, за твою доброту, я сразу же уйду, как только найду работу.

— Но я ведь еще ничего не обещал...

— Знаешь, временами, когда мне кажется, что у меня на свете нет ни единого друга, я вспоминаю твою матушку. Она всегда была очень добра ко мне.

— Ну ладно, хватит об этом, — бросил Тэн, чувствуя, что сдается.

Он поставил на стол новую порцию хорошо поджаренных гренков и банку с вареньем и, наконец, сел к столу и начал есть.

— Может быть, я могу тебе чем-нибудь помочь? — спросил Бизли, стирая тыльной стороной ладони остатки яичницы с подбородка.

— Там у меня на дороге стоит куча мебели. Помогите снести ее под лестницу.

— С радостью, — откликнулся Бизли. — Ведь я здоровый и сильный и никакой работы не боюсь. Я только не люблю, когда меня пилят.

После завтрака они стащили мебель под лестницу.

С креслом семнадцатого века им пришлось повозиться, оно было очень громоздким.

Когда они, наконец, кончили, Тэн внимательно осмотрел кресло. «Человек, заляпавший краской чудесное вишневое дерево, должен был бы ответить за это», — подумал он.

Он сказал Бизли:

— Придется снять краску, причем очень осторожно. Нужно взять растворитель, обмотать шпатель тряпкой и просто протирать поверхность. Хочешь попробовать?

— Конечно, Хайрам. А что у нас будет на ленч?

— Не знаю, — ответил Тэн. — Что-нибудь соорудим. Неужели ты голоден?

— Думаешь, легко таскать эти вещи?

— Там в кухне на полке банка с печеньем, — заметил Тэн. — Пойди и возьми.

Когда Бизли поднялся наверх, Тэн медленно обошел подвал. Потолок был на месте. Все остальное тоже.

А может быть, телевизор, плита и радио — просто «их» способ расплатиться со мной за квартиру? «Если это так, — подумал он, — пусть бы они пожили здесь подольше».

Он посмотрел вокруг и не обнаружил ничего подозрительного, затем поднялся наверх и позвал Бизли.

— Пойдем в гараж. Поищем какой-нибудь растворитель, и я покажу тебе, как им пользоваться.

Бизли с запасом печенья в руках покорно поплелся за ним. Свернув за угол, они услышали приглушенный лай Таузера. Тэн прислушался, и ему показалось, что пес охрип.

«Третий день, а может быть, даже четвертый. Если не принять мер, этот дурак совсем изведется», — подумал он.

Тэн зашел в гараж и вернулся оттуда с двумя лопатами и киркой.

— Пошли, — бросил он Бизли. — Нужно кончать, а то покоя не будет.

Таузер произвел в лесу настоящие раскопки. Пса почти не было видно — из вырытой им ямы торчал лишь самый кончик хвоста, который, как всегда, подрагивал.

Бизли сказал правду: эта странная штука действительно напоминала бак. Часть его выглядывала из ямы.

Таузер выбрался наверх и сел, тяжело дыша — на усах налипла грязь, язык свисал набок

— Он говорит, что пора нам принять участие в этом деле, — произнес Бизли.

Тэн обошел яму и стал на колени. Затем попытался рукой стряхнуть землю с выступающей из ямы части бака, но прилипшая глина затвердела и плохо поддавалась. На ощупь казалось, что бак был сделан из какого-то тяжелого металла.

Тэн взял лопату и стукнул ею по баку. Раздался звон металла.

Они дружно взялись за работу, снимая лопатами слой почвы над баком. Бак оказался больше, чем они думали, и понадобилось немало времени, чтобы откопать его. Но это было далеко не все: нужно было очистить всю поверхность от приставшей к ней земли.

— Я голоден, — пожаловался Бизли.

Тэн взглянул на часы. Почти час.

— Беги домой, — предложил он Бизли. — И найди себе что-нибудь в холодильнике. Там есть молоко.

— А ты, Хайрам, — ты разве не голоден?

— Ну, принеси мне сэндвич и посмотри, нет ли там мастерка.

— А для чего тебе мастерок?

— Я хочу сокрести грязь с этой штуки и посмотреть, что это такое.

Он опустился на колени рядом с выкопанным предметом и смотрел, как Бизли исчез в лесу.

— Таузер, — заметил он, — это самая странная штука из всех, которые ты когда-либо выкапывал.

«Когда от страха места себе не находишь, остается только одно — обратить все в шутку», — подумал Тэн.

Бизли, конечно, не испугался. У него не доставало воображения, чтобы бояться непонятных вещей.

Тэн осмотрел бак: он был овальной формы, не менее семи метров в высоту и четырех в поперечнике. «Целая комната, — подумал он. — В Уиллоу Бенде никто сроду не видывал такой штуки».

Он вынул из кармана складной нож и очистил от глины кусочек поверхности. Бак был сделан из какого-то диковинного материала, неизвестного Тэну, похожего на стекло.

Тэн продолжал соскребать грязь с бака, пока не очистил кусок величиной с ладонь.

Теперь Тэн почти не сомневался: все же это был не металл, а полупрозрачное вещество, скорее напоминавшее стекло, из которого делают кубки и вазы. Тэн вечно за ними охотился — любители сходят с ума по такому стеклу и платят бешеные деньги.

Тэн закрыл нож, спрятал его в карман и присел на корточки, чтобы получше рассмотреть находку Таузера.

В нем росла уверенность: существа, поселившиеся в его доме, прибыли именно в этой штуке, откуда бы они ни явились — из космоса или из какого-то другого времени. Он сам удивился своим мыслям — раньше он ни о чем таком не думал.

Тэн взялся за лопату. На этот раз он стал копать глубже, подрывая закругленный край незнакомого предмета, все еще крепко сидящего в земле.

Он спрашивал себя — что ему говорить обо всем этом и говорить ли вообще. Может быть, самое правильное — засыпать всю эту штуку землей, чтобы ни одна живая душа не узнала?

Бизли, конечно, будет болтать. Но кто обращает внимание на то, что несет Бизли? Все в Уиллоу Бенде знали, что Бизли тронутый.

Наконец, вернулся Бизли. В старой газете он принес три неумело сделанных сэндвича и почти полную бутылку молока.

— Да ты, как я вижу, не очень торопился, — без раздражения заметил Тэн.

— А мне было интересно.

— Что именно?

— Приехали три больших грузовика и привезли какие-то тяжелые вещи. Два или три больших шкафа и еще кучу всякого барахла. Они все поставили в подвал. Ты знаешь телевизор Эби? Они его забрали. Я им говорил, чтобы они не брали, а они все равно взяли.

— Совсем забыл, — спохватился Тэн. — Генри предупреждал, что пришлет счетную машину, а я забыл.

Он съел сэндвичи, разделив их с Таузером, который в порыве благодарности измазал его маслом.

Покончив с едой, Тэн поднялся и взял в руки лопату.

— А теперь за работу, — предложил он. — Мы должны кончить.

— Но в подвале-то все так и стоит.

— Подождет, — ответил Тэн. — Нужно развязаться с этим делом.

Когда они кончили копать, было совсем темно. Тэн устало оперся на лопату.

Четыре метра на семь в поперечнике и три в высоту — и все из матового стекла, звенящего от прикосновения лопаты. «Должно быть, они совсем маленькие, — подумал Тэн. — Иначе как бы они уместились в этом ящике, особенно если их много. Неизвестно, какой путь им пришлось проделать. Но все же они как-то разместились. Значит, все у них было предусмотрено. Не будь они такими крошечными, они не смогли бы забраться в щели между балками пола (при условии, что они вообще реально существуют и все это не сплошная чушь)».

Если они и побывали в доме, то ясно, что сейчас их там нет. Таузер чуял или слышал что-то утром, а сейчас он был совсем спокоен.

Тэн вскинул лопату на плечо и прихватил с собой кирку.

— Двинулись, Бизли, — кивнул он. — День был длинный и тяжелый.

Пройдя напрямик через кустарник, они вышли на дорогу. В ночной тьме то там, то здесь мелькали светлячки, уличные фонари покачивались от легкого легкого ветерка. Звезды были яркие и четкие.

«Возможно, они еще в доме, — подумал Тэн. — Наверное, поняли, что Таузер их учуял, и что-нибудь сделали, чтобы он больше не ощущал их присутствия».

«Вероятно, они хорошо приспособляются. Похоже, что так. С какой легкостью они устроились в человеческом жилье», — подумал он мрачно.

Они с Бизли шли в темноте по усыпанной гравием дорожке, ведущей в гараж. Нужно было положить инструменты. Но странное дело — гаража не оказалось.

Не было гаража, не было и фасада дома: дорожка резко обрывалась, и за ней не было ничего; в том месте, где кончался гараж, стена изгибалась.

Они подошли ближе к стене и остановились в темноте, еще не веря своим глазам.

Не было ни гаража, ни порога, ни фасада дома. Будто кто-то взял противоположные углы фасада, свел их вместе, и вся передняя стена дома оказалась внутри кривизны.

Теперь Тэн стал владельцем дома с завернутым внутрь фасадом. И хотя это выглядело просто, на самом деле все оказалось сложнее — кривизна была не такой, какой следовало бы ожидать в подобном случае — длинная линия, изящно изогнутая и очень нечеткая, будто фасад совсем убрали, а оставшаяся часть дома расположилась так, чтобы как-то замаскировать это исчезновение.

Тэн выронил кирку и лопату — они со стуком ударились о твердую дорожку. Он провел рукой по глазам, будто снимая с них невидимую пелену.

Когда он убрал руку, ничего не изменилось.

Фасада по-прежнему не было.

Он несколько раз обежал вокруг дома, едва сознавая, что делает, и внутри у него рос страх.

Задняя стена была на месте. С ней ничего не произошло.

Он поднялся на крыльцо, Бизли и Таузер последовали за ним. Распахнув дверь, Тэн ворвался в переднюю, пронесся по лестнице, в три прыжка пересек кухню и бросился в гостиную, чтобы снова посмотреть, что же произошло с фасадом.

Остановившись в дверях и ухватившись за косяк, Тэн ошалело уставился в окно. Он отлично знал, что

на дворе ночь, прекрасно видел светлячков в кустах и в камышах, фонари на улице, звезды в небе. Но в окна его комнаты лился поток солнечного света, а за домом лежала какая-то незнакомая страна, ничем не напоминающая Уиллоу Бенд.

— Бизли, — крикнул он. — Погляди в окно!

Бизли поднял голову.

— Интересно, что это за местность? — спросил он.

— Я и сам бы хотел это знать, — откликнулся Тэн.

Таузер нашел свою миску и, подталкивая носом, начал возить ее по всей кухне, давая этим понять Тэну, что его пора кормить.

Тэн прошел через комнату и открыл наружную дверь. Гараж был на месте. Пикап стоял, упираясь носом в открытую дверь гаража, а легковая машина, как всегда, находилась внутри.

Фасад тоже был в полном порядке, но остальное...

В двух футах от грузовика дорожка обрывалась и за ней не было ни двора, ни леса, ни дороги, а просто пустыня, покрытая галькой и песком, плоская уходящая вдаль пустыня, ровная как пол, с редкими пятнами камней и кустами чахлой зелени. Огромное слепящее солнце висело прямо над горизонтом, который виднелся где-то очень далеко. Но самое удивительное заключалось в том, что солнце находилось на севере, где ему было совсем не место. Кроме того, оно сияло ослепительно белым светом.

Бизли вышел на порог, и Тэн увидел, что он дрожит, как испуганный пес.

— Может быть, тебе лучше вернуться и состряпать нам ужин? — мягко сказал Тэн.

— Но как же, Хайрам... — начал было Бизли.

— Все в порядке, — успокоил его Тэн. — Все будет в порядке.

— Ну, если ты так говоришь, Хайрам...

Он вошел в дом, хлопнув дверью, и через минуту Тэн услышал, как он гремит посудой на кухне.

Не удивительно, что Бизли так перепугался. Хоть кого свалит такая штука: выйти из своей парадной двери и очутиться в незнакомой стране.

Конечно, человек может и не к такому привыкнуть, но все же на это нужно время.

Тэн спустился с крыльца, прошел мимо грузовика за гараж. Огибая его, он почти надеялся увидеть знакомые дома Уиллоу Бенда — ведь когда он входил через заднюю дверь, поселок еще стоял на месте.

Но Уиллоу Бенда не было. Перед ним лежала пустыня, бесконечная пустыня.

Он обошел дом вокруг и теперь не нашел задней стены. Задняя часть дома представляла собой то же, что фасад, когда Тэн впервые увидел его, — те же сведенные вместе углы. Он пошел дальше, но повсюду расстилалась пустыня. Фасад был на месте, и все оставалось по-прежнему. На обрезанной дорожке стоял грузовик, дверь гаража была открыта и внутри виднелась машина.

Тэн прошел в глубь пустыни, наклонился и зачерпнул горсть гальки — галька была самая обыкновенная. Он присел на корточки и начал пропускать камешки сквозь пальцы.

В Уиллоу Бенде была задняя дверь его дома, а фасад исчез. А здесь, правда, непонятно как, все было наоборот: передняя дверь осталась, но отсутствовала задняя стена.

Он встал, выбросил оставшиеся камни и вытер ладони о брюки.

Уголком глаза он уловил какое-то движение на пороге — они были здесь.

Отряд крошечных зверьков, — если их вообще можно так назвать — строем спустился с лестницы. Все они были не выше десяти сантиметров и передвигались, опираясь на четыре конечности, хотя было ясно видно, что их передние конечности — не ноги, а руки. Их крысиные мордочки с длинными острыми носами отдаленно напоминали человеческие лица. Казалось, что зверьки покрыты чешуей, так как их тела при движении блестели и переливались. Хвосты зверьков, очень похожие на те проволочные закругленные хвостики, какие бывают на заводных игрушках, торчали вверх и подрагивали на ходу.

Они сошли со ступенек четким шагом, сохраняя дистанцию в полфута и держась прямо, как по линейке, двинулись в пустыню. В них чувствовалась железная целеустремленность, и тем не менее было видно, что они не очень торопятся.

Тэн насчитал шестнадцать зверьков. Он долго стоял, провожая их взглядом, пока они не растворились в пустыне.

«Вот они, мои новые жильцы, — подумал Тэн. — Это они обили потолок, починили телевизор, исправили плиту и приемник. И похоже, что они путешествовали в этом странном сосуде из матового стекла, который лежит там, в лесу. Но даже если они прибыли на Землю в этой штуке, то все равно непонятно, откуда они появились».

Тэн поднялся на крыльцо, открыл дверь и увидел, что его гости прорезали в дверной сетке круг диамет-

ром в пятнадцать сантиметров. «Иначе бы им не выйти, — подумал он и тут же мысленно отметил: — как-нибудь надо выбрать время и заделать дыру». Он вошел в дом, громко хлопнув дверью.

— Бизли! — закричал он.

Ответа не было.

Таузер выполз из-под кушетки и виновато заскулил.

— Все в порядке, дружок, — сказал Тэн. — Эта компания меня тоже напугала.

Он пошел на кухню. Неяркий свет, лившийся с потолка, отражался в перевернутом кофейнике, в осколках чашки посреди пола и в опрокинутой миске с яйцами. Разбитое яйцо расплылось на линолеуме бледно-желтым пятном.

Поднявшись по лестнице, Тэн увидел, что дверь, ведущая на черный ход, почти уничтожена — ржавая металлическая сетка разорвана на куски, и рама, на которой она была натянута, расколота.

Тэн посмотрел на дверь не без восхищения.

— Вот дурни, — изумился он, — прошли сквозь дверь и даже открыть не попытались.

Он зажег свет и стал спускаться по лестнице. Но на полпути остановился в изумлении: слева от него была стена, сделанная из того же материала, что и потолок.

Перегнувшись через перила, Тэн увидел, что стена делила его мастерскую пополам — она шла от пола до потолка, перерезая подвал.

Что же осталось в мастерской?

Он вспомнил, что там стояла счетная машина, которую утром прислал Генри. Три грузовика, сказал Бизли. Три грузовика деталей попали прямо к ним в лапы.

Тэн устало опустил на ступеньки.

Должно быть, они считают его своим союзником. Не иначе, как они решили, что Тэн знает об их существовании и действует заодно с ними. Или, может быть, они решили, что он таким образом расплатится за ремонт телевизора, плиты и приемника.

Но если рассуждать последовательно — зачем они починили телевизор, плиту и приемник? Что это — своего рода плата за постой? Или просто знак дружеского расположения? А может быть, пришельцы решили попрактиковаться — проверить, смыслят ли они что-либо в технике чужого мира, посмотреть, как можно применить свои знания в условиях вновь открытой планеты?

Тэн постучал костяшками пальцев по стене у перил — белая гладкая поверхность зазвенела.

Приложив ухо к стене, он внимательно прислушался — ему показалось, что там слышен приглушенный гул, но он не был в этом совершенно уверен.

За стеной осталась садовая косилка Бейнкера Стивенса и еще много разного хлама, который нужно было чинить. «Ведь хозяйева с меня шкуру сдерут, — подумал Тэн, — особенно Бейнкер Стивенс. Это ведь известный жмот».

Бизли, наверное, совсем одурел от страха. Когда он увидел, как эти типы поднимаются по лестнице, у него последний разум отшибло, и он полез в дверь, даже не открыв ее. А теперь он, очевидно, носится по поселку и трезвонит обо всем каждому, кто захочет его слушать.

Правда, обычно никто не обращает внимания на болтовню Бизли. Но если он заладит без конца одно и

то же, да еще в таком возбужденном состоянии, не исключено, что кто-нибудь да и прислушается. И тогда они ворвутся сюда, все обыщут, всюду сунут нос и, в конце концов, кто-нибудь из них зацапает все в свои руки.

А это уже их совсем не касается, повторял Тэн, чувствуя, что в нем заговорил старый бизнесмен. Сразу же за его двором начинались огромные неосвоенные пространства, и путь к ним лежал только через его дом. И вся эта земля по праву принадлежала ему. Может быть, она ни на что не годна — ведь это пустыня. Но прежде чем ее отдать, он должен сам все посмотреть и во всем убедиться.

Он вышел из подвала и направился к гаражу.

Солнце по-прежнему находилось на севере, над самым горизонтом, и вокруг все было спокойно. Тэн нашел в гараже молоток, гвозди, несколько коротких дощечек и принес их в дом. Он заметил, что Таузер, воспользовавшись паникой, уснул на кресле с парчовой обивкой, но не стал его трогать.

Закрыв черный ход, Тэн прибил на дверь несколько планок, затем запер кухню, закрыл окна в спальне и тоже забил их досками.

Это хоть ненадолго удержит жителей поселка, сказал он себе, когда они примчатся поглазеть на то, что здесь происходит.

Он достал из шкафа свое охотничье ружье, коробку патронов, бинокль и старую флягу, которую наполнил водой из крана, и положил в мешочек продукты на дорогу для себя и Таузера, так как времени на еду уже не оставалось.

Потом Тэн прошел в комнату и согнал Таузера с кресла.

— Пошли, Тауз, — сказал он. — Пойдем сами все поглядим.

Проверив бензин — бак был почти полный, — он влез в машину и положил ружье на сиденье, рядом с собой. Таузер прыгнул вслед за ним. Затем, дав задний ход, Тэн развернулся и поехал на север через пустыню.

Машина шла легко. Почва была ровная, как пол. Иногда она становилась ухабистой, но не более, чем проселочные дороги, по которым он мотался в поисках мебели.

Ландшафт казался на редкость однообразным. Повсюду расстилалась плоская пустыня, и лишь кое-где выступали низкие холмы. Тэн все время ехал на север, держа курс по солнцу. Несколько раз он пересекал песчаные полосы — песок был твердый, хорошо спрессованный, и колеса шли легко.

Через полчаса он поравнялся с отрядом своих гостей. Шестнадцать зверьков все так же неторопливо шли строем по пустыне.

Тэн сбавил скорость и некоторое время ехал параллельно с ними. Но толку от этого не было никакого — зверьки придерживались строго определенного направления, не обращая на Тэна никакого внимания.

Увеличив скорость, Тэн обогнал их.

Солнце по-прежнему неподвижно стояло на севере. Это было очень непривычно. Может быть, подумал Тэн, этот мир вращается вокруг своей оси гораздо медленнее, чем Земля, поэтому и день здесь длиннее. Судя по тому, что солнце так долго стоит на одном месте, намного длиннее.

Согнувшись за рулем и всматриваясь в бесконечную пустыню, он впервые обратил внимание на необычность пейзажа.

Несомненно, это был другой мир. Другая планета вращалась вокруг другой звезды, и никто на Земле не знал, какое место она занимает в космосе. Но из-за странных действий шестнадцати существ, шагавших строем по пустыне, новая планета начиналась сразу же за парадной дверью его дома.

Вдалеке маячил довольно высокий холм. По мере того как Тэн приближался к холму, он начал различать на его вершине какие-то блестящие предметы. Вскоре он остановил грузовик и взялся за бинокль.

Тэн с удивлением увидел, что блестящие предметы — баки из молочно-белого стекла, точно такие же, как тот, что он нашел в лесу. Он насчитал их восемь штук. Они лежали в углублениях из серого камня и ослепительно ярко блестели на солнце. Некоторые гнезда пустовали. Тэн опустил бинокль и стоял, размышляя, стоит ли взбираться на холм, чтобы получше разглядеть их. Потом покачал головой — успеется. Сейчас лучше проехать как можно дальше. Ведь это еще не серьезная исследовательская экспедиция, а лишь предварительная разведка.

Он влез в машину и двинулся дальше, все время поглядывая на указатель уровня бензина. Когда стрелка дойдет до середины шкалы, ему придется повернуть обратно.

Впереди, над темной линией горизонта, Тэн заметил неясное белое облачко. Он присмотрелся внимательнее. Временами облако рассеивалось, потом снова появлялось. Из-за большого расстояния трудно было разобрать, что это такое.

Он взглянул на указатель уровня — тот показывал чуть больше половины. Тэн остановил машину и снова взялся за бинокль.

Когда он вышел, то с удивлением почувствовал, что ноги точно налиты свинцом. Он сообразил, в чем дело — ему давно следовало быть в постели. Часы показывали два. Это означало, что там, на Земле, было два часа ночи и он уже больше двадцати часов на ногах, причем большую часть времени провел в страшном напряжении, выкапывая эту странную штуку в лесу. Тэн снова поднес к глазам бинокль — белая неясная линия оказалась цепью гор. Огромная синяя скалистая гряда со сверкающими от снега вершинами высилась над пустыней. Горы были очень далеко и даже в мощный бинокль выглядели голубой туманной полосой. Тэн медленно обвел биноклем линию горизонта: по ней тянулись и тянулись горы.

Повернувшись, Тэн стал рассматривать в бинокль пустыню. Все та же плоская земля, те же одиночные холмы, та же чахлая растительность.

И дом.

Когда он опустил бинокль, руки его дрожали. Затем он снова поднес его к глазам и посмотрел еще раз. Сомнений не было — перед ним находился самый настоящий дом, очень странного вида. Он стоял у подножия холма, скрытый в тени, и поэтому его нельзя было разглядеть невооруженным глазом.

Дом был небольшой, с заостренной конусообразной крышей, и казался крепко прижатым к земле, так что чудилось, будто он, пригнувшись, ползет по пустыне. Тэн разглядел овальную дыру, должно быть дверь, но не увидел никаких окон.

Опустив бинокль, Тэн оглянулся. «Пять или шесть километров, — подумал он. — Пикап дотянет, и если и

не хватит бензина, последние несколько километров до Уиллоу Бенда можно пройти пешком».

«Интересно, что дом только один», — подумал Тэн. На протяжении всего пути не было видно никаких признаков жизни, не считая шестнадцати маленьких крысоподобных существ, шеренгой шагавших по пустыне: никаких искусственных сооружений, кроме этих восьми странных белых штук, лежащих в своих каменных ложах.

Тэн сел в машину и нажал на педаль акселератора. Через десять минут он подъехал к фасаду дома, стоящего в тени холма.

Он вышел из пикапа и достал ружье. Таузер прыгнул на землю, внезапно зарычал, и шерсть у него встала дыбом.

— Что случилось, дружище? — спросил Тэн.

Таузер в ответ снова зарычал.

Дом стоял безмолвный, казалось, хозяева давно покинули его.

Стены были сложены из грубых неотесанных камней, наспех скрепленных каким-то похожим на глину веществом. Крыша первоначально была покрыта дерном. Странно, откуда он взялся — во всей пустыне не существовало ничего, хотя бы отдаленно напоминавшего дерн. Хотя еще можно было разглядеть места, где соединялись полосы дерна, но казалось, что это просто обожженная солнцем земля.

Дом был какой-то безликий, без всяких украшений. Видно, никто даже не пытался смягчить его суровую неуютность и сделать пригодным для жилья. Такой дом могли сложить скотоводы-кочевники. Время оставило на нем свои следы: камень расслоился и начал крошиться.

Взяв ружье под мышку, Тэн двинулся к домику. Он подошел к двери и заглянул внутрь — там было темно и тихо.

Тэн обернулся, ища Таузера. Пес забился под машину и выглядывал оттуда, тихо рыча.

— Не ходи далеко, — сказал Тэн. — Не убегай, слышишь? — Выставив вперед ружье, он шагнул во мрак, постоял немного, чтобы глаза привыкли к темноте.

Теперь он мог разглядеть комнату, в которой находился: совсем простая, с грубой каменной скамьей вдоль одной стены. На другой темнели какие-то странные ниши, а в углу стоял деревянный предмет, но Тэн так и не понял его назначения.

«Старое покинутое жилище, давным-давно брошенное», — подумал он.

Может быть, в какие-то далекие времена, когда пустыня была богатой и цветущей, здесь жило пастушье племя.

В углу была еще одна дверь. Распахнув ее, Тэн услышал слабый приглушенный стук и еще какой-то звук — будто шум падающего дождя. Из открытой двери, ведущей куда-то вглубь, потянуло морским воздухом, и Тэн так и застыл в изумлении посреди комнаты.

Еще один дом, ведущий в другой мир!

Он медленно вышел в открытую дверь и попал в туманный, пасмурный день. Потоки дождя низвергались на землю из бешено мчащихся облаков. А в полукилометре, за полем, где в беспорядке громоздились серостальные валуны, лежало беспокойное море. Оно свирепо билось о берег, и фонтаны яростных брызг вздымались в воздух.

Тэн вышел из дома и взглянул на небо — дождь больно захлестал по его лицу. Воздух был промозглый и холодный, и все это место казалось каким-то таинственным, сверхъестественным. Мир, выхваченный из старой сказки о привидениях и эльфах.

Он оглянулся — ничего не было видно. Дождь заштриховал мир, который простирался за прибрежной полосой. Тэну вдруг почудилось что-то за дождем. Задыхнувшись от страха, он повернулся и, спотыкаясь, бросился обратно в дом.

Новый мир отделил его от Уиллоу Бенда, а теперь появился и второй. Расстояние в два мира — это больше, чем может выдержать обыкновенный человек. Ему стало не по себе при мысли о том, как страшно одинок он сейчас, и, почувствовав, что не может дольше оставаться в этом заброшенном доме, Тэн выбежал наружу.

Солнце светило по-прежнему ярко, было тепло и приятно. Одежда Тэна промокла, и капли влаги лежали на стволе ружья.

Тэн огляделся, ища Таузера, но собаки не было видно. Он не нашел ее и под машиной. Пес исчез.

Хозяин позвал его, но Таузер не отозвался. Голос Тэна одиноко прозвучал в окружающей пустоте и безмолвии.

В поисках собаки он обошел дом. Теперь второй двери снаружи не было. Сложенные из грубого камня стены закруглялись и сходились, изгибаясь так же странно, как и фасад его дома, а задней стены и вовсе не было.

Но Тэна это сейчас мало трогало и ничуть не удивляло — он искал пса и ни о чем больше не желал думать. Он понимал, что отъехал слишком далеко от дома, и чувствовал, как внутри у него все леденеет от страха.

Потратив на поиски три часа, он вернулся в дом, но Таузера не было и там. Тэн снова вышел в другой мир и безуспешно искал пса среди хаотического нагромождения камней. Затем пошел обратно в пустыню и направился к холму. Взобравшись наверх, он поднес к глазам бинокль — вокруг простиралась безжизненная равнина.

Падая от усталости, спотыкаясь и засыпая на ходу, Тэн вернулся к машине.

Прислонившись к кузову, он попробовал собраться с мыслями. Продолжать поиски в таком состоянии было бесполезно. Он должен хоть немного поспать. Нужно вернуться в Уиллоу Бенд, наполнить бак, взять запас бензина, чтобы расширить радиус поисков.

Он не мог оставить пса здесь — это было невысказано. Необходимо все обдумать и действовать разумно. Чем он поможет Таузеру, шатаясь по пустыне в таком состоянии?

Тэн завел машину и двинулся обратно к Уиллоу Бенду, ориентируясь по едва заметным следам шин на песчаных участках и все время борясь с острым желанием немедленно заснуть.

Проезжая мимо горы, на которой виднелись белые стеклянные баки, Тэн на минуту остановил машину и вышел поразмяться — иначе бы он заснул за рулем. На этот раз только семь баков лежали в гнездах. Но все это не имело значения. Главное — побороть усталость, которая все сильнее овладевала им, удерживать в руках руль и дотянуть до Уиллоу Бенда. А там можно поспать немного и вновь приняться за поиски Таузера.

Примерно на полпути он увидел, что к нему приближается машина, и стал следить за ней в немом

изумлении, ибо его грузовик и машина в гараже были единственным транспортом по эту сторону дома.

Он резко затормозил и вышел. Легковая машина подъехала, и из нее выпрыгнули Генри Хортон, Бизли и незнакомый человек со служебным знаком на груди.

— Ну, слава богу, нашелся! — закричал Генри, бросаясь к нему.

— А я и не терялся, — возразил Тэн. — Я возвращаюсь домой.

— Он валится с ног, — заметил незнакомец.

— Это шериф Хансон, — сказал Генри. — Мы ехали по вашим следам.

— Я потерял Таузера, — пробормотал Тэн. — Мне пришлось его оставить. Пустите. Мне нужно искать Таузера. Я сам доберусь до дома...

Тэн пошатнулся и ухватился за дверцу машины, чтобы не упасть.

— Вы взломали дверь, — обратился он к Генри. — Вы ворвались в мой дом и взяли машину.

— Мы вынуждены были это сделать, Хайрам. Мы боялись — а вдруг с вами что-нибудь случилось. Бизли все расписал так, что у нас волосы на голове стали дыбом.

— Вы лучше пересадите его в машину, — предложил шериф, — а я отведу назад грузовик.

— Но мне нужно искать Таузера.

— Прежде всего вам надо отдохнуть.

Генри схватил его под руку и повел к машине. Бизли придерживал дверцу.

— Вы знаете, что это за места? — прошептал Генри тоном заговорщика.

— Понятия не имею, — пробормотал в ответ Тэн. — Может быть, какой-то другой...

Генри ухмыльнулся.

— Да это, по-моему, не имеет значения. Что бы тут ни было, но нас с вами уже засекли. Мы попали в последние известия и заголовки газет. В городе полно репортеров и кинооператоров, ждут приезда начальства. Я уверен, Хайрам, это выдвинет вас...

Но Тэн уже ничего не слышал. Он заснул раньше, чем опустился на сиденье.

Проснувшись, Тэн некоторое время лежал неподвижно. В комнате было прохладно и спокойно, шторы опущены.

«Хорошо проснуться в знакомой комнате, где провел всю свою жизнь, в доме, который принадлежит твоей семье почти столетие», — подумал он.

Затем Тэн вдруг все вспомнил и сел на постели. И тотчас же услышал шум за окном. Он спрыгнул с кровати, отогнул угол шторы и выглянул в окно. Солдаты сдерживали толпу, заполнившую задний двор его дома и дворы соседних домов.

Тэн бросил штору и принялся искать туфли. Он так и спал — одетым. Очевидно, Генри и Бизли положили его в постель, сняв с него только башмаки. Должно быть, он еще в машине, как только Генри втолкнул его на заднее сиденье, заснул мертвым сном.

Тэн нашел башмаки на полу и, сев на кровать, принялся надевать их, лихорадочно обдумывая, что же делать дальше.

Он должен добыть где-нибудь бензин, наполнить бак и на всякий случай взять одну или две запасные канистры. Кроме того, нужно будет прихватить с со-

бой воду, еду и, может быть, спальный мешок. Он твердо решил, что не вернется, пока не разыщет собаку.

Надев башмаки и завязав шнурки, Тэн вышел в гостиную. Там никого не было, но на кухне слышались голоса. Он выглянул в окно — такая же пустыня, как и прежде. Правда, солнце поднялось выше, но во дворе перед его домом все еще было утро.

Тэн посмотрел на часы. Они показывали шесть, да и по тени, на которую он обратил внимание, выглянув в окно спальни, легко было определить, что сейчас шесть часов. Должно быть, Тэн проспал около суток. Ему стало не по себе. Он не собирался столько спать и оставлять Таузера так долго одного.

Он направился в кухню. Там сидели трое — Эби, Генри Хортон и какой-то военный.

— Вот и вы, — весело воскликнула Эби. — А мы гадаем, когда вы проснетесь.

— Вы сварили кофе, Эби?

— А как же, целый кофейник. Я сейчас вам что-нибудь приготовлю.

— Только гренки, — попросил Тэн. — Некогда. Я должен ехать искать Таузера.

— Хайрам, — сказал Генри, — это полковник Райан из Национальной гвардии. Его ребята там, на улице.

— Да, я видел их из окна.

— Это необходимо было сделать, — объяснил Генри. — Совершенно необходимо. Шериф не мог справиться. Здесь бы все разнесли на куски. Я позвонил губернатору.

— Тэн, присядьте, пожалуйста. Я хочу с вами поговорить, — объявил полковник.

— Я понимаю, — сказал Тэн, придвигая стул. — Простите, полковник, но я очень спешу, у меня пропала собака.

— То, что здесь происходит, — заметил полковник, — куда важнее любой собаки.

— Полковник, ваши слова доказывают только, что вы не знаете Таузера. Он самый лучший пес из всех, каких мне довелось держать, а уж, поверьте, у меня их перебывало немало. Я его взял щенком, и все эти годы он был мне хорошим другом.

— Ну и прекрасно, — произнес полковник. — Я понимаю, он ваш друг. Но тем не менее я должен с вами поговорить.

— Сядьте и выслушайте полковника, Хайрам, — велела Эби. — Я сейчас сделаю оладьи. Генри принес с фермы какую-то колбасу.

Дверь черного хода отворилась, и, сопровождаемый ужасным металлическим звяканьем, пошатываясь, вошел Бизли. Он нес три пустые пятигаллонные канистры в одной руке и две в другой — все они гремели и дребезжали.

— Послушайте, — закричал Тэн, — что здесь происходит?

— Успокойтесь, Тэн, — отвечал Генри. — Вы даже не знаете о проблемах, которые здесь возникли. Мы хотели принести сюда большой бак для бензина, но он не прошел. Потом пытались разобрать стену кухни и не смогли.

— Пытались что сделать?

— Разобрать стену кухни, — спокойно повторил Генри. — Через обычную дверь невозможно внести эти большие бензобаки, но как только мы начали пилить, убедились, что весь дом изнутри проложен тем же

материалом, который вы использовали для потолка под лестницей. Когда мы хотели разрубить стену, топор сразу же затупился.

— Но, Генри, это мой дом, и никто не имеет права его ломать.

— Экстренный случай, — сказал полковник. — Мне хочется знать, Тэн, что это за материал, который мы так и не смогли пробить?

— Не волнуйтесь, Хайрам, — предупредил Генри. — За дверью нас ждет огромный новый мир.

— Он ждет совсем не вас. И вообще это никого не касается! — заорал Тэн.

— Но мы должны исследовать его, а для этого нам требуются огромные запасы бензина. И поскольку мы не можем внести большой бак, бензин придется носить в канистрах. Позже мы пропустим через дом бензопровод.

— Но послушайте, Генри!..

— Мне бы хотелось, — твердо заявил Генри, — чтобы вы перестали прерывать меня и выслушали все, что я хочу сказать. Вы даже не представляете, с какими трудностями мы столкнулись в связи с организацией снабжения. Мы связаны по рукам и ногам размерами двери, мы должны заготовить горючим и организовать транспорт. Легковые машины и грузовики были бы совсем не лишними. Мы должны их разобрать и протачить по частям. Но вот самолет — проблема уже почти неразрешимая.

— Послушайте, Генри. Я не позволю тащить сюда самолет. Этот дом почти сто лет принадлежит моей семье. Я здесь хозяин, и вы не имеете права самовольно являться сюда и всем распоряжаться, да еще протаскивать через дом всякую дрянь.

— Ну поймите, Тэн, — плаксивым голосом произнес Генри, — нам до зарезу нужен самолет. Ведь, имея самолет, можно обследовать сразу огромную территорию.

Визли, гремя канистрами, прошел через кухню в гостиную.

Полковник вздохнул.

— Я надеялся, мистер Тэн, что вы войдете в наше положение. Мне казалось естественным, что сотрудничество с нами в этом деле вы сочтете своим патриотическим долгом. Правительство, конечно, может воспользоваться своим правом верховной власти и конфисковать ваше владение. Но оно предпочло бы этого не делать. Я говорю сейчас неофициально, но я думаю, было бы правильным предупредить вас заранее, что власти предпочли бы прийти к дружескому соглашению.

— Сомневаюсь, — сказал Тэн наудачу, хотя сам толком ничего не знал, — что в этом случае можно применить право высшей власти. Вот если бы мой дом стоял на дороге...

— А это и есть дорога, — спокойно возразил полковник. — Прямая дорога через ваш дом в другой мир.

— Во-первых, — продолжал Тэн, — правительство еще должно доказать, что все это делается в интересах общества и что отказ владельца передать право владения государству равносителен вмешательству в действия правительства. А во-вторых...

— Мне кажется, — перебил его полковник, — правительство сможет доказать, что это делается в общественных интересах.

— Боюсь, что мне придется обратиться к адвокату, — сердито заметил Тэн.

— Если вам действительно понадобится очень хороший юрист, а я в этом уверен, то я смогу рекомендовать вам фирму, которая будет прекрасно защищать ваши интересы, притом за умеренную плату, — предложил Генри, всегда готовый прийти на помощь.

Полковник в негодовании поднялся.

— Вам придется держать ответ перед властями, Тэн. Правительство пожелает задать вам много вопросов. Во-первых, оно заинтересуется тем, как вам удалось здесь все так ловко устроить. Вы готовы ответить на этот вопрос?

— Нет, — признался Тэн. — Пожалуй, что нет.

Он с тревогой подумал — они считают, что я сделал все это сам, и накинутся на меня, как стая волков, чтобы узнать секрет. Он представил себе ФБР, государственный департамент, Пентагон и, даже не вставая со стула, почувствовал, что коленки у него дрожат.

Полковник повернулся и строевым шагом вышел из кухни.

Слышно было, как громко хлопнула задняя дверь.

Генри задумчиво посмотрел на Тэна.

— Вы и в самом деле так думаете? — спросил он. — Вы собираетесь тягаться с ними?

— Я обозлился, — ответил Тэн. — Они не имеют права являться сюда и распоряжаться в моем доме без спросу. Мне плевать, как они к этому отнесутся. Это мой дом, я здесь родился, прожил всю жизнь, мне нравится это место и...

— Ну, конечно, — перебил его Генри. — Прекрасно понимаю ваши чувства.

— Я знаю, что это мальчишество. Коли уж они пришли, я бы ничего не имел против, если бы видел, что они хотят сесть, поговорить по-человечески и по-

святить меня в свои планы. Но их даже не интересует мое мнение. Поверьте, Генри, все обстоит не так просто, как вам кажется. Независимо от того, что думают в Вашингтоне, вряд ли можно прийти и сразу захватить эту новую страну. Здесь могут произойти самые неожиданные события, и нужно все время быть на чеку...

— Сидя здесь, — опять перебил его Генри, — я подумал о том, что ваша позиция очень похвальна и вы заслуживаете всяческой поддержки. Не по-соседски сидеть сложа руки и не прийти вам на помощь. Мы можем нанять целый штат блестящих юристов и выиграть дело. Потом оформить право на землю и организовать компанию по ее освоению. Нужно все сделать так, чтобы этот ваш новый мир был использован должным образом. И для меня естественно, Хайрам, поддерживать вас в этом деле, стоять плечом к плечу с вами. Мы ведь уже и так компаньоны по выпуску телевизоров.

— А как насчет моего телевизора? — визгливым голосом спросила Эби, шлепнув на стол перед Тэном тарелку с оладьями.

— Эби, — терпеливо сказал Генри. — Я уже тебе объяснял, что он остался внизу за перегородкой, и сейчас трудно сказать, когда его можно будет вытащить оттуда.

— Да, я знаю, — ответила Эби. Она принесла блюдо с сосисками и разлила кофе по чашкам.

Вскоре опять появился Бизли и, громыхая канистрами, прошел к выходу.

— И вообще, как мне кажется, — заметил Генри, воспользовавшись паузой, — я в этом деле не постоянный наблюдатель. Сомневаюсь, могло ли у вас хоть

что-то получится без счетной машины, которую я вам прислал.

«Опять начинается, — подумал с тоской Тэн. — Даже Генри считает, что это сделал я».

— Неужели Бизли вам не говорил?

— Бизли много болтал, но вы же знаете Бизли.

Предположения Тэна оправдывались. Для жителей поселка — это лишь еще одна побасенка Бизли, еще одна придуманная им небылица. Ведь не найдется никого, кто бы всерьез поверил хоть одному слову Бизли.

Тэн взял чашку и маленькими глотками принялся отхлебывать кофе, стараясь выиграть время для ответа. Но ничего не приходило на ум. Если он расскажет им все как есть, это будет звучать неправдоподобней, чем любая ложь.

— Мне-то вы можете признаться, Хайрам. Ведь в конце концов мы с вами компаньоны.

«Он считает меня дурачком, — подумал Тэн. — Генри воображает, что может обвести вокруг пальца любого, кого он изволит причислить к дуракам или простачкам».

— Вы все равно не поверили бы мне, Генри, если бы я рассказал вам правду.

— Ну, хорошо, — процедил Генри и поднялся с обиженным видом. — Я понимаю, с этим можно повременить.

Снова, гремя жестянками, через кухню прошел Бизли.

— Мне нужно немного бензина, чтобы ехать искать Таузера, — попросил Тэн.

— Сейчас все устрою, — мгновенно согласился Генри. — Пришлю Эрни с бензином. Можно будет пропу-

стить шланг через дом. Я узнаю, не поедет ли кто-нибудь с вами.

— Это лишнее. Я поеду один.

— Если бы у нас был передатчик, мы могли бы с вами поддерживать связь.

— Но ведь у нас его нет, Генри, а я не могу больше ждать. Таузер где-то там совсем один.

— Понимаю. Я знаю, как вы к нему относитесь, Хайрам. Поезжайте и ищите его, если считаете, что это необходимо, а я пока займусь другими делами. Подыщу адвокатов, и мы составим бумаги на право освоения земель.

— Послушайте, Хайрам, — вмешалась Эби. — У меня к вам просьба.

— Да, пожалуйста.

— Не поговорите ли вы с Бизли? Глупо вести себя так. Не было никакого повода все бросать и уходить от нас. Может быть, иногда я и бываю с ним резка, но его тупость выводит из себя. Он убежал и полдня помогал Таузеру выкапывать какого-то сурка, а после...

— Хорошо, я поговорю с ним, — ответил Тэн.

— Спасибо, Хайрам. Он вас слушает. Вы — единственный человек, которого он слушается. Мне так хотелось, чтобы вы починили мой телевизор, да тут началась эта заваруха. Мне он очень нужен. И в комнате будто чего-то не хватает. Он очень подходит к моей мебели. Вы помните?

— Да, помню, — сказал Тэн.

— Ну так ты идешь, Эби? — спросил Генри уже в дверях. Он поднял руку и с видом заговорщика махнул Тэну.

— Увидимся позже, Хайрам. Я все устрою.

«Нисколько не сомневаюсь», — подумал Тэн.

После их ухода он подошел к столу и тяжело опустился в кресло.

Наружная дверь хлопнула, и, задыхаясь от волнения, вбежал Бизли.

— Таузер вернулся, — заорал он. — Он пришел и привел с собой большого сурка. Ты такого еще никогда не видел.

Тэн вскочил.

— Сурка? Но ведь это не Земля. Здесь не водятся сурки.

— Иди посмотри сам, — крикнул Бизли и выбежал из комнаты. Тэн выскочил за ним.

Зверь на самом деле был похож на гигантского сурка из детской книжки. Он был ростом с человека и шел на задних лапах, пытаясь сохранить достоинство, но то и дело с опаской поглядывая на Таузера.

Таузер следовал за ним в ста шагах, видимо предпочитая на всякий случай держаться в приличном отдалении. У него был вид хорошо обученного пастушьего пса. Настороженно пригнув голову, он готов был в любую минуту броситься на чужака.

Сурок подошел к самому дому и остановился. Потом оглянулся, посмотрел на пустыню и сел на задние лапы. Вскинув свою большую тяжелую голову, он стал наблюдать за Бизли и Тэном — выразительный взгляд его темных глаз был очень похож на человеческий.

Тэн подбежал к Таузеру, схватил его на руки и крепко прижал к груди. Пес завертел головой и лизнул хозяина мокрым языком прямо в лицо.

Тэн стоял с собакой в руках и глядел на гигантского сурка с чувством облегчения и благодарности.

«Все теперь стало на место, — подумал он, — раз

Таузер вернулся». Он поднялся на крыльцо и прошел на кухню.

Там он опустил Таузера на пол, достал миску, налил в нее воды из крана. Таузер стал жадно лакать, разбрызгивая воду по линолеуму.

— Спокойнее, — предупредил Тэн, — не надо сразу так налегать.

Он пошарил в холодильнике, вынул остатки какой-то еды и положил в миску Таузеру. Тот замахал хвостом, выражая свое одобрение.

— По-настоящему следовало бы взять веревку и отстегать тебя за то, что ты удрал, — заметил Тэн.

Топоча ногами, вошел Бизли и объявил:

— Этот сурок — славный парень. Он кого-то ждет.

— Ну и прекрасно, — ответил Тэн, не вслушавшись в то, что сказал Бизли.

Он взглянул на часы.

— Половина восьмого. Мы можем послушать известия. Ты не хочешь включить радио, Бизли?

— С удовольствием, Хайрам. Я знаю, как ловить парня, который всегда говорит из Нью-Йорка.

— Именно его и надо поймать, — заявил Тэн.

Он вошел в комнату и посмотрел в окно — огромный сурок сидел на том же месте, прислонившись к стене, и глядел на дорогу, по которой пришли Тэн и Таузер.

— Он кого-то ждет, — сказал Бизли.

Тэн посмотрел на сурка, у которого был такой вид, будто он и впрямь кого-то ждал. Но что только не взбредет в голову Бизли?

«Ну, а если сурок на самом деле ждет, — подумал Тэн. — Кого он может ждать? Впрочем, весть о том, что пробита дверь еще в один мир, очевидно, уже

разнеслась по планете. Интересно, сколько таких дверей было распахнуто за прошедшие века».

Генри говорил, что огромный неизведанный мир только и ждет, чтобы жители Земли пришли и завоевали его. Но здесь дело не только в этом. Ведь дорога вела в обе стороны.

Голос диктора ворвался в комнату обрывком фразы:

«...и наконец стали действовать. Сегодня вечером московское радио сообщило, что советская делегация завтра собирается внести в ООН предложение об интернационализации вновь открытого мира, а также ведущей к нему дороги.

Из дома, через который осуществляется связь с новым миром, больше не поступало никаких сведений. Дом принадлежит человеку по имени Хайрам Тэн. Все держится в строжайшей тайне, кордон войск плотным кольцом окружил дом, сдерживая толпы людей. Все попытки связаться с домом по телефону потерпели неудачу. Резкий голос отвечает, что вызовы по этому номеру не принимаются. Сам Тэн из дома не выходит».

Тэн пошел на кухню и сел за стол.

— Это он про вас говорит, — с гордостью заявил Бизли.

«Сегодня утром прошел слух, что Тэн, скромный деревенский механик и маклер по продаже старинных вещей, до вчерашнего дня мало кому известный, наконец вернулся из путешествия в неведомую страну. Нашел ли он там что-нибудь — пока остается тайной. Мы больше не имеем никаких сведений о новом мире и знаем только, что это — пустыня, в настоящий момент безжизненная.

Паника вчера вечером была вызвана тем, что в лесу, через дорогу от дома, нашли странный предмет.

Вся местность оцеплена, и до сих пор полковник Райан, командующий войсками, не сообщил нам, что именно было найдено.

Непонятную роль во всем этом деле играет некий Генри Хортон, единственное неофициальное лицо, имеющее доступ в дом Тэна. Хортон не ответил почти ни на один из вопросов, заданных ему сегодня утром, но при этом с видом заговорщика упомянул о том, что они с Тэном компаньоны в каком-то таинственном деле. Кроме того, он недвусмысленно намекнул, что они сотрудничают в открытии нового мира.

Интересно отметить, что Хортон — директор небольшого завода, выпускающего счетные машины. Как стало известно из осведомленных источников, Хортон недавно передал Тэну машину или какой-то прибор, назначение которого он пытается сохранить в тайне. Ходят слухи, что эта машина создавалась в течение шести или семи лет.

Очевидно, ответить на вопрос о том, что же все-таки происходит в Уиллоу Бенде, мы сможем лишь после того, как приступит к работе группа ученых, которая вылетела сегодня из Вашингтона после длительного совещания в Белом доме. В совещании участвовали руководители Пентагона, Государственного департамента, ФБР и Комитета по новым видам вооружения.

Эффект, произведенный вчерашними сообщениями об Уиллоу Бенде, можно сравнить только со взрывом атомной бомбы двадцать лет назад. Многие наблюдатели склонны считать, что последствия событий в Уиллоу Бенде должны потрясти мир сильнее, чем Хиросима.

По вполне понятным причинам Вашингтон настаивает на невмешательстве, полагая, что это — сугубо

внутреннее дело, и правительство намерено действовать в интересах нации.

Однако во всем мире поднялось движение за то, чтобы сделать планету достоянием всего мира, а не одной только страны.

По непроверенным сведениям, наблюдатель ООН срочно вылетает в Уиллоу Бенд. Франция, Англия, Боливия, Мексика, Индия уже просили у Вашингтона разрешения прислать своих наблюдателей к месту событий, и не приходится сомневаться, что и другие страны последуют их примеру.

Сегодня вечером весь мир как на иголках в ожидании вестей из Уиллоу Бенда».

Тэн протянул руку и выключил радио.

— Если верить тому, что они говорят, — сказал Бизли, — мы должны ждать нашествия иностранцев.

«Да, — подумал Тэн, — нашествия иностранцев. Но не в том смысле, в каком понимает Бизли. Значение этого слова явно устарело. Скоро ни одного жителя Земли нельзя будет назвать иностранцем, — потому что рядом, буквально за дверью, нас встретит чужая жизнь. Кто эти обитатели каменного дома?»

Речь идет не об одной планете. Он нашел только одну дверь, а таких дверей может быть великое множество, и неизвестно, каково их назначение и в какие миры они ведут.

Неведомый «некто» или «нечто» нашел способ проникать на новые планеты через бездны пространства, нашел более простой и короткий путь, чем полет через космические океаны. После того как дверь была открыта, попасть из одного мира в другой стало так же легко, как перейти из одной комнаты в другую.

Лишь одно не укладывалось у него в сознании — как движутся по орбитам и вращаются вокруг своей оси соединившиеся планеты? Ведь невозможно, размышлял он, создать прочные связи между объектами, если каждый из них движется сам по себе.

Еще два дня назад мысль, что он будет ломать голову над такими проблемами, показалась бы ему фантастичной. Тем не менее это был совершившийся факт, а если произошло одно невероятное событие, то может случиться и второе.

Зазвонил звонок. Тэн пошел открыть дверь. Это был Эрни, торговец бензином.

— Генри говорил, что вам нужен бензин. Я пришел предупредить вас, что до утра ничего нельзя сделать.

— Это неважно, — ответил Тэн. — Бензин мне больше не нужен.

Он быстро захлопнул входную дверь и еще долго стоял, прижавшись к ней спиной, пытаясь привести в порядок мысли. Все равно когда-нибудь придется встретиться с людьми. Нельзя же навеки запереться от целого мира. Рано или поздно жители Земли и он, Тэн, должны будут взглянуть правде в глаза.

Он злился на себя за эти мысли, но ничего не мог поделать.

У него за дверью находилось нечто очень важное для всего человечества, то, в чем люди нуждались или по крайней мере думали, что нуждались.

Но в конечном счете он один был за все в ответе. Это произошло в его владениях, в его доме. И быть может, он как-то невольно способствовал этому.

«Земля и дом принадлежат мне, — подумал он со злостью. — И весь этот мир, как бы велик он ни был, лишь продолжение моего двора».

Тэн вернулся обратно в комнату. В кресле с парчовой обивкой, свернувшись клубком, тихонько посапывал Таузер. Тэн решил не прогонять его. Пес заработал себе право спать там, где ему хочется.

Осторожно обойдя кресло, Тэн подошел к окну — пустыня простиралась до горизонта, а прямо перед окном спиной к дому сидели рядом и глядели на пустыню огромный сурок и Бизли. Казалось естественным, что они мирно сидят бок о бок, и Тэну пришло в голову, что они во многом схожи.

Это было хоршее начало — человек и существо из другого мира, дружески сидящие рядом.

Тэн попытался представить себе симбиоз двух соединенных вместе планет, одной из которых была Земля. Сердце лихорадочно застучало, когда он подумал, какие возможности таятся в таком сближении.

Что может принести Земле ее контакт с другими мирами?

И вдруг оказалось, что контакт уже установлен в такой спокойной, такой будничной обстановке, что никто даже не воспринял это событие как величайшую в истории человечества встречу. Сурок и Бизли там под окном и воплощали собой этот контакт. Если все будет продолжаться так и дальше, нет оснований волноваться.

И ведь это не случайность, подумал он. Все было спланировано и проделано с ловкостью и сноровкой, которые даются лишь долгой практикой. Конечно, это не первый мир, открытый ими для контактов, и нет оснований думать, что последний.

Маленькие крысopodobные существа пересекли космическое пространство, — и даже трудно представить, сколько световых лет они преодолели в корабле, кото-

рый он откопал в лесу. Они запрятали свой корабль, как дети прячут игрушки в песок. Пришельцы выбрали именно дом Тэна для установки своей аппаратуры, с помощью которой превратили его в связующее звено между двумя мирами и навсегда покончили с необходимостью еще раз пересекать космос. Нужно только однажды проделать долгий путь, чтобы навсегда связать планеты.

После того как все было закончено, крысopodobные существа удалились, убедившись, что ворота, соединяющие планеты, крепки и могут противостать всем попыткам разрушить их. Они обшили дом изнутри каким-то диковинным материалом, который не поддается топору и способен выдержать удары любой силы.

Четким тренированным маршем они прошли к холмам, где в гнездах лежало восемь воздушных кораблей. И теперь там, на холме, осталось только семь кораблей, а существа, похожие на крыс, ушли, и, кто знает, может быть, в будущем они высадятся на другой планете, и тогда откроется дверь еще в один новый мир.

«И ведь это гораздо больше, чем простое сближение планет, — подумал Тэн. — Это сближение жителей новых миров».

Маленькие зверьки были пионерами и исследователями, открывателями новых планет, похожих или непохожих на планету Земля. И существо, которое ждет кого-то под окном, сидя рядом с Бизли, тоже служит какой-то цели и, может быть, в недалеком будущем той же цели станет служить человек.

Тэн отошел от окна и оглядел комнату. Она была такая, какой он помнил ее с незапамятных времен, и,

несмотря на бурные события за стенами дома, оставалась неизменной.

«Это — реальность, — подумал Тэн. — Это — единственная реальность. Неизвестно, что впереди, но пока я еще стою здесь, в комнате с почерневшим от времени камином, с книгами, захватанными пальцами, качалкой на старом потертом ковре, по которому много лет ступали ноги любимых и близких».

Но он знал, что это спокойствие — лишь затишье перед бурей.

Еще немного — и начнут прибывать ученые, правительственные чиновники, военные, наблюдатели из разных стран, сотрудники ООН.

Тэн понимал, что безоружен перед всеми этими людьми и не сможет сопротивляться, что бы он ни говорил. Он не может вступить в единоборство со всем миром.

Сегодня дом Тэнов доживал свой последний день. Он простоял почти столетие, и теперь его ждет другая судьба. Впервые за все эти годы ни один Тэн не будет спать под его крышей.

Тэн посмотрел на камин, на книжные полки; ему почудилось, что по комнате бродят старые бледные привидения. Он нерешительно поднял руку, как бы прощаясь с призраками и комнатой, но тотчас же опустил ее.

«Какой смысл», — подумал он.

Тэн вышел на крыльцо и уселся на ступеньках. Бизли, услышав его шаги, обернулся.

— Хороший он парень, — заметил Бизли, похлопав сурка по спине. — Совсем как большой плюшевый медведь.

— Это верно, — сказал Тэн.

— И больше всего мне нравится, что я могу с ним разговаривать.

— Да, понимаю.

Тэн вспомнил, что Бизли разговаривал и с Таузером. Он подумал, что хорошо бы пожить какое-то время в уютном, незатейливом мире Бизли.

Но все же почему крысоподобные существа, бывшие в космическом корабле, остановили свой выбор именно на Уиллоу Бенде и его доме? Каким образом они узнали, что найдут здесь все необходимое, чтобы быстро и легко наладить свою аппаратуру? Сейчас уже не приходится сомневаться, что они разрушили счетную машину и использовали детали. Тут, пожалуй, Генри оказался прав. Сейчас, думая об этом, Тэн понимал, что Генри все же сыграл в этой истории известную роль. Но как они сумели предвидеть, что именно на этой неделе и в этом самом доме появится возможность быстро и без особого труда осуществить то, ради чего они проделали далекое путешествие?

Неужели они, помимо высоких технических знаний, обладают еще даром предвидения?

— Кто-то идет, — проговорил Бизли.

— Я никого не вижу.

— И я не вижу. Но сурок сказал мне, что он видит.

— Сказал тебе?

— Я же тебе объяснял, что мы с ним разговариваем. А теперь и я вижу.

Они были еще далеко и шли очень торопливо — три маленькие точки быстро двигались по пустыне в сторону дома.

Тэн сидел и смотрел, как они приближались. «Нужно пойти за ружьем», — подумал он, но не тронулся с места. Все равно без толку. Бесплезно хвататься за

оружие, а в данном случае просто глупо. Лучшее, что может сейчас сделать человек, — это встретить пришельцев из другого мира с чистым сердцем и чистыми руками.

Они подъехали ближе, и Тэну показалось, что они сидят в каких-то невидимых седлах, которые быстро движутся по воздуху.

Теперь Тэн уже видел, что их трое и что они похожи на людей.

Они подкатили как-то неожиданно и резко остановились в ста шагах от крыльца.

Тэн сидел на ступеньках и молча глядел на них, едва удерживаясь от смеха. Эти трое были, пожалуй, ниже его ростом и черные, как пиковый туз. Их одежда состояла из узких, обтягивающих ноги небесно-голубых брюк и таких же жилетов, которые были им несколько велики. Но это еще полбеды. Самое удивительное, что пришельцы прибыли в обыкновенных седлах со стременами, к которым сзади было привязано нечто вроде скатанного одеяла.

Седла плавали, в них легко и грациозно сидели незнакомые всадники и во все глаза смотрели на Тэна.

Наконец, он поднялся и сделал шаг им навстречу. И сразу же все трое спешили и тоже двинулись к нему, а седла так и остались неподвижно висеть в воздухе.

Путешественники остановились шагах в шести от Тэна.

— Они тебя приветствуют, Хайрам, — произнес Бизли. — Говорят, что рады тебя видеть.

— Ну, хорошо, тогда передай им... Но, послушай, Бизли, а как ты это узнал?

— Сурок сказал мне, о чем они говорят, а я — тебе. Ты скажи мне, я ему, а он передаст им. Так можно разговаривать. Для этого он и пришел сюда.

— Ну, хорошо, я попробую, — сдался Тэн. — Так ты на самом деле можешь с ними разговаривать?

— Я же тебе все время про это толкую, — возмущенно ответил Бизли. — Я же тебе говорил, что могу разговаривать с Таузером, но ты считал меня сумасшедшим.

— Это телепатия, — сказал Тэн. — Оказывается, на самом деле все обстоит гораздо сложнее. Выходит, похожие на крыс существа знают не только про дом, но и про Бизли тоже.

— Ты что-то сказал, Хайрам?

— Да нет, ничего, — ответил Тэн. — Попроси своего друга передать им, что я рад их видеть, и узнай, чем я могу быть полезен.

Тэн стоял, неловко переминаясь с ноги на ногу, и смотрел на гостей. Он увидел у них на куртках множество карманов, набитых, вероятно, тем, что заменяло им табак, носовые платки, перочинные ножи и прочую ерунду.

— Они говорят, что хотят маклачить.

— Маклачить?

— Да. Ну, как бы торговать. — Бизли тихонько хмыкнул. — Угодили прямо в лапы к маклеру-янки. Так про вас говорит Генри. Он еще говорит, что вы любого облапошите.

— Генри здесь ни при чем, — резко ответил Тэн. — Может быть, хотя бы здесь мы обойдемся без Генри.

Он сел на землю, и те трое тоже уселись напротив него.

— Спроси их, чем они хотят торговать.

— Идеями, — перевел Бизли.

— Идеями? Что за бред!

Но он уже понимал, что это не так. Идеи были самым лучшим товаром, который могли предложить пришельцы, наиболее ценным и ходким, не требующим специальных складов и не подрывающим экономики, во всяком случае на первое время. Кроме того, торговля реальными товарами меньше способствует быстрому развитию цивилизации.

— Спроси их, что они хотят в обмен на идею седла, на которых они приехали? — поинтересовался Тэн.

— Они спрашивают, что вы можете предложить.

Вот в этом-то и заключалась загвоздка. Ответить на такой вопрос было нелегко.

Машины и грузовики, двигатель внутреннего сгорания, очевидно, не годятся. У них уже есть седла. С точки зрения этих существ Земля далеко отстала от них в развитии транспорта.

Строительство? Вряд ли это подойдет. Он вспомнил про дом в пустыне. Значит, они знают, как строить дома. Может быть, одежда? Но на них была одежда.

«Краска, — подумал Тэн. — Краска — вот то, что им нужно».

— Спроси, не интересуется ли их краска, — обратился он к Бизли.

— Они спрашивают, что это такое. Объясни им, пожалуйста.

— Сейчас. Дай подумать. Краска — это защитный слой, которым можно покрыть любую поверхность. Она компактна, что важно для хранения и перевозки; поменять ее несложно. Кроме того, она предохраняет предметы от непогоды и коррозии. Имеет декоративное

значение. Существуют краски любых цветов. Изготовление их стоит недорого.

— Они обмозговывают эту идею, — передал Бизли. — Кажется, заинтересовались. Но им хочется узнать подробнее. Расскажи им что-нибудь еще.

«Ну, это уже на что-то похоже», — подумал Тэн. Он почувствовал себя в родной стихии.

Усевшись поудобнее и слегка наклонившись, он всматривался в три черных и плоских, как сковорода, лица, пытаясь понять, что делается в мозгу у пришельцев.

Наконец-то все стало на свои места.

Но лица пришельцев были непроницаемы.

Внутренний голос подсказывал Тэну, что среди этой троицы он найдет себе достойных партнеров. И это тоже радовало его.

— Скажи им, что я не совсем уверен, хорошо ли они меня поняли. Я говорил слишком быстро. Ведь краска — очень ценная идея.

— Они говорят, что были бы очень благодарны, если бы ты им еще что-нибудь рассказал: они заинтересовались.

«Зацепило, — подумал Тэн. — Только бы провести все на уровне».

И он с азартом принялся маклачить.

Через несколько часов появился Генри в сопровождении типичного горожанина с внушающим уважение чемоданчиком в руке.

Оба они в изумлении застыли на пороге: Тэн сидел на корточках, а перед ним лежала доска, по которой он водил кистью. Незнакомцы внимательно следили за

его движениями. Судя по пятнам на их лицах и одежде, было видно, что они уже пробовали красить. Вокруг были разбросаны вымазанные краской доски и штук двадцать банок.

Тэн поднял голову и посмотрел на Генри и гостя.

— Я все время надеялся, что кто-нибудь появится, — сказал он.

— Хайрам, — начал Генри, и в голосе у него было еще больше важности, чем обычно. — Я хочу познакомиться вас с мистером Ланкастером. Он специальный представитель Организации Объединенных Наций.

— Рад познакомиться с вами, сэр, — ответил Тэн. — Вот я думаю, не могли бы вы мне...

— Мистер Ланкастер, — прервал его Генри, — не мог пробиться сквозь кордон, и я предложил ему свои услуги. Я уже объяснил, каков наш общий интерес в этом деле.

— Да, это было очень любезно со стороны мистера Хортонна, — вставил Ланкастер. — Там был такой дурак сержант.

— К людям надо уметь подходить, — произнес Генри. Это изречение, как заметил Тэн, не было должным образом оценено представителем Объединенных Наций.

— Могу я узнать, мистер Тэн, — чем вы занимаетесь в данный момент? — спросил Ланкастер.

— Маклачу.

— Маклачите? Что за странный способ выражать свои мысли?

— Старинное слово с некоторой модификацией. Когда вы торгуете с кем-нибудь, то происходит обмен товарами, а когда вы маклачите, это значит, что вы хотите содрать три шкуры.

— Очень интересно, — сказал Ланкастер. — Как я вас понял, вы собираетесь освежевать этих господ в голубых жилетах?

— Хайрам, — с гордостью заявил Генри, — лучший маклер в здешних местах. Он торгует старинными вещами, и поэтому ему приходится все время здорово ловчить.

— А не скажете ли вы мне, для чего здесь эти банки с краской? — спросил Ланкастер, совершенно не обращая внимания на Генри. — Эти джентльмены покупают краску?

Тэн отбросил доску и с раздражением вскочил.

— Заткнетесь вы оба когда-нибудь? — закричал он. — С той самой минуты, как вы появились, я не могу вставить ни одного слова. А это очень важно, поверьте мне.

— Хайрам! — в ужасе воскликнул Генри.

— Ничего, ничего, не беспокойтесь, — сказал представитель ООН. — Мы действительно мешаем своей болтовней. В чем же дело, мистер Тэн?

— Понимаете, я зашел в тупик, — признался Тэн. — И мне нужна помощь. Я продал этим голубчикам идею краски, но я об этой самой краске ровным счетом ничего не знаю. Словом, я понятия не имею, из чего и как она делается и на что идет.

— Мистер Тэн, но вы ведь продаете им краску. И какая вам разница...

— Да я не продаю краску! — закричал Тэн. — Вы что, не понимаете? Им не нужна краска. Им требуется идея краски. Принцип краски, они об этом никогда не думали и потому заинтересовались. Я предложил им идею краски в обмен за седла и почти договорился.

— Седла? Вы говорите об этих штуках, которые висят в воздухе?

— Да. Бизли, не попросишь ли ты наших друзей продемонстрировать седла?

— Отчего же нет, — ответил Бизли.

— Ничего не понимаю, — сказал Генри. — Какое отношение ко всему этому имеет Бизли?

— Бизли — переводчик. Если угодно, можете называть его телепатом. Помните, как он всегда говорил, что может разговаривать с Таузером?

— Но Бизли всегда хвастается.

— На этот раз все оказалось правдой. Он передает мои слова этому смешному чудищу, похожему на сурка, а сурок переводит пришельцам. А они говорят ему, он — Бизли, а Бизли — мне.

— Весело! — фыркнул Генри. — Да у Бизли никогда в жизни не хватит сообразительности стать этим... как вы говорите?

— Телепатом, — подсказал Тэн.

Один из гостей взобрался на седло, проехался на нем взад и вперед по воздуху, потом спрыгнул и снова уселся на землю.

— Чудеса! — изумился представитель ООН. — Какое-то автоматическое антигравитационное устройство! Мы действительно могли бы его использовать.

Он почесал подбородок.

— И вы хотите обменять идею краски на идею седла?

— Вот именно, — откликнулся Тэн. — Но мне нужна помощь. Мне нужен химик или специалист по производству красок, или еще какой-нибудь знаток, чтобы объяснить, как ее делают. И еще мне нужен какой-нибудь профессор или вообще человек, который разбе-

рется в том, что они будут говорить о принципе устройства седла.

— Все ясно, — изрек Ланкастер. — Да, задача трудная. Мистер Тэн, вы мне кажетесь человеком проницательным.

— Вы не ошиблись, мистер Ланкастер, — вмешался Генри. — Хайрам — человек исключительной проницательности.

— Тогда, я думаю, вы понимаете, — заметил представитель ООН, — что вся процедура в некотором роде необычна.

— Ничего подобного! — воскликнул Тэн. — Это их метод работы. Они открывают новую планету и выменивают идеи. Они уже очень давно торгуют с вновь открытыми мирами. И им нужны идеи, новые идеи, потому что только таким путем они развивают свою технику и культуру. И у них, сэр, есть множество идей, которыми человечество могло бы воспользоваться.

— Вот тут-то и зарыта собака, — сказал Ланкастер. — Это, пожалуй, самое важное событие за всю историю человечества. За какой-нибудь год мы получим столько идей и сведений, что сможем в своем развитии, по крайней мере теоретически, продвинуться на тысячу лет вперед. Это дело огромной государственной важности, и нужно, чтобы оно попало в руки людей опытных и знающих.

— Но где вы найдете человека, который мог бы торговаться лучше, чем Хайрам? — возмутился Генри. — Когда он берет за дело — тут только держись. Почему не предоставить это ему? Он будет работать для вас. Вы можете создать комиссию специалистов и группу по планированию, а Хайраму поручить практи-

ческую сторону. Эти существа уже с ним освоились, и видно, что у них с Хайрамом налажен контакт. Что вы еще хотите? Ему нужна только небольшая помощь.

Подошел Бизли и уставился на представителя ООН.

— Я ни с кем больше работать не буду, — объявил он. — Если вы выгоните Хайрама, я уйду с ним. Хайрам — единственный, кто обращался со мной по-человечески.

— Вот видите, — с торжеством в голосе произнес Генри.

— Пойдите, Бизли, — сказал представитель ООН. — Мы можем договориться. Я представляю себе, что переводчик в такой ситуации, как эта, может заработать кучу денег.

— Деньги для меня ничего не значат, — ответил Бизли. — Друзей я не куплю, а люди все равно будут смеяться надо мной.

— Он не шутит, мистер Ланкастер, — предупредил Генри. — Нет человека, который бы переупрямил Бизли. Я это хорошо знаю. Ведь он у нас работал.

Вид у представителя ООН был растерянный и несчастный.

— И вы не скоро найдете нового телепата, по крайней мере такого, который сможет разговаривать с нами, — заявил Генри.

Казалось, что представителю ООН не хватает воздуха.

— Сомневаюсь, — признался он, — можно ли на всем земном шаре найти другого.

— Ну, хорошо, — безжалостно произнес Бизли. — Давайте решать. Я не могу стоять здесь весь день.

— Уговорили! — воскликнул представитель ООН. — Вы двое идите и продолжайте работу. Вы согласны,

Хайрам? Это случай, который нельзя упускать. И скажите, пожалуйста, чем я могу быть полезен? Могу я что-нибудь для вас сделать?

— Можете, — ответил Тэн. — Скоро сюда понаедут всякие шишки из Вашингтона и из других стран. Держите их всех от меня подальше.

— Я им все объясню. Они вам не будут мешать.

— А мне нужен химик и еще какой-нибудь специалист, который сможет понять все про седла. И очень срочно. Я могу еще немного задержать этих голубчиков, но ненадолго.

— Через несколько часов я вам доставлю любого эксперта, какого угодно, — заверил представитель ООН. — А через день или два сотни специалистов будут дежурить здесь, чтобы явиться по вашему первому зову.

— Сэр, — заговорил Генри елейным голосом. — Это прекрасное решение. Оба мы, Хайрам и я, очень вам благодарны. А сейчас, поскольку все решено, нам надо идти, нас ждут репортеры. Они заинтересованы в нашем интервью, мистер Ланкастер.

Представитель ООН, казалось, ничего не имел против, и они с Генри затопали по лестнице.

Тэн обернулся и посмотрел на пустыню.

— Ведь все это — мой собственный необъятный двор, — сказал он вслух.

Коротко об авторах

1. Лейнстер, Мюррей (Murray Leinster) — псевдоним Вильяма Ф. Дженкинса (Will. F. Jenkins), американского писателя-фантаста. Из последних произведений наиболее известны две серии новелл: «Колониальное управление» (на русский язык из этой серии переведены «Исследовательский отряд», получивший премию «Хьюго» за 1956 год, и «Критическая разница») и «Медицинская служба» (приключения доктора Кэлхана, инспектора межгалактической медико-санитарной службы).

Рассказ «Первый контакт» («First Contact»), впервые опубликованный в 1945 году в журнале «Astounding Science Fiction», считается одной из лучших вещей писателя и неоднократно включался в антологии.

2. Азимов, Айзек (Isaak Asimov), род. в 1920 году, — один из наиболее известных американских фантастов. Профессор биохимии, автор широко распространенных учебников и научно-популярных книг. Пишет также для детей под псевдонимом Поль Френч (Paul French). Наиболее значительные произведения: серия новелл «Я, робот» (есть неполный русский перевод) и романы о галактической цивилизации: ее возникновении в сравнительно близком будущем («Стальные пещеры», «Обнаженное солнце»), последующем развитии («Течения пространства», «Камешек в небе», «Звезды, как пыль») и распаде («Основание» и др.). На русский язык переведены также отдельные рассказы («Уродливый мальчуган», «Чувство силы» и др.) и научно-популярные книги «Химические агенты жизни» и «Вид с высоты».

В 1963 году Азимов получил специально для него учрежденную премию «Хьюго» «за деятельность в области научной фантастики».

Рассказ «Сердобольные стервятники» («The Gentle Vultures») был впервые опубликован в 1957 году в журнале «Super-Science Fiction».

3. Кларк, Артур (Arthur Clarke), род. в 1917 году, — один из самых видных английских фантастов. Одновременно автор большого числа научно-популярных книг. По профессии астроном. Член Британского королевского астрономического общества. Дважды избирался президентом Британского межпланетного общества. В настоящее время живет на Цейлоне. Наиболее значительные научно-фантастические романы и повести: «Конец детства», «Город и звезды», «Прелюдия к космосу», «Пески Марса» (есть сокращенный русский перевод) и многие другие. В 1962 году удостоен международной премии Калинги за деятельность в области популяризации науки. В 1956 году получил премию «Хьюго» за рассказ «Звезда» (есть русский перевод). Рассказ «Экспедиция на Землю» («Expedition to Earth») впервые опубликован в журнале «Science Fantasy» в 1954 году под названием «Урок истории».

На русский язык, кроме вышеупомянутых произведений, переведено несколько рассказов Кларка, а также научно-популярная книга «Голос через океан».

4. Старджон, Теодор (Theodore Sturgeon) — псевдоним Эдуарда Хамильтона Уолдо (Edward Hamilton Waldo), американского писателя-фантаста. Первый его роман «Больше, чем люди» вышел в 1954 году. Наиболее известны: роман «Синтетический человек» (1957), являющийся переработкой серии новелл «Дремлющие драгоценности», а также сборник новелл «Путь домой». На русский язык переведен рассказ «Бог микрокосмоса». Рассказ «Особая способность» («Special Aptitude») впервые опубликован в журнале «Other Worlds» в 1951 году под названием «Кто смеется последним».

5. Гаррисон, Гарри (Harry Harrison) — американский писатель-фантаст, в настоящее время живет в Швеции. Наиболее значительный роман — «Мир смерти» (1960), продолжением которого является повесть «Этический инженер» (1963).

Рассказ «Смертные муки пришельца» («An Alien Agony»)

первоначально опубликован в журнале «New Worlds Science Fiction» в 1962 году под названием «Улицы Ашкалона». На русский язык произведения Гаррисона ранее не переводились.

6. Бредбери, Рэй (Ray Douglas Bradbury), род. в 1920 году, — один из ведущих современных американских писателей, значительная часть произведений которого относится к области фантастики. Автор свыше пятнадцати книг, сотен рассказов. Наиболее значительные фантастические произведения — цикл новелл «Марсианские хроники» (1950) (переведены на русский язык) и роман «451° по Фаренгейту» (1953) (есть русский перевод). Последние произведения — повесть «Недобрый гость» («Something wicked this way comes») (1962) и сборник рассказов «Машины счастья» (1964).

Рассказ «Калейдоскоп» («Kaleidoscope») впервые опубликован в 1949 году в журнале «Thrilling Wonder Stories». На русский язык переведено также много рассказов Бредбери.

7. Уильямсон, Джек (Jack Williamson) — американский фантаст. Писал также под псевдонимом Уилл Стюарт (Will Stewart). Работает в области научной фантастики с 1928 года. Наиболее известна серия его романов на космические темы: «Легион пространства» (1934), «Кометчики» (1936), «Один против легиона» (1939).

Рассказ «Взгляд в прошлое» («Hindsight») впервые опубликован в журнале «Astounding Science Fiction» в 1940 году.

На русский язык произведения Уильямсона ранее не переводились.

8. Андерсон, Пол (Paul Anderson), род. в 1926 году, — американский писатель-фантаст. Работает в жанре новеллы. Получил премию «Хьюго» за рассказы «Самое длинное путешествие» (1961) и «Нет перемирия с королями» (1964). Кроме того, известны серии его рассказов «Хранители времени» и «Звездный торговец».

Рассказ «Человек, который пришел слишком рано» («The Man who came early») впервые опубликован в журнале «Fantasy and Science Fiction» в 1954 году.

На русский язык произведения Андерсона ранее не переводились.

9. Шекли, Роберт (Robert Shekly), род. в 1918 году, — американский писатель-фантаст, в основном работает в юмористиче-

ском и сатирическом жанре. Наиболее известен роман «Корпорация «Бессмертие» (1959). Последний роман «Путешествие через бесконечность» (1963) показывает современное общество глазами «дикаря», выросшего на тропическом острове. Рассказ «Травмированный» («The Impacted Man») впервые опубликован в журнале «Astounding Science Fiction» в 1952 году.

На русский язык переведены рассказы «Паломничество на Землю», «Шпион в космосе», «Мятеж шлюпки» и др.

10. Каттнер, Генри (Henry Kuttner) (1914—1958). Американский писатель-фантаст. Печатался также под псевдонимами Льюис Пэджет, Лоуренс О'Доннел и др. Большинство произведений написано в сотрудничестве с женой Катрин Л. Мур (Catherine L. Moore). Известна серия произведений о переселении человечества на Венеру («Ярость», «Ночное столкновение» и др.).

Рассказ «Шок» («Shock») впервые опубликован в журнале «Astounding Science Fiction» в 1953 году.

На русский язык произведения Каттнера ранее не переводились.

11. Саймак, Клиффорд (Clifford D. Simak) — американский автор научно-фантастических произведений, по профессии журналист. За роман «Город» получил «Интернациональную премию фантастов» в 1953 году. За включенный в данный сборник рассказ «Необъятный двор» («The Big Front Yard»), впервые опубликованный в 1958 году в журнале «Astounding Science Fiction», получил премию «Хьюго». Этот рассказ многократно включался в антологии. В 1964 году Саймак получил премию «Хьюго» за свой новый роман «Пересадочная станция».

На русский язык переведены рассказы Саймака «Встреча на Меркурии», «Поколение, достигшее цели», «Спокойной ночи, мистер Джеймс» и др.

В. Кан

Содержание

Е. Брандис, В. Дмитриевский Зеркало тревог и сомнений.	5
---	---

ЗЕМЛЯ И КОСМОС

М. Лейнстер Первый контакт. Перевод Д. Брускина	55
--	----

А. Азимов Сердобольные стервятники. Перевод Г. Островской	104
--	-----

А. Кларк Экспедиция на Землю. Перевод Д. Горфинкеля	130
--	-----

Т. Старджон Особая способность. Перевод Д. Горфинкеля	143
--	-----

Г. Гаррисон Смертные муки пришельца. Перевод В. Ровинского	170
---	-----

Р. Бредбери Калейдоскоп. Перевод Л. Жданова	195
--	-----

ПРОСТРАНСТВО — ВРЕМЯ

Дж. Уильямсон	
Взгляд в прошлое. <i>Перевод А. Тетеревниковой</i>	211
П. Андерсон	
Человек, который пришел слишком рано. <i>Перевод</i> <i>Н. Емельяниковой</i>	241
Р. Шекли	
Травмированный. <i>Перевод Н. Евдокимовой</i>	284
Г. Каттнер	
Шок. <i>Перевод А. Тетеревниковой</i>	313
К. Саймак	
Необъятный двор. <i>Перевод А. Ставиской</i>	340
В. Кан	
Коротко об авторах	413

ЭКСПЕДИЦИЯ
НА ЗЕМЛЮ

Редактор *Е. Г. Ванслова*
Художественный редактор *Ю. Л. Максимов*
Технический редактор *М. П. Грибова*
Корректор *Н. В. Спичкина*

Сдано в производство 3/VIII 1965 г.

Подписано к печати 4/XI 1965 г.

Бумага $70 \times 108^{1/32} = 6,57$ бум. л.
18,38 печ. л.

Уч.-изд. л. 16,75 Изд. № 12/3142

Цена 98 к. Зак. 1692

*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР»
Москва, 1-й Рижский пер., 2

*

Ленинградская типография № 2
имени Евгении Соколовой
Главполиграфпрома
Государственного комитета
Совета Министров СССР по печати,
Измайловский проспект, 29.